

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№ 2 • Том 64 • 2023 • МАРТ–АПРЕЛЬ

Издательство Московского университета
Lomonosov History Journal

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Калмыкова Е.В. Мятёж, казнь (1405 г.) и посмертное почитание архиепископа Ричарда Скрупы.	3
Кулакова И.П. Профессор Московского университета И.А. Гейм и его жизненный мир (по материалам описи квартиры в Ректорском доме 1821 г.)	19
Паликова Т.В., Жукова Н.Е. «... Я приеду к Вам уже не курсисткой, просто свободной гражданкой своей Родины»: женщина в общественно-политическом контексте начала XX в.	43
Селунская Н.Б. Образы «русского избирателя» и «народных избранников» в дискурсивных практиках начала XX в.	57
Хорошева А.В. Проблема кадров в советском физкультурном движении в 1918–1930 гг.	75
Попова О.Д. «Книга о вкусной и здоровой пище» 1952 г. в системе идеологических мифов СССР	97
Ахмадуллин В.А. Государственно-мусульманские отношения в СССР и выводы иностранцев о Советском государстве: анализ документов, обнаруженных в 2022 г.	118
Солопова О.В., Козопольянская-Соловьева А.В. Союзное государство России и Беларуси в конце XX — начале XXI века: развитие сотрудничества в сфере образования	129
Канищева В.В. Бывшие дворцовые села Московского и других уездов Центральной России: современное социально-демографическое состояние	159
Бирюкова Е.Д. Тиражирование и популяризация нравоучительных семейных сцен в практике Жана-Батиста Греза: подготовка и организация процесса.	175

CONTENTS

K a l m y k o v a E.V. Rebellion, Execution (1405), and Postmortem Veneration of Archbishop Richard Scrope	3
K u l a k o v a I.P. Professor of the Moscow University I.A. Heim (Bernhard Andreas von Heim) and his Life-World (according to the Materials of the Inventory of his Flat in Rector's House in 1821).....	19
P a l i k o v a T.V., Z h u k o v a N.E. "... I Will No Longer Come To You as a Girl Student, But as a Free Citizen of My Motherland": a Woman in the Socio-Political Context of the Early 20th Century	43
S e l u n s k a y a N.B. The Images of "Russian Voter" and "People's Deputies" in the Discursive Practices of the Early 20th Century	57
K h o r o s h e v a A.V. Personnel Matter in the Soviet Physical Culture Movement from 1918 through 1930.....	75
P o p o v a O.D. The 1952 "Book of Tasty and Healthy Food" in the System of Ideological Myths of the USSR	97
A k h m a d u l l i n V.A. The Relations between the State and the Muslims in the USSR and Foreigner's Conclusions about the Soviet State: Analysis of Documents Discovered in 2022	118
S o l o p o v a O.V., K o z o p o l i a n s k a i a - S o l o v e v a A.V. The Union State of Russia And Belarus in the Late 20th and Early 21st Centuries: Development of Cooperation in Education.....	129
K a n i s h c h e v V.V. Former Palace Villages of Moscow and Other Uyezds of Central Russia: the Current Socio-Demographic Condition.....	159
B i r y u k o v a E.D. Reproduction and Popularization of Moralizing Family Scenes in Jean-Baptist Greuze's Practice: Preparation and Organization of the Process.....	175

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-3-18

Е.В. Калмыкова

**МЯТЕЖ, КАЗНЬ (1405 г.)
И ПОСМЕРТНОЕ ПОЧИТАНИЕ
АРХИЕПИСКОПА РИЧАРДА СКРОУПА**

E. V. Kalmykova

**REBELLION, EXECUTION (1405),
AND POSTMORTEM VENERATION
OF ARCHBISHOP RICHARD SCROPE**

Аннотация. Статья посвящена уникальному случаю в истории католической церкви: казни за участие в мятеже против короля в 1405 г. архиепископа Йоркского Ричарда Скроупа. Конфликты монархов и прелатов — обычное явление для средневековой Европы. Время от времени государи заточали строптивых иерархов в темницы и даже могли пойти на их физическое устранение, но никогда — путем публичной казни. В статье анализируются возможные причины, вынудившие Ричарда Скроупа, поддержавшего восхождение Генриха Болингброка на английский престол в 1399 г., выступить с войском против своего короля. Следует ли воспринимать восстание архиепископа в контексте мятежа в июле 1403 г. Генри и Томаса Перси, с которыми Скроупа связывали родственные узы, или же в нем следует искать подражание Томасу Бекету, открыто выступившему против Генриха II, чтобы защитить свободы английской церкви? Помимо попыток найти ответы на эти вопросы, в статье анализируется общественный резонанс, вызванный казнью архиепископа. В первую очередь рассматривается реакция папского престола, а также меры, предпринятые архиепископом Кентерберийским Томасом Эранделом, направленные на сокрытие от народа информации об отлучении причастных к казни лиц, в том числе самого короля. Во-вторых, изучаются слухи, циркулировавшие в английском обществе по поводу характера болезни, поразившей Генриха сразу после казни Скроупа. Молва называла болезнь короля проказой, полагая ее карой за пролитие крови служителя Божьего. Наконец, особое внимание уделяется культуре казненного Скроупа, почитаемого в Йорке в качестве святого.

Калмыкова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kalmykova Elena Viktorovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Medieval History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
ekalm@mail.ru

ORCID: 0009-0000-5385-1604

Вопреки королевским запретам и даже попыткам преградить доступ к могиле Скроупа в йоркском соборе, поток пилигримов к месту его погребения не иссякал. Почитание Ричарда Скроупа неожиданно получило поддержку короны в период правления королей из династии Йорков, видевших в казненном архиепископе противника дома Ланкастеров.

Ключевые слова: средневековая Англия, Ричард Скроуп, мятеж против короля, отлучение от церкви, проказа, культ святого, Йоркский собор.

Abstract. The article examines a unique case in the history of the Catholic Church: the execution of Archbishop of York Richard Scrope for his participation in a rebellion against the king in 1405. Conflicts between monarchs and prelates were common in medieval Europe. Occasionally, sovereigns imprisoned recalcitrant hierarchs and might even have physically eliminated them, but never by public execution. The author discusses the possible reasons that led Richard Scrope, who supported Henry Bolingbroke's ascent to the English throne in 1399, to raise an army against his king. Should the Archbishop's rebellion be seen in the context of the July 1403 mutiny of Henry and Thomas Percy with whom Scrope was related or should we look for an imitation of Thomas Becket, who openly opposed Henry II to protect the liberties of the English Church? In addition to attempting to find answers to these questions, the article examines the public outcry caused by the execution of the archbishop. First, it deals with the reaction of the papacy and the measures taken by the Archbishop of Canterbury Thomas Arundel to conceal from the people information about the excommunication of those involved in the execution, including the king himself. Second, it deals with the rumors that circulated in English society about the nature of the illness that afflicted Henry immediately after Scrope's execution. The rumor referred to the king's illness as leprosy, believing it to be a punishment for shedding the blood of a servant of God. Finally, special attention is given to the cult of the executed Scrope, who was revered as saint and martyr in York. Despite royal prohibitions and even attempts to block access to Scrope's tomb in York Cathedral, the flow of pilgrims to his burial site continued unabated. The veneration of Richard Scrope was unexpectedly supported by the crown during the reign of the York kings, who saw the executed archbishop as an opponent of the House of Lancaster.

Keywords: medieval England, Richard Scrope, rebellion against the king, excommunication, leprosy, cult of the saint, York Cathedral.

* * *

8 июля 1405 г. католической Церкви в Англии был нанесен чувствительный удар. Впервые в истории королевства архиепископ был казнен за участие в мятеже против государя — казус редчайший для всей Западной Европы¹. Открытое противостояние королей и пре-

¹ Благодарю С.Ю. Агишева за подсказку о «Стокгольмской кровавой бане» (8–10 ноября 1520 г.), массовой казни, предпринятой по приказу датского короля Кристиана II, когда среди многих были обезглавлены епископ Винцент Скарский и Матиас Стренгнесский. Между тем эта казнь принципиально отличалась от казни Ричарда Скроупа: шведские прелаты были осуждены не светским, а церков-

латов или же тайное участие последних в заговорах против монархов иногда приводили к тому, что правителям приходилось принимать ответные меры. Однако применять насилие против слуг Церкви было весьма опасно. Так, арест по приказу Стефана II епископов Солсберийского, Линкольнского и Илийского в 1139 г. повлек за собой утрату королем поддержки духовенства и способствовал усилению соперничавшей с ним в борьбе за корону императрицы Матильды. Подозрения в причастности Генриха II к убийству в декабре 1170 г. Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского, заставили государя принести публичное покаяние и отказаться от проведения реформы церкви. В 1388 г. по обвинению в измене Ричарду II был арестован архиепископ Йоркский Александр Невилл, но ему удалось до суда бежать из заточения к папскому двору. В 1397 г. взявший ненадолго верх над оппозицией Ричард II лишил архиепископа Кентерберийского Томаса Эрандела его кафедры и всех бенефициев, однако не препятствовал отъезду опального прелата в Рим. Показательно, что такое поведение государя не вызвало особых нареканий со стороны законного римского папы Бонифация IX. Не желая потерять поддержку английского короля, когда на римский престол претендовал также авиньонский антипапа Бенедикт XIII, понтифик утвердил смещение Эрандела и поставил на Кентеберийскую кафедру Роджера Уолдена, декана собора в Йорке. Очевидно, что между признанием за прелатом вины в измене королю и вынесением ему смертного приговора лежала пропасть.

Ричард Скроуп Мэшемский принадлежал к одному из виднейших семейств англо-шотландского пограничья. До своего мятежного выступления летом 1405 г. он сначала был надежным соратником, а потом и верным подданным Генриха Болингброка. Получившего прекрасное образование сначала в Оксфорде, а потом в Кембридже Ричарда Скроупа неоднократно отправляли послом в Рим. Пользуясь расположением сначала Урбана VI, а потом и Бонифация IX, он стал в 1383 г. деканом Чичестерского собора, а в 1386 г. — епископом Ковентри и Личфилда, в 1398 г. достиг вершины своей карьеры, заняв архиепископскую кафедру в Йорке, одновременно получив назначение папским легатом. В 1399 г. архиепископ Йоркский открыто поддержал Генриха Болингброка. Вместе с Джоном Трефнантом, епископом Херефордским, также знатоком канонического права,

ным судом, на котором председательствовал архиепископ Густав Тролле, против них было выдвинуто обвинение в ереси. Со стороны папского престола никаких санкций против архиепископа Г. Тролле не последовало (подробнее см.: *Wolke L.E. Stockholms blodbad. Stockholm, 2006*). О других казнях епископов до эпохи Реформации в Западной Европе нам неизвестно.

Скроуп возглавил комиссию по низложению Ричарда II. 29 сентября он посетил пленного короля и заручился его «добровольным отречением», а на следующий день представил хартию об отречении собрания лордов и прелатов. Вместе с архиепископом Кентерберийским Томасом Эранделом Ричард Скроуп препроводил Генриха Болингброка к пустующему трону Англии, поддержав его коронацию². Что же заставило этого лояльного новой власти прелата через несколько лет возглавить вооруженный мятеж, приведший его в конечном итоге на плаху?

Рассказывая о причинах восстания 1405 г., историки, как правило, связывают его с более ранними событиями, а именно с мятежом Генри Перси по прозвищу Горячая шпора, наследника Генри Перси, графа Нортумберленда³. За поддержку, оказанную Генриху Болингброку родом Перси и, в частности, Генри Перси Горячей шпорой во время его борьбы за английский престол с Ричардом II, основатель династии Ланкастеров наградил своих соратников землями и должностями. Сам Генри Перси-младший стал коннетаблем нескольких валлийских замков и юстициарием Уэльса. Однако после громкой победы при Хомильдон-Хилле, одержанной графом Нортумберленда и его сыном 14 сентября 1402 г., когда Арчибальд Дуглас и другие знатные шотландские лорды оказались в английском плену, отношения между королем и лордами Перси охладели. Генрих IV отказался компенсировать расходы Перси на военные действия, а также отказался уплатить выкуп за шурина Перси — сэра Эдмунда Мортимера⁴, который был пленен валлийским мятежником Оуайном Глиндуром, провозгласившим себя принцем независимого Уэльса. Кроме того, король потребовал передать ему всех знатных шотландцев, захваченных при Хомилдон-Хилле. Возмущенный решением короля, Генри Перси Горячая шпора не только отпустил без выкупа Арчибальда Дугласа, но и договорился с шотландцем о совместном

² *McNiven P.* Scrope, Richard (c. 1350–1405) // *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford, 2004. — URL: <http://ezproxy-prd.bodleian.ox.ac.uk:2167/view/article/24964> (дата обращения 22.01.2023).

³ *Davies R.R.* The Revolt of Owain Glyn Dŵr. Oxford, 1995; *McNiven P.* The Betrayal of Archbishop Scrope // *Bulletin of the John Rylands University Library*. 1971. Vol. 54. P. 173–213; *Idem.* The Scottish Policy of the Percies and the Strategy of the Rebellion of 1403 // *Bulletin of the John Rylands University Library*. 1979/1980. Vol. 62. P. 498–530; *Bean J.M.W.* Henry IV and the Percies // *History*, New Ser. 1959. Vol. 44. P. 212–227; *King A.* ‘They have the Hertes of the People by the North’, the Percies and Henry IV, 1399–1408 // *Henry IV: The Establishment of the Regime, 1399–1406* / Ed. J.M.W. Bean. York, 2003. P. 138–160; *Walker S.* The Yorkshire Risings of 1405: Texts and Contexts // *Henry IV: The Establishment of the Regime, 1399–1406*. P. 161–184.

⁴ Генри Перси Горячая шпора был женат на Элизабет, дочери Эдмунда Мортимера, 3-го графа Марча.

выступлении против Генриха Ланкастера. Скрепляя союзный договор, Эдмунд Мортимер женился на дочери Глиндур.

Подводя законную базу под свое выступление, мятежники позиционировали себя защитниками прав на английскую корону племянника Эдмунда Мортимера. Владелец того же имени, Эдмунд Монтимер, 5-й граф Марч, был правнуком Лайонеля Антверпенского, 3-го сына Эдуарда III, а, следовательно, имел династическое старшинство перед Генрихом Болингброком, отец которого, Джон Гонт, был 4-м сыном короля Эдуарда. В 1399 г. восьмилетний Эдмунд Мортимер не мог составить Генриху Болингброку достойную конкуренцию, однако основатель династии Ланкастеров прекрасно осознавал опасность, исходившую от юного претендента, а посему заточил Эдмунда и его младшего брата Роджера в Винзорский замок.

С самого начала заговорщики планировали выступить одновременно в нескольких местах, чтобы рассредоточить силы противника. Мортимеры вместе с валлийцами под предводительством Оуайна Глиндур действовали в Уэльсе, Генри Перси Горячая шпора, его дядя Томас Перси, граф Вустер, и Арчибалд Дуглас собрали войска на англо-шотландской границе. Заговорщики ожидали помощи от графа Нортумберленда — его имя упоминалось в изданных мятежниками прокламациях, но глава рода Перси так и не появился на поле битвы⁵. Английский рыцарь Джон Хардинг, сторонник Генри Перси Горячей шпоры и непосредственный участник всех этих событий, в том числе сражения при Шрусбери, в составленной им в середине XV в. рифмованной хронике никак не объясняет нерешительность графа Нортумберленда⁶. А вот в первой части пьесы У. Шекспира «Генрих IV» граф присылает сыну письмо, в котором объясняет свое отсутствие болезнью⁷. По-видимому, граф с небольшим войском все-таки двинулся навстречу сыну, но обнаружил на своем пути войска Ральфа Невилла, графа Уэстморленда. Также существует версия о том, что промедление Генри Перси-старшего было связано с волнениями на шотландской границе⁸. Так или иначе, граф Нортумберленд не успел поддержать родственников в генеральном

⁵ Еще до выступления сына граф Нортумберленд проявил лояльность Генриху IV и выполнил приказ короля, доставив в Вестминстер всех пленных при Хомилдон-Хилле шотландских лордов, за исключением отпущенного Горячей шпорой Арчибалда Дугласа.

⁶ *Hardyng J.* The Chronicle / Ed. H. Ellis. London, 1812. Repr.: 1974. P. 361–362.

⁷ *Шекспир У.* Генрих IV. Акт 4, сцена 1.

⁸ *Bean J.M.W.* Percy, Henry, first Earl of Northumberland (1341–1408) // Oxford Dictionary of National Biography. — URL: <http://ezproxy-prd.bodleian.ox.ac.uk:2167/view/article/21932> (дата обращения 22.01.2023).

сражении, которое было дано 21 июля 1403 г. при Шрусбери. Победа досталась войскам короля. В сражении особой доблестью отличился принц Генрих, будущий король Генрих V. Генри Перси Горячая шпора погиб в битве. Арчибальд Дуглас сразил трех дворян, переодетых в королевское платье, но в результате был взят в плен. В плен попал и Томас, граф Вустер, казненный через два дня. Генри Перси был похоронен в Уитчерче, но через несколько дней после погребения его тело выкопали, отсекали голову и выставили на воротах Йорка. Поскольку глава дома Перси, граф Нортумберленд, не принимал непосредственного участия в военных действиях против короля, он избежал обвинения в измене, но подозрение в его причастности к заговору были слишком сильны, и после суда над родственниками граф лишился должности коннетабля Англии.

Архиепископ Ричард Скруп был тесно связан с семейством Перси: его младший брат Джон был женат на Елизавете, вдове Томаса, 2-го сына графа Нортумберленда, а сестра Изабелла была замужем за Робертом Пламтоном, пользовавшимся особым покровительством графа. Уильям Пламтон, старший из рожденных в этом союзе сыновей, также принял участие в мятеже 1405 г. Согласно версии Джона Хардинга, еще в 1403 г., во время выступления Генри Перси Горячей шпоры, мятежники советовались с Ричардом Скроупом и «другими святыми мужами»⁹. Однако более основательных свидетельств причастности архиепископа к мятежу нет. Более того, вопреки версии У. Шекспира, утверждавшего устами Томаса Перси, графа Вустера, что архиепископ был рад примкнуть к мятежу Генри Перси Горячей шпоры, поскольку гневался на короля за казнь своего брата в Бристоле¹⁰, не только нет никаких сведений о насильственной смерти Стивена Скроупа, умершего в январе 1404 г., но, напротив, фактом является участие племянника архиепископа — сэра Генри, 3-го лорда Скроупа Мэшемского, близкого друга принца Генриха — в битве при Шрусбери на стороне людей короля.

В пьесе У. Шекспира «Генрих IV» мятежным выступлениям уделяется большое внимание. Оба события связаны друг с другом и следуют непосредственно одно за другим без намека на хронологическую лакуну (это было характерной чертой подобных сочинений). Устами своих героев, в том числе архиепископа Скроупа, Шекспир не только рассуждает о непостоянстве народа, сначала жаждавшего низложения Ричарда и коронации Болингброка, а затем жалевшего о гибели Ричарда и недовольного правлением нового монарха:

⁹ *Hardyng J.* Op. cit. P. 351.

¹⁰ *Шекспир У.* Генрих IV, часть 1 (акт 1, сцена 3).

Пресытился народ любовью жадной,
И от избранника его тошнит.
Всегда непрочно, ненадежно зданье,
Основанное на любви толпы.

.....
Те, что при жизни Ричарда желали
Ему кончины, в гроб его влюбились.
Ты, что бросала грязь ему в лицо,
Когда по гордым улицам столицы
Он шел, вздыхая, вслед за Болингброком,
Героем дня, — теперь кричишь: “Земля,
Верни его, а Генриха возьми!”
(акт 1, сцена 3¹¹)

Сообщая графу Нортумберленду о поражении сына и брата в битве при Шрусбери, его приближенный Мортон замечает, что архиепископ уже собрал войска, придав восстанию особое значение возмездия за гибель законного государя:

Архиепископ освятил мятеж:
Святым и праведным его считают,
И увлекает он и дух и тело.
Он кровью Ричарда кропит повстанцев,
Соскобленную с помфретских камней;
Придал он распре вид небесной кары;
Твердит, что ходит по земле кровавой,
Стенающей под гнетом Болингброка, —
И стар, и млад идут за ним толпой.
(акт 1, сцена 1)

Причины, по которым архиепископ Йоркский в 1405 г. решился на мятеж против короля, до конца не ясны. С одной стороны, новый мятеж затронул практически все знатные семейства севера страны, а с другой стороны, у прелата могли найтись собственные поводы, чтобы быть недовольным правлением нового короля, отличные от клановой верности Перси. Современники событий, в большинстве своем симпатизировавшие казненному архиепископу, в качестве наиболее очевидного объяснения указывали на недовольство Скроупа усилением королевского давления на Церковь, называя прелата вторым Томасом Бекетом. К сожалению, текст манифеста, изданного Скроупом в Йорке, с призывом присоединиться к восстанию известен только в пересказах хронистов, самым подробным из которых является версия современника тех событий — хрониста из Сент-Олбанса Томаса Уолсингема. По свидетельству Уолсингема,

¹¹ Здесь и далее пьеса Шекспира цитируется в переводе Е. Бируковой.

манифест, написанный на «народном» (barbaric) английском языке, «чтобы люди могли прочесть и понять его», прибавали к дверям храмов и монастырей. В тексте содержались призывы избавить Церковь от нестерпимой ноши, пресечь ущемление прав Церкви и искоренить святотатства путем вооруженного восстания¹². В трактовке Климента Мейдстоуна, делавшего упор на мученической смерти Ричарда Скроупа, недовольство притеснениями Церкви было единственной причиной восстания архиепископа¹³. Анонимный современник, хронист из Кентербери, также не связывал выступление Ричарда Скроупа с семейством Перси и их конфликтом с королем¹⁴. Для монастырских хронистов в этой истории на первом месте стоят поправленные права и свободы Церкви и ее служителей. Архиепископ якобы пытался ранее указать королю Генриху на существующие несправедливости и беззакония и даже грозил монарху отлучением от Церкви. Таким образом, никто из современников событий не связывал выступление Ричарда Скроупа с мятежом семейства Перси, трактуя эти акции как абсолютно не зависимые друг от друга. Более того, лишь за одним исключением, все остальные члены семейства Скроуп не принимали участия в волнениях 1405 г.¹⁵, храня верность королю Генриху.

Как уже отмечалось, самый подробный и интересный рассказ о мятеже Ричарда Скроупа содержится в хронике Томаса Уолсингема. По его свидетельству, «как только послания были прочитаны и благочестивый замысел понят, рыцари, сквайры и простолюдины из города и окрестностей сплотились в большом количестве вокруг архиепископа, который почитался всеми за возраст, святость жизни, знание наук и исключительную личную доброту». Чуть ниже Уолсингем несколько раз намеренно подчеркнет непрофессионализм войска, собранного Ричардом Скроупом и его единомышленниками, отмечая, что людям было непривычно находиться в доспехах и они явно тяготились нехарактерным для себя амплуа¹⁶. Помимо самого

¹² *Walsingham Th. Historia Anglicana. Chronica monasterii S. Albani: 2 vols / Ed. H. Rily. Vol. II. London, 1864. P. 268–269; Annales Henrici Quarti /Johannis de Trokelow et Henrici de Blaneforde, monachorum S. Albani, necnon quorundam anonymorum Chronica et annales, regnantibus Henrico Tertio, Edwardo Primo, Edwardo Secundo, Ricardo Secundo, et Henrico Quarto / Ed. H.T. Riley. London, 1866. P. 403–405.*

¹³ *The Historians of the Church of York and its Archbishops: 3 vols / Ed. J. Raine. Vol. II. London, 1886. P. 431–432.*

¹⁴ *Eulogium historiarum sive temporis: Chronicon ab orbe condito usque ad annum Domini M. CCC.LXCI; 3 vols / Ed. F.S. Haydon. Vol. III. London, 1863. P. 405–408.*

¹⁵ Племянник архиепископа Джеффри Скроуп, сын его брата Стивена, был прощен за участие в восстании в июне 1405 г. (*Calendar of the Patent Rolls, 1405–1408. London, 1907. P. 19; McNiven P. The Betrayal of Archbishop Scrope. P. 192–193.*)

¹⁶ *Walsingham Th. Historia Anglicana. Vol. II. P. 269; Annales Henrici Quarti. P. 405.*

архиепископа среди лидеров восстания следует назвать девятнадцатилетнего Томаса Моубрея, графа Ноттингема и Норфолка¹⁷, и племянника прелата Уильяма Пламтона¹⁸. Полтора века спустя версия Уосингема очень близко к тексту была пересказана в хронике Рафаила Холиншеда¹⁹, которая, в свою очередь, послужила источником для исторических хроник Шекспира. Нарушив хронологический принцип и подчинив изложение событий законам сцены, Шекспир логическим образом объединил и мотивацию, которой, по его мнению, руководствовались все восставшие.

Три дня архиепископ Ричард Скруп, Томас Моубрей и Уильям Пламтон провели в Шиптон Муре в нескольких милях от Йорка, ожидая подкрепления. Собранная ими армия при всем своем непрофессионализме была настолько велика, что Ральф Невилл, граф Уэстморленд, и принц Джон, которые находились неподалеку с королевскими войсками²⁰, не рискнули вступить с ней в бой. В сложившейся ситуации граф решил действовать хитростью и начал переговоры с восставшими. Желая обелить архиепископа от обвинений в измене королю, Уолсингем уточняет, что во время этих переговоров Скруп сразу заявил о нежелании нарушать мир в королевстве, напротив, все его действия были якобы нацелены на сохранение поряд-

¹⁷ Участие Томаса Моубрея в мятеже против короля скорее всего объясняется желанием отомстить за ссылку и гибель своего отца. Томас Моубрей-старший, один из 5 лордов-апеллянтов в 1388 г., не только примирился с королем Ричардом II, но и принял участие в расправе над своими бывшими единомышленниками. В 1397 г. должность графа-маршала была закреплена за потомками Моубрея в качестве наследственной, также ему были переданы часть владений казенного графа Эрандела и сосланного графа Уорика. В январе следующего года Моубрею был пожалован титул герцога Норфолка. Однако уже 30 января 1398 г. Генрих Болингброк, также бывший лорд-апеллянт, открыто обвинил его в заговоре против короля, убийстве герцога Глостера и всех остальных бедах королевства. Болингброк предложил подтвердить свою правоту в ходе судебного поединка, который был назначен на 17 апреля 1398 г. Не дав поединку начаться, Ричард II приговорил Болингброка к изгнанию на 10 лет, а Моубрея — пожизненно, все пожалованные ему владения были конфискованы, а также должность графа-маршала и капитана Кале. Уехав из Англии, Томас Моубрей умер от чумы 22 сентября 1399 г. в Венеции.

¹⁸ Уильям Пламтон, старший сын Роберта Пламтона (ум. 1407), принадлежал к одному из знатных дворянских родов северной Англии, пользовавшихся покровительством семейства Перси. Помимо клиентских связей с графом Нортумберлендом следует отметить еще одну возможную причину его участия в мятеже: мать Уильяма Пламтона, Изабелла, была сестрой архиепископа Ричарда Скроупа.

¹⁹ *Holinshed R. The Chronicles of England, Scotland, and Ireland. London, 1577. P. 1147–1149.*

²⁰ До мятежа 1403 г. должность хранителя восточной части англо-шотландского пограничья (lord Warden of Eastern March) принадлежала Генри Перси Горячей шпоре. После поражения при Шрусбери она была передана принцу Джону Ланкастеру. Генри Перси, граф Нортумберленд, исполнял обязанности хранителя западной части пограничья (lord Warden of Western March). Эта должность была в 1403 г. передана Ральфу Невиллу, графу Вестморленду.

ка и спокойствия. Причина же, по которой он вооружился и окружил себя войсками, — страх перед королем. По версии хрониста из Сент-Олбанса, единственным желанием архиепископа было встретиться с королем один на один, без льстивой толпы приближенных, чтобы обсудить ситуацию в королевстве. Более того, архиепископ настаивал, что изданная им прокламация должна послужить на благо королю и королевству. Усиливая впечатление о невинности Скроупа, хронист добавляет: «Когда граф Уэстморленд прочитал документ, он публично похвалил благочестие и праведность намерений архиепископа и дал свое слово, что он сам и его люди открыто обсудят текст манифеста»²¹. Любопытно, что даже Шекспир, первоначально связавший выступление архиепископа и Моубрея с мятежом Генри Перси, повествуя о беседе архиепископа с Уэстморлендом, излагает миролюбивую версию выступления прелата:

Година смуты нам велит, сплотившись,
Прибегнуть к столь чудовищному средству,
Чтоб оградить себя. Я предъявил
Вам перечень обид, нам причиненных,
С презреньем был отвергнут он двором,
И это породило гидру войн,
Чей грозный взор вы усыпить могли бы,
Законные исполнив наши просьбы.
Тогда покорность, сбросив гнет безумья,
К монаршим кротко склонится стопам.
(акт 4, сцена 2)

Затем граф предложил архиепископу встретиться на нейтральной территории с равным числом сопровождающих, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Архиепископ с радостью согласился на переговоры, в ходе которых, по утверждению Уолсингема, он смог полностью убедить графа в своей правоте. Граф и его спутники одобрили составленный архиепископом документ и согласились его поддержать. Любопытно, как хронист построил повествование: сначала он ничего не сообщает о коварном замысле графа обмануть архиепископа, напротив, подчеркивает сильное и благоприятное впечатление, которое на него произвел манифест и слова прелата.

29 мая Ральф Невилл убедил архиепископа в своей поддержке и уговорил его распустить войско. В знак соглашения оба выпили вина на виду обеих армий. Пожав графу руку, архиепископ отправил доверенного рыцаря к войску, чтобы тот провозгласил о заключенном мире и призвал воинов сложить оружие и вернуться домой. Люди из

²¹ *Walsingham Th. Historia Anglicana. Vol. II. P. 269; Annales Henrici Quarti. P. 405–406.*

войска архиепископа, тяготившиеся непривычными военными обязанностями, охотно повернули коней к дому. И пока войско архиепископа редело, армия графа Уэстморленда, напротив, увеличивалась. Однако вплоть до самого ареста в присутствии графа Ричард Скроуп так и не понял, что его обманули²². В пьесе Шекспира примирительные слова и лицемерные обещания безопасности произносит не граф Уэстморленд, а принц Джон, напоследок насмешливо указавший архиепископу на неразумность роспуска войска в разгар мятежа²³.

Вместе со Скроупом были арестованы и его приближенные, хотя им также обещали неприкосновенность. Правильно расставленные хронистом акценты, с одной стороны, фактически снимают с Ричарда Скроупа обвинение в вооруженном мятеже: до столкновения двух армий дело так и не дошло, к тому же прелат сам отдал приказ своим сторонникам разойтись по домам. Поражение архиепископа не выглядит следствием недостаточной поддержки со стороны населения, но является результатом коварства графа Уэстморленда.

Король Генрих, прибыв 3 июня в замок Понтефракт, где содержался арестованный архиепископ, отказался встретиться с ним и потребовал, чтобы его единокровный брат Томас Бофор, назначенный им адмиралом Севера и командующий королевскими войсками, забрал у арестанта пастырский посох²⁴. Несмотря на заступничество близкого советника короля архиепископа Кентерберийского Эрандела, Ричард Скроуп был осужден на смерть за измену королю и 8 июля обезглавлен на поле за городскими стенами Йорка²⁵. В начале XVI в. бывший лондонский олдермен Роберт Фабиан в своей хронике был весьма лаконичен в изложении причин и хода мятежа, но подробнее остановился на казни архиепископа. В его версии архиепископ, представ пред палачом, попросил его нанести пять ударов, символизирующих пять ран Христа. И эти самые удары одновременно с архиепископом испытал король Генрих, находившийся в собственных покоях. Ощущения короля были настоль реалистичны, что ему показалось, будто кто-то из присутствовавших нанес ему удары по шее²⁶.

²² *Walsingham Th. Historia Anglicana. Vol. II. P. 269; Annales Henrici Quarti. P. 406–407.*

²³ *Шекспир У. Генрих IV. Акт 4, сцена 2.*

²⁴ *McNiven P. Scrope, Richard (c. 1350–1405) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. Online edn, May 2008. — URL: <http://ezproxy-prd.bodleian.ox.ac.uk:2167/view/article/24964> (дата обращения 22.06.2016).*

²⁵ *Capgrave J. Chronicle of England / Ed. F.C. Hingeston. London, 1858. P. 291; Incerti Scriptores Chronicon Angliae de regnis trium regum Lancastriensim Henrici IV, Henrici V et Henrici VI / Ed. J.A. Giles. London, 1848. P. 49; Wylie J.H. History of England under Henry IV: 4 vols. Vol. II. London, 1884. P. 339–340.*

²⁶ *Fabyan R. The New Chronicle of England and France by Robert Fabyan, named by himself the Concordance of histories / Ed. H. Ellis. London, 1811. P. 572.*

В отличие от других казненных мятежников, голова Скроупа не выставлялась над воротами Йорка, но вместе с телом была сразу же захоронена в кафедральном соборе. Фактически сразу после похорон могила казненного архиепископа стала местом паломничества. Поток пилигримов был настолько велик, что уже в сентябре того же 1405 г. над могилой пришлось возвести ограждение. Вскоре король потребовал прекратить поклонение осужденному предателю. Сын короля, Джон Ланкастер, коннетабль Англии и один из хранителей англо-шотландского пограничья, распорядился соорудить настоящую баррикаду (деревянную конструкцию, опирающуюся на каменную кладку), преграждавшую доступ к могиле²⁷. Для сокращения числа паломников принц приказал йоркским сержантам записывать их имена²⁸. Забавно, но возведенное сооружение впоследствии чудесным образом было разрушено престарелым Джоном Сибсоном. Вдохновленный видением покойного архиепископа он в одиночку разобрал заграждение, которое не под силу было сдвинуть и троим²⁹. Не только могила архиепископа, но и место его казни привлекали паломников. По свидетельству Уолсингема, в тот год поле, где была пролита кровь Ричарда Скроупа, дало небывалый урожай³⁰.

Вскоре после казни архиепископа в июне 1405 г. у короля впервые проявились признаки болезни, от которой он страдал до конца своей жизни. Сильные приступы повторились в апреле 1406 г., июне 1408 г., зимой 1408–1409 гг., в декабре 1412 г. и, наконец, в марте 1413 г., после чего король умер³¹. В настоящее время существует множество предположений относительно характера этого заболевания. Известно, что оно проявлялось повреждениями кожи, а также приступами, во время которых король оказывался неспособным к государственным делам. И если современные исследователи склоняются к версии о кожном дерматите в сочетании с эпилепсией или кардио

²⁷ *Walsingham Th. Historia Anglicana. Vol. II. P. 270–271; The Historians of the Church of York and its Archbishops. Vol. III. P. 293–294; The Fabric Rolls of York Minister / Ed. J. Raine. Durham, 1859. P. 196.*

²⁸ *York Memorandum Book. Vol. I / Ed. M. Sellers. Durham, 1911. P. 236–238.*

²⁹ Об этом чуде можно прочитать в сочинении известного теолога, неоднократно исполнявшего обязанности канцлера Оксфордского университета, Томаса Гаскойна: *Gascoigne Th. Loci et Libro Veritatum / Ed. J.E. Thorold Rogers. Oxford, 1881. P. 229.* Также см.: *Anglia Sacra / Ed. H. Wharton. Vol. II. London, 1691. P. 369–372; The Historians of the Church of York and its Archbishop. Vol. II. P. 306–311; Wylie J.H. Op. cit. Vol. II. P. 342.*

³⁰ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti / Ed. H.T. Riley. London, 1866. P. 409–410.*

³¹ *Wylie J.H. Op. cit. Vol. II. P. 245–252; Jacob E.F. Fifteenth Century, 1399–1485. Oxford, 1961. P. 99–100; McKenna J.W. Popular Canonization as Political Propaganda: The Cult of Archbishop Scrope // *Speculum. 1970. Vol. 45. P. 612–614.**

васкулитом, то для средневековых авторов существовал один диагноз — проказа³². Предложенная противниками Генриха IV версия о происхождении болезни короля — божья кара за казнь Ричарда Скроупа — в конечном итоге стала преобладать в исторических сочинениях³³.

В труде, посвященном мученичеству Ричарда Скроупа, бенедиктинский монах Климент Мейдстоун, ссылаясь на разговор с Джорджем Пламтоном, сыном казненного вместе с архиепископом Уильяма Пламтона, утверждал, что Пламтон-младший лично заметил следы проказы на королевском лице через восемь дней после казни прелата. Слова Пламтона Мейстоун подтверждает ссылками и на другие свидетельства³⁴.

Слухи, связывавшие болезнь короля с мученической смертью архиепископа, усугублялись рассказами о чудесах, совершавшихся на могиле Скроупа. 3 декабря 1405 г. архиепископ Эрандел и Томас Ленгли, епископ Дарема, который был также деканом Йоркского собора, отправили послание соборному капитулу Йорка с приказом запретить почитание архиепископа Ричарда Скроупа и остановить распространение слухов о якобы совершаемых им посмертных чудесах. Впрочем, в письме была сделана оговорка, что эта мера утверждалась до тех пор, пока чудеса не будут подтверждены³⁵. Паломники, вдохновленные слухами о чудесах³⁶, оставляли у могилы подношения (воск, серебряные и золотые предметы). В 1405 г. почитание Скроупа и распространение слухов о совершаемых им чудесах были запрещены «под страхом смерти», а все подношения у гробницы архиепископа переданы на нужды собора³⁷. В июне 1406 г. именно эти средства были направлены на восстановление рухнувшей башни³⁸.

Папа Иннокентий VII отлучил от Церкви всех, кто был причастен к казни архиепископа Йоркского. Однако верный Генриху IV архиепископ Эрандел принял решение не обнародовать папскую буллу об отлучении. Впрочем, слухи о глубокой печали папы по поводу

³² Джон Капгрев прямо указывает на то, что «утрата королем красоты лица, по общему мнению, объяснялась проказой»: *Capgrave John*. Op. cit. P. 291. Также см.: *An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry V and Henry VI* / Ed. J.S. Davis. London, 1856. P. 33; *Historical Poems of the XIVth and XVth Centuries* / Ed. R.H. Robbins. New York, 1959. P. 295.

³³ *Fabyan Robert*. Op. cit. P. 572.

³⁴ *The Historians of the Church of York*. Vol. II. P. 308–309; *Anglia Sacra*. Vol. II. P. 364–372.

³⁵ *The Historians of the Church of York*. Vol. III. P. 291–292.

³⁶ *Fabyan R*. Op. cit. P. 572; *Holinshed R*. Op. cit. P. 1149.

³⁷ *The Historians of the Church of York*. Vol. II. P. 292–293.

³⁸ *Wylie J.H*. Op. cit. Vol. II. P. 354–355.

казни английского прелата и без того широко распространились в обществе³⁹. По утверждению анонимного хрониста, король, желая оправдаться, отправил сменившему Иннокентия VII на папском престоле Григорию XII кольчугу, в которой якобы Ричард Скруп был захвачен в плен⁴⁰. Эта кольчуга должна была доказать нарушение архиепископом норм канонического права, запрещающих людям Церкви братья за оружие, и, следовательно, утвердить правомерность суда над ним и сурового приговора. Насколько эта история достоверна, не совсем понятно. В любом случае, хронист явно не одобрял казнь прелата, ибо вложил в уста папы весьма скептический ответ: «принадлежит ли эта кольчуга моему сыну или нет, я знаю, что злобный зверь сожрал моего сына»⁴¹.

12 апреля 1408 г. папа Григорий XII издал новую буллу, адресованную епископам Дарема и Линкольна и отменяющую предыдущее церковное отлучение. В тексте буллы приводится официальная версия непричастности короля к аресту и вынесению смертного приговора архиепископу⁴². Тем не менее, во искупление пролитой крови служителя Церкви король обещал основать три монастыря. Текст буллы, согласно Джону Капгрейву, зачитывался у смертного одра короля⁴³. Снятие церковного отлучения с короля не остановило развитие почитания Ричарда Скрупа. Под 1413 г. анонимный автор «Цветов истории» упоминает о чуде спасения святым Ричардом колокольни близ Йорка от пожара⁴⁴.

Получив снятие церковного отлучения, Генрих IV не стал ропотиться с исполнением его условия. Ссылаясь на свидетельство собственного отца, Томаса, Климент Мейдстоун рассказал совсем уж фантастическую историю. Якобы во время перевозки по морю тела Генриха IV к месту захоронения в Кентербери разразилась страшная буря (трактуемая как гнев святого за нарушение королем обещания основать три монастыря), которая не утихла до тех пор, пока моряки не выбросили труп из гроба. По утверждению Мейдстоуна,

³⁹ Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices: 20 vols / Ed. T. Rymer. Hagae, 1704–1735. Vol. VII. P. 86, 117, 22, 277; Eulogium Historiarum sive temporis: chronicon ab Obre Condito usque ad Annum Domini MCCCLXVI a monacho quodam Malmesburiensi Exaratum: 3 vols / Ed. F.S. Haydon. Vol. II. London, 1858–1863. P. 408; The Historians of the Church of York. Vol. II. P. 310.

⁴⁰ An English Chronicle. P. 33–34.

⁴¹ “Sive hec sit tunica filii mei an non, scio quia fera pessima devoravit filium meum” (Ibid. P. 33–34).

⁴² Wylie J.H. Op. cit. Vol. II. P. 347–353.

⁴³ Capgrave John. Op. cit. P. 302.

⁴⁴ Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 421.

эту байку его отцу поведал один из трех соучастников, который поклялся, что в Кентерберии захоронен пустой гроб⁴⁵.

Вступив на престол, Генрих V не только основал обещанные его отцом монастыри⁴⁶, но также снял все ограничения на паломничество к могиле Ричарда Скроупа⁴⁷. К этому времени относится появление даже специальной должности хранителя могилы⁴⁸.

Противостояние Йорков и Ланкастеров в эпоху Войны роз дало новый импульс почитанию Ричарда Скроупа. Забыв об участии архиепископа в низложении Ричарда II, йоркисты сделали его символом борьбы с незаконно узурпировавшим английскую корону Генрихом IV. В этом контексте мученическая смерть архиепископа приобрела особое политическое значение⁴⁹. В апреле 1471 г. в прокламации, изданной против Маргариты Анжуйской, Эдуард IV вспоминал о «Ричарде Скроупе, некогда архиепископе Йоркском, который за право нашего предка, чьи владением мы сейчас обладаем, умер и принял мученическую смерть»⁵⁰. Короли из династии Йорков не только сохранили должность особого хранителя могилы Ричарда Скроупа — “Custos sepulcri Beati Ricardi le Scrope”, также есть сведения о том, что в поле, на месте казни прелата, появилась часовня⁵¹. Уже в 1462 г., т.е. на втором году правления Эдуарда IV, на конвокации духовенства Йоркского архиепископства обсуждалась возможная официальная канонизация архиепископа⁵². Общая уверенность в том, что архиепископ будет вскоре канонизирован, после чего его останки по традиции перенесут в новую могилу, была настолько сильна, что в 1467 г. каноник Рипон завещал 20 золотых нобилей на новую гробницу Ричарда Скроупа⁵³.

В 1485 г. гибель Ричарда III в битве при Босфорте положила конец интересу английских королей к канонизации Ричарда Скроупа.

⁴⁵ The Historians of the Church of York. Vol. II. P. 310–311.

⁴⁶ Capgrave J. Op. cit. P. 307–308; Thomae de Elmham. Vita et Gesta Henrici Quinti Anglorum Regis / Ed. Th. Hearne. Oxford, 1727. P. 24–25.

⁴⁷ Hardyng J. Op. cit. P. 372.

⁴⁸ Testamenta Eboracensia / Ed. J. Raine. Durham, 1865. (Surtees Society, 3). P. 63.

⁴⁹ Эти идеи, например, содержатся в анонимной поэме, написанной в 1462 г. См.: Political Poems and Song relating to English History, composed during the Period from the Accession of Edward III to that of Richard III: 2 vols / Ed. Th. Wright. Vol. II. London, 1852. P. 267.

⁵⁰ Calendar of Close Rolls, Edward IV, 1468–1471 / Ed. W.H.B. Bird, K.H. Ledward. London, 1953. P. 188–190; Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunq[ue] generis acta publica... Vol. XI. P. 709.

⁵¹ Wylie J.H. Op. cit. Vol. II. P. 239.

⁵² Ibid. P. 357.

⁵³ Ibid.

Для Генриха VII большой интерес представлял другой мученик, популярность которого в народе даже превышала популярность Ричарда Скроупа, — убитый в 1471 г. король Генрих VI.

References

Bean J.M.W. *Henry IV and the Percies* // *History*. New Ser. 1959. Vol. 44. P. 212–227.

Bean J.M.W. *Percy, Henry, First Earl of Northumberland (1341–1408)* // *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 399–405.

Davies R.R. *The Revolt of Owain Glyn Dŵr*. Oxford: Oxford University Press, 1995. 401 p.

The Fabric Rolls of York Minister / Ed. by J. Raine. Surtees Society, 35. Durham: Andrews and Co., 1859. 378 p.

Gascoigne Th. *Loci et Libro Veritatum* / Ed. by J.E. Thorold Rogers. Oxford: Clarendon Press, 1881. 254 p.

The Historians of the Church of York and Its Archbishops. In 3 vols / Ed. by J. Raine. Vol. II. London: Longman and Co., 1886. 550 p.

Jacob E.F. *Fifteenth Century, 1399–1485*. Oxford: Clarendon press, 1961. 775 p.

King A. “*They Have the Hertes of the People by the North*”, *the Percies and Henry IV, 1399–1408* // *Henry IV: The Establishment of the Regime, 1399–1406* / Ed. by J.M.W. Bean. York: York Medieval Press, 2003. P. 138–160.

McKenna J.W. *Popular Canonization as Political Propaganda: The Cult of Archbishop Scrope* // *Speculum*. 1970. Vol. 45. P. 612–614.

McNiven P. *The Betrayal of Archbishop Scrope* // *Bulletin of the John Rylands University Library*. 1971. Vol. 54. P. 173–213.

McNiven P. *The Scottish Policy of the Percies and the Strategy of the Rebellion of 1403* // *Bulletin of the John Rylands University Library*. 1979/1980. Vol. 62. P. 498–530.

McNiven P. *Scrope, Richard (c. 1350–1405)* // *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 144–147.

Walker S. *The Yorkshire Risings of 1405: Texts and Contexts* // *Henry IV: The Establishment of the Regime, 1399–1406* / Ed. by J.M.W. Bean. York: York Medieval Press, 2003. P. 161–184.

Walsingham Th. *Historia Anglicana. Chronica monasterii S. Albani*. In 2 vols / Ed. by H. Rily. Vol. II. London: Longman, Green, Longman, Roberts and Green, 1864. 594 p.

Wolke L.E. *Stockholms blodbad*. Stockholm: Prisma, 2006, 270 p.

Wylie J.H. *History of England under Henry IV*. In 4 vols. Vol. II. London: Longmans, Green and Co., 1884. 490 p.

Поступила в редакцию
4 января 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-19-42

И.П. Кулакова

**ПРОФЕССОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И.А. ГЕЙМ И ЕГО ЖИЗНЕННЫЙ МИР
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОПИСИ КВАРТИРЫ
В РЕКТОРСКОМ ДОМЕ 1821 г.)**

I.P. Kulakova

**PROFESSOR OF THE MOSCOW UNIVERSITY
I.A. HEIM (BERNHARD ANDREAS VON HEIM)
AND HIS LIFE-WORLD (ACCORDING TO THE MATERIALS
OF THE INVENTORY OF RECTOR'S HOUSE IN 1821)**

Аннотация. В основе исследования лежит документ 1821 г., который представляет собой подробное описание помещений квартиры только что ушедшего из жизни профессора Московского университета И.А. Гейма. С 1781 г. продвигаясь по службе в университете (при этом сохраняя связи с Германией), Гейм поднялся до профессора, а затем и до ректора Московского университета. Изучая его домашний быт, можно получить картину жизни «русского немца» — представителя академической культуры (с ее академической же повседневностью). В квартире Ректорского дома близ Моховой в соответствии с описью выделены 4 жилых комнаты, кухня и конюшня (располагавшаяся на нижнем этаже). Покомнатное описание мебели, одежды, посуды и других предметов обихода, сведения о составе домашней библиотеки воплощают антропологические характеристики профессорской субкультуры. Вещь рассматривается автором статьи как содержащийся в ней в свернутом виде «клубок» культурных практик, а структура жилища и его наполнение — как воплощение образа жизни профессора. Перечень многочисленных предметов кухонной утвари, наличие кареты, дрожек и нескольких наборов упряжи на конюшне свидетельствуют

Кулакова Ирина Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kulakova Irina Pavlovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History before the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

kulakova.letter@gmail.com

ORCID: 0009-0006-7611-3513

о полной автономности существования, а наличие большого числа стульев и обеденных приборов позволяет говорить об степени «публичности» пространства. Набор одежды (повседневной и парадной), ордена, наличие заменных писем и свободных денег свидетельствуют об относительно высоком материальном и символическом статусе Гейма, демонстрируют достаток, стремление к бытовому удобству «частного человека». Но сдержанная стилистика оформления квартиры, множество столов, книг, измерительных приборов и канцелярских принадлежностей (атрибутов рутинного академические письма) — всё это говорит о приоритете интеллектуальных занятий профессора на дому. Рассмотренный на историко-культурном фоне материал описи позволяет расширить представления о малоизученной в целом субкультуре университетских преподавателей как специфического слоя «среднего рода людей» — российской интеллектуальной элиты конца XVIII — начала XIX в.

Ключевые слова: Московский университет, профессор университета, А.Л. Шлецер, Х.Г. Гейне, Моховая улица, дом Волконских, Ректорский дом, субкультура, повседневность.

Abstract. The research is based on the analysis of the 1821 detailed description of the premises of the apartment of the Moscow University professor Heim, who had just passed away. From 1781 Heim, who maintained ties with Germany, rose to professor and then to rector of the Moscow University. His home environment provides material for reconstruction of the life of a “Russian German”, a representative of academic culture (with its academic everyday life). According to the inventory, the rector’s apartment near Mokhovaya Street contains four living rooms, a kitchen and a stable (on the lower floor). The room-by-room description of furniture, clothing, utensils and other household items, and information on the composition of the home library embody the anthropological characteristics of the professor’s subculture. The author of the article views a home item as a tangle of cultural practices, and the structure of the home and its contents as an embodiment of the professor’s way of life. The list of numerous kitchen utensils, a carriage, a droshky and several sets of harness in the stable indicate the complete autonomy of existence, and a large number of chairs and dining utensils allows us to speak about a certain degree of the publicity of the space. A set of clothes (casual and ceremonial), orders, letters of loan and idle money indicate a relatively high material and social status of Heim, demonstrate prosperity, the desire for domestic convenience of a “private man”. But the restrained style of apartment decoration, lots of desks, books, measuring instruments and stationery (attributes of routine academic writing) speak of the priority of the professor’s intellectual pursuits at home. The material of the inventory, considered against historical and cultural background, allows us to expand our views on understudied subculture of university professors as a specific layer of “middle-class people”, Russian intellectual elite of the late 18th and the early 19th centuries.

Keywords: Moscow University, university professor, A.L. Schlözer, Ch.G. Heyne, Mokhovaya Street, Volkonsky House, Rector’s house, subculture, everyday life.

В материалах фонда Канцелярии Московского университета в ЦГИАМ (ф. 418, 1764–1927) в составе группы материалов текущего делопроизводства (документы о приеме, увольнении и перемещении преподавателей университета) сохранилась опись «имения» профессора словесности, истории и географии Московского университета И.А. Гейма 1821 г., в свое время отложившаяся в составе архива университета.

Заголовок «Об исключении из списков умершего профессора Гейма» говорит о том, что опись составлена сразу после смерти профессора. Это подробное описание помещений квартиры Гейма, мебели, одежды и предметов обихода. В приложениях содержатся переписи кухонной утвари и конюшни, а также книг, журналов и ландкарт из домашнего собрания.

Описание осуществлялось комиссией в составе двух профессоров, секретаря и эзекутора правления, а также адъюнкта Тита Каменецкого, ближайшего ученика Гейма, адъюнкта географии и статистики.

Подобные материалы ценны в силу того, что они позволяют реконструировать субкультуру профессоров XVIII — начала XIX в. как части академического сообщества и российского социума в целом.

Профессорское «сословие» не раз выступало как объект исследований с разных позиций, в том числе и с точки зрения его антропологических характеристик¹. А.М. Феофанов рассмотрел, в частности, вопрос о владении профессорами имуществом и (неко-

¹ См., например: *Файнштейн М.Ш.* И.А. Гейм — ученый, издатель и педагог // Книга в России XVII — начала XIX в.: проблемы создания и распространения. Л., 1989. С. 56–60; *Петров Ф.А.* Немцы профессора в Московском университете. М., 1996; *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000; *Он же.* Геттингенская душа Московского университета. (Из истории научных взаимосвязей Москвы и Геттингена в начале XIX столетия) // Университет для России. Т. 2. Московский университет в александровскую эпоху. М., 2001; *Кулакова И.П.* Г.Ф. Миллер — агент европейского культурного влияния в России // Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007; *Волошина Н.Ю.* Протестантская и католическая традиции в российском восприятии // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. 2000. № 1; *Кунц Е.В.* Иностранные профессора в штате Московского университета в первой трети XIX века. Дисс... канд. ист. наук. М., 2002; *Он же.* Реформа М.Н. Муравьева в Московском университете в контексте культурной жизни Европы и России начала XIX века // Преподаватель XXI век. 2011. Т. 2. Вып. 4. С. 275–283. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/reforma-m-n-muravieva-v-moskovskom-universitete-v-kontekste-kulturnoy-zhizni-evropy-i-rossii-nachala-xix-veka> (дата обращения 15.01.2023); *Костина Т.В.* Качество жизни университетского профессора первой половины XIX в. (по материалам Казанского университета) // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв. Европейские традиции и российский контекст. Труды междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009; и др.

торых) дворовыми людьми. Он пришел к выводу, что в целом облик профессуры как группы определялся иностранными учеными и выходцами из духовенства. И еще: за первые 70 лет существования Московского университета не завершились успехом попытка создать профессиональную общность, чья субкультура оказалась бы привлекательной не только для разночинцев, но и для широкого круга дворянства². С одной стороны, с этим нельзя не согласиться, но с другой — следует осознать, что речь идет об особой субкультуре, части академической культуры, которая сама по себе обладала большой спецификой.

Глобальные причины, уходящие корнями в цивилизационную специфику России, предопределяли отсутствие весомого социального статуса у ученого и преподавателя: ведь ученость (как и занятия поэзией) не приобрели сколько-нибудь значимого места на бюрократической шкале XVIII в.³ (Хотя постепенный рост этого статуса через включение в структуры «чиновности» повысился к александровскому правлению.)

Культура как репродуктивная подсистема общества, генерализованная функция которой — поддержание образца, работает как особый механизм, рассчитанный на структурирование жизненного опыта путем стереотипизации культурных действий и установок⁴. В этой системе все компоненты реальности (включая сферу повседневного опыта) в силу отнесения к ценности становятся значимыми. Таким образом, жилищные условия, внешний облик и сам образ жизни могут выступать как показатель специфики академической культуры, ее ценностных установок. Структура и убранство дома, считал Ф. Бродель, могут свидетельствовать о широком экономическом и культурном значении установок Просвещения⁵. Н. Элиас, называя процесс цивилизационным, указывал на перестройку структуры личности и системы ее отношений с другими, где среди

² *Феофанов А.М.* Профессура Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История Русской Православной церкви. 2013. Вып. 1(50). С. 7–28. — URL: <http://pstgu.ru/download/1363175062.7-28.pdf> (дата обращения 15.01.2023).

³ См., например: *Живов В.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломносов, Сумароков // НЛО. 2000. № 25; *Кулакова И.П.* Университетское пространство: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006.

⁴ Ср. парсоновские символические механизмы мотивации и веберовское ценностно ориентированное действие: *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997; *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 374, 373–375.

⁵ *Бродель Ф.* Излишнее и обычное: жилище, одежда и мода // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Гл. 2. — URL: <http://sbiblio.com/biblio/archive/brodel/02.aspx> (дата обращения 15.01.2023).

внешних симптомов — изменение бытовых привычек (происходившее в высших слоях общества и затем распространявшиеся на более широкие круги)⁶.

Особенно интересна в этом контексте фигура «русского немца»: немалочисленные немецкие профессора, приглашенные в Россию в академические учреждения и учебные заведения, выступали как носители академической культуры, привнося не только новые методы преподавания, создание курсов и трудов, новые идеи и философские веяния. По мнению Е.В. Кунца, большинство немцев, преподававших в университете перед 1812 г., были подлинными людьми науки⁷. Выходцы из разных немецких земель истово служили и науке в целом, и стране пребывания, где они могли самореализоваться.

Знакомство с практиками, связанными с научной сферой и просветительством в России, началось с созданием Академии наук. В эти процессы были вовлечены представители как интеллектуальной элиты Западной Европы, так и разных сословий России. «Главная цель, ради которой тратили силы организаторы контактов Гейм, Шлёцер, Мейнерс, Муравьев, была достигнута — произошла первая подлинная встреча русского высшего образования с европейской наукой»⁸. Ее предшественники привнесли лучшие традиции западной научной мысли, образцы практик и идеи на русскую почву.

Понять научные воззрения иностранных профессоров помогают их научные труды, а также учебные руководства, написанные всеми иностранными профессорами. Наиболее плодотворными авторами были И.А. Гейм, Г.И. Фишер, Ф.Ф. Рейсс, Х.А. Шлёцер. Особое значение мы придаем трудам, позволяющим определить философские воззрения иностранных профессоров, ибо философско-теоретические их представления в эпоху еще недостаточной расчлененности наук выполняли интегрирующую роль, и нередко теоретические курсы предшествовали изложению основных курсов наук.

М.К. Любавский отметил достаточно высокий уровень приглашенных профессоров как ученых, явившийся результатом целенаправленного отбора со стороны попечителя: «В составе преподавателей Московского университета и после введения устава 1804 года, как и раньше, преобладали немцы и семинаристы-поповичи.

⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. М.; СПб., 2001.

⁷ Кунц Е.В. Реформа... — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/reforma-m-n-muravieva-v-moskovskom-universitete-v-kontekste-kulturnoy-zhizni-evropy-i-rossii-nachala-xix-veka> (дата обращения 15.01.2023).

⁸ Андреев А.Ю. «Геттингенская душа» Московского университета...

Но немцы подобрались уже гораздо удачнее, чем раньше, и представляли из себя в общем довольно крупные научные силы. Конечно, все эти люди прибыли в Россию не по каким-либо идеальным культуртрегерским мотивам, а просто в чаянии внешних благ от щедрого русского правительства и общества. Большинство немцев, преподававших в нашем университете перед 1812 годом, были действительно людьми науки, занимавшиеся своим делом по внутреннему призванию»⁹.

Иван Андреевич Гейм (нем. von Heim Bernhard Andreas, 1759–1821) — ученый-эрудит, экономист, профессор словесности, истории и географии, библиотекарь, ректор Московского университета, автор работ по экономике, географии, лингвистике, родился в семье придворного врача герцога Брауншвейгского. Проходил курсы истории, политических наук, философии и иностранных языков в университетах Гельмштеда и Гёттингена. По приглашению А. А. Лопухина в 1779 г. переехал в Россию и первое время служил в качестве гувернера при сыне последнего. С 1781 г. стал лектором немецкого языка и классических древностей в Московском университете, суббиблиотекарем, в 1784–1786 гг. инспектором Благородного пансиона. В 1784 г. получил звание экстраординарного, с 1786 г. — ординарного профессора; читал в университете лекции по истории и статистике, а также преподавал историю, коммерческую географию и немецкий язык в Демидовском коммерческом училище. Стал широко известен как автор учебника русского языка для немцев (“Russische Sprachlehre für Deutsche”, 1789) и российско-французско-немецкого словаря (1799–1802). Многократно переизданные, они были настольными книгами иностранцев, отправлявшихся в Россию. Являясь одним из первых в России ученых-статистиков, Гейм подготовил к изданию в Геттингене в 1789 г. «Подробное топографическое и статистическое описание Российского государства» (объемом свыше 1000 с.), заинтересовавшее императрицу Екатерину II. Основное внимание в преподавании он уделял курсам статистики, географии и «коммерческих наук», охватывавшим не только Россию, но и главные государства Европы и Турцию. Он издал ряд учебных пособий, из которых важнейшее — «Опыт начертания Статистики главнейших Государств по нынешнему их состоянию. Ч. 1» (М., 1821), которое следовало методике статистических описаний, разработанной в трудах А.Л. Шлецера. С 1804 г. и до своей смерти Гейм возглавлял открывшуюся в соответствии с новым уставом кафедру истории, географии и статистики Российской империи.

⁹ Любавский М.К. Московский университет в 1812 г. М., 1913. С. 31.

В 1805 г. он был избран первым деканом новооткрытого словесного факультета (до 1808 г.), с июня 1808 г. по февраль 1819 г. являлся ректором Московского университета. Избрание Гейма ректором подкреплялось его близостью к попечителю университета (затем министру народного просвещения) графу А.К. Разумовскому, в имени которого Гейм работал над каталогом его личной библиотеки. В 1809 г. по представлению Разумовского выборные полномочия ректора были продлены для Гейма с одного года до трех лет, что послужило началом введения трехлетнего ректорского срока в университетах России.

Иван Андреевич Гейм.
Гравюра А. Флерова с оригинала И.И. Жерена

Облик Гейма-ученого хорошо передают слова С.П. Шевырева, писавшего, что тот «заключал в себе энциклопедию самых разнообразных познаний и истощал все остатки жизни своей, до самого ее конца, на непрерывное приобретение новых сведений»¹⁰. Как педагог, Гейм прославился своим педантизмом: по мнению некоторых выпускников, он стремился к простому запоминанию фактов, без увязывания их в систему. Лекции Гейма, куда он включал обширный материал из описаний природы, населения, торговли, хозяйства, были суховаты, и его слушатели с улыбкой вспоминали: «... старик Гейм со своею статистикой всякий раз лишь отворит дверь, начинает на скором бегу к кафедре бормотать под нос себе лекцию, так что начало ускользало от нас и не могло быть записано на тетрадях наших» (В.И. Лыкошин). Г.А. Вулисанова прослеживает эволюцию образа этого почтенного профессора, которому отдают должное в современной историографии¹¹.

Читая курс статистики, Гейм был первопроходцем, хотя по мнению А.И. Соловьева, «в трудах Гейма — “Начертание всеобщего землеописания по новейшему разделению государств и земель”, “Опыт начертания статистики главнейших государств по нынешнему состоянию” и других — преобладала традиционная “номенклатурная” география XVIII века и схоластические дефиниции без всяких объяснений по существу»¹². Заметим, однако, что «школа политических арифметиков», которая только начала формироваться во второй половине XVIII в., и в начале XIX была новшеством, при этом курс статистики в Московском университете играл важную интегрирующую роль. Первым среди немецких профессоров Гейм начал читать лекции на беглом, хотя не вполне правильном русском языке.

Преподавая в России, Гейм не терял связей с ученой средой Германии, переписывался с Геттингенскими профессорами Х. Гейне и А.Л. Шлёцером, способствовал образовательным поездкам туда русских студентов. Фигура Гейма долгое время олицетворяла живую связь между двумя высшими учебными заведениями, и многие последующие контакты Москвы и Геттингена завязываются через его посредничество. С января 1811 по сентябрь 1812 г. Гейм редактиро-

¹⁰ *Шевырев С.П.* История Московского университета, написанная к столетнему юбилею проф. Степаном Шевыревым. 1755–1855. М., 1855. С. 453.

¹¹ *Вулисанова Г.А.* И.А. Гейм — ректор и библиотекарь Московского университета // Герард Фридрих Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 470.

¹² *Соловьёв А.И.* География в Московском университете в дореволюционное время // География в Московском университете за 200 лет. М., 1955. С. 33.

вал “Moskowische Zeitung” — одну из первых газет, издававшихся немецкой общиной в Москве.

В 1812 г. на плечи Гейма легла вся тяжесть эвакуации университета из Москвы. Организовав отправку наиболее ценных коллекций и оборудования, Гейм затем с огромным трудом достал лошадей для вывоза профессоров и студентов, которые чудом смогли покинуть Москву за несколько часов до вступления французов. После пребывания университета в Нижнем Новгороде ректор Гейм сразу вслед за отходом французов отправляется в Москву и в конце декабря 1812 г. возглавляет Временную комиссию по управлению делами университета. Узнав о спасении от огня своей личной библиотеки, он тут же дарит ее университету, заложив тем самым основу его новому книжному собранию.

Во многом именно усилия Гейма привели к тому, что уже в августе 1813 г. университетские занятия возобновились. Он уделял большое внимание воссозданию новых университетских музеев и библиотеки, комплектованию университетского архива. Как библиотекарь университета он продолжал до конца жизни заведование библиотекой, положив начало ее современной каталожной системе. Уйдя по состоянию здоровья с поста ректора в 1819 г., Гейм не оставил чтение лекций до самых последних дней жизни.

И.А. Гейм был похоронен на немецком Введенском кладбище¹³, но, к сожалению, надгробие и могила его не сохранились. На надгробном памятнике Гейму, воздвигнутом на средства его учеников, была выбита надпись “Dem Wohlthater und Lehrer von dankbaren Schuler” (Благодетелю и учителю от благодарных учеников). Среди учеников Гейма, помимо любимого ученика Тихона Каменецкого (ставшего не только продолжателем его дел, но и близким человеком: известно, что именно ему были отданы письма Гейма после смерти последнего¹⁴), — многие выдающиеся деятели, такие, как декабрист Н.И. Тургенев, пославший учителю экземпляр своего «Опыта теории налогов», М.П. Погодин, окончивший словесное отделение Московского университета в 1821 г. (где на него, по собственным признаниям, наибольшее влияние оказали профессора И.А. Гейм и А.Ф. Мерзляков) и многие другие.

Не забудем, что помимо академической подготовки люди типа Гейма исподволь, через преподавание и общение с другими преподавателями, осуществляли и трансфер установок академической

¹³ [Некролог] // Сын Отечества. 1821. Ч. 73, отд.3. С. 228–231; Отечественные записки. 1821. Ч. 8. С. 266–269.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 406 (архив Гейма в составе фонда Т.А. Каменецкого).

культуры, повседневных практик, норм поведения, вливавшихся в общее русло университетского этиоса. Постепенное оформление особой субкультуры российского интеллектуала (при всей специфике различных «ипостасей» этого интеллектуала-профессионала) шло в особой среде, включавшей как иностранных ученых, так и «просвещенных россиян» разного происхождения: детей дворян, купечества и разночинцев, получивших полноценное университетское образование и за границей, и в российских учебных заведениях нового типа

Шло постепенное формирование науки в формах Нового времени, разворачивалась дисциплинаризация знания. Трансфер модели академической культуры (и ее составной части — университетской культуры) требовал овладения целой системой практик и техник получения и воспроизводства знания (и преподавания), обеспечивавших эрудированность и объективность: экстенсивное чтение, навыки рутинного академического письма и «сочинительства» (со следованием логике изложения, экспериментальной доказательности, принципам критики источников); владение практиками наблюдения и систематизации; собирание и демонстрация коллекций, чтение и черчение карт, каталогизация и т.д. Обеспечить это в домашних условиях мог именно особый образ жизни, способствовавший работе ученого на дому, подготовке публикаций и оформлению лекционного материала. Однако не меньшее значение имела и система коммуникаций с коллегами и студентами.

В этой связи мы и попытаемся реконструировать черты быта профессора Гейма, вписав зафиксированные в описи его жилища реалии в контекст социальных отношений и повседневных культурных практик конца XVIII — начала XIX в., через сухость делопроизводственной документации выявить человеческую субъективность, опираясь на типическое, представить историю частной жизни и неповторимость личности в общекультурном контексте.

В университетах существовала естественная практика поселения сотрудников поблизости от места службы. Первоначальный проект об учреждении Московского университета рекомендовал «всем профессорам, учителям... университетским служителям иметь жительство свое в близости от университетского дому и гимназии, дабы [в] прохаживании туда и назад напрасно время не теряли». Но удобное жилье для преподавателей еще долго оставалось проблемой. «Ученики и учителя, по всему городу рассеянные, имеют жилище наемное», — констатировал И.И. Мелиссино в 1757 г. Постепенно появляются случаи домовладения профессоров: так, профессор

Ф.-Г. Дильтей еще в 1759 г. (первым из профессоров) приобрел каменный дом на Козьем болоте (ныне Патриаршие пруды).

Д. Дидро в своем «Плане университета», написанном для Екатерины II в 1775 г., предлагал: «Каждый факультет должен иметь свой отдельный корпус», где должны располагаться «квартиры для заведующего, эконома, префекта и капеллана; отдельные квартиры для профессоров и комнаты для репетиторов»¹⁵. В собственных небольших домах жили профессора К.Г. Лангер (у Красных ворот, в Огородниках) и А.А. Барсов с племянником — магистром университета (за Тверскими воротами). Деревянный дом и двухэтажный каменный флигель, небольшое владение в Милютинском переулке, в конце XVIII — начале XIX в. принадлежало профессору анатомии и хирургии, доктору медицины Ф. Керестури. Во флигеле недалеко от университетского пансиона жил профессор Н.Н. Сандунов, один из организаторов университетского театра, собиравший дома любителей драматургии и литературы. В александровское время чиновность профессуры стала постепенно повышаться, росло и благосостояние. Многие профессора уже могли владеть недвижимостью (причем некоторым профессорам принадлежали и дворовые люди, от нескольких человек до несколько сот душ). Так, по сведениям А.М. Феофанова, у Л.А. Цветаева числился дом в Москве «за умершим родителем»; по наследству достался деревянный дом В.М. Котельницкому; М.Т. Каченовский купил «дом с обширным садом и прудом», к которому были приписаны семь душ; у профессора Ф.Ф. Рейсса было целых два деревянных дома в Москве; у М.Я. Мудрова был собственный московский деревянный дом, а также каменным домом владела его жена. Деревянные дома были у А.А. Альфонского, А.В. Болдырева, Д.Е. Василевского, Ф.И. Чумакова¹⁶. У некоторых московских профессоров на дому имелся пансион.

Перебираясь на Моховую, университет приобретал участки старых боярских усадеб. В 1782 г. при расширении университетского квартала у княгини А.М. Волконской был выкуплен двор с каменными и деревянными постройками (на Никитской улице, между Долгоруковским и Леонтьевским переулками). Во второй половине 1780-х — начале 1790-х гг. директор университета П.И. Фонвизин активно занимался обустройством зданий: к 1802 г. дом Волконских был перестроен М.Ф. Казаковым, он стал двухэтажным, сохраняя

¹⁵ Дидро Д. План университета или школы публичного преподавания всех наук для Российского правительства // Дидро Д. Собр. соч. Т. X. М., 1947. С. 370.

¹⁶ Феофанов А.М. Указ. соч. С. 22.

Ректорский дом Московского университета.
Фото начала XX века

при этом «подвалы» (известно, что они были засыпаны в XIX в., когда оказались затоплены подземными водами)¹⁷.

По замыслу нового попечителя университета М.Н. Муравьева (с 1804 г.), в нем предполагалось разместить музей естественной истории и библиотеку, но затем здание было отдано под квартиры. Квартира директора (позднее ректора) располагалась сначала в главном университетском доме, отстроенном Казаковым к 1793 г., в правом крыле в двусветной ротонде (в нем же угловые комнаты в крыльях занимали некоторые профессора)¹⁸.

С 1805 г. ректор П.И. Страхов пожелал поселиться в бывшем доме Волконских (покинув прежние директорские покои Главного корпуса). Его примеру следовали и последующие ректоры (И.А. Гейм, И.А. Двигубский, А.В. Болдырев, Д.М. Перевощиков), поэтому дом вскоре получил название Ректорского дома (домика). В 1810-х гг. профессор И.А. Двигубский превратил террасу ректорского дома в площадку для своих опытов и астрономических наблюдений, здесь же проводили опыты для своих диссертаций его ученики. Это университетское здание — единственное, полностью уцелевшее в пожаре 1812 г. Так было вплоть до 1872 г., когда ректор университета С.М. Соловьев уступил квартиру А.Г. Столетову (а тот создал

¹⁷ См.: План роста территории университета в 1756–1835 гг. // *Белявский М.Т., Сорокин В.В.* «Наш первый, наш Московский, наш российский...». Памятные места старого здания Московского университета. М., 1970. С. 78.

¹⁸ См. надписи на плане здания: «Профессор Панкевич занимает...»; «Профессор Чеботарев помещен...» (*Кулакова И.П.* Университетское пространство... С. 144–145).

библиотеку, кабинеты и физические лаборатории, залы для работы студентов, присоединив еще и квартиру В.В. Марковникова): дом стал «колыбелью школы русской физики»¹⁹.

* * *

Переходя к описи квартиры Гейма, скажем, что она следует обычной структуре описей XIX в. — по отдельным помещениям. Как само членение пространства, так и расположение и характер вещей представляют собой род «источника» для реконструкции бытовой повседневности профессора. Ведь «повседневность представляет собой особую сферу опыта, характеризующуюся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающую на основе трудовой деятельности, обладающую рядом характеристик, среди которых уверенность в объективности и самоочевидности мира и социальных взаимодействий. ... Повседневная жизнь, быт человека, повседневные заботы, ежедневная работа различные стороны повседневности, ... самостоятельную отрасль изучения прошлого и настоящего»²⁰.

Еще В.О. Ключевский, адресуя в одной из своих работ советы молодым художникам, советовал им наблюдать (чтобы через изображаемую обстановку «передать характер») «...обстановку, какой окружает себя человек дома и в какой он выходит на улицу, вид, в каком он появляется в обществе ... Когда вы входите в кабинет к человеку со средствами, у которого все просто и опрятно, по стенам ни одной картинке, на столе ни одной фотографии, никакой блестящей безделки и даже лампа какая-то матовая, будьте уверены, что перед вами человек замкнутый, но доброжелательный, ... человек с подвижным и сильным воображением, не нуждающийся во внешних возбуждениях. ... Современный человек, свободный и одинокий, замкнутый в себе и предоставленный самому, себе, любит окружать себя дома всеми доступными ему житейскими удобствами, украшать, освещать и согревать свое гнездо»²¹.

¹⁹ В советское время здание стало жилым домом, а в 1930-е гг. было выведено из подчинения МГУ (балансодержатель — Геологоразведочный институт). Проект реставрации был выполнен еще в начале 1990-х гг. реставраторами «Моспроекта», но под предлогом аварийности здание было снесено летом 2000 г. Его место занял новодел (2004). Подробнее см.: *Рахматуллин Р.* Дом Веневитинова отстояли // Независимая газета. 12.02.2000.

²⁰ *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

²¹ *Ключевский В.О.* О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица // Ключевский В.О. Соч. в восьми томах. Т. VIII. Исследования, рецензии, речи (1890—1905). М., 1959.

В квартире Гейма в соответствии с описью выделены следующие помещения: 4 жилых комнаты (спальня, круглая зала, боковая комната, задняя комната), кухня (обычно в университетских постройках помещаемая на нижнем этаже) и конюшня (также, конечно же, в нижнем этаже).

Что касается некоторых комнат, мы можем предположительно судить об их размерах: применительно к некоторым указано количество штор на окнах, что соответствует количеству окон. Так, в спальне имеются две шторы, в круглой зале — три (это самая большая комната: здесь находится большое количество мебели, в том числе 6 шкафов для книг), в боковой комнате — одна штора.

Ориентируясь на предполагаемые функции помещений (исходя из наполняющей их мебели и вещей), можно говорить о зонах жизненного пространства.

Сразу заметим, что профессор Гейм, похороненный на протестантском кладбище Москвы, возможно, принял православие. В нескольких комнатах по описи числятся иконы (образ Распятия — в круглой зале и образ Троицы «под фольгой» — там же на столе, образ в спальне, образ Сергия в боковой комнатке).

Спальня, вероятно, была самой «интимной» жилой зоной: упоминаются железная кровать (с «занавеской» — пологом), 2 подушки с «пириной» и кожаный тюфяк (в шкафу лежат 2 простыни и 17 наволочек); в спальне же туалет, где хранились бритвы, туалетные мелочи, а также «малый туалетец» (несессер?). Здесь же стояли шкаф для платья и две шифоньерки (вмещавшие платье и тканевые столовые принадлежности: полотенца — 13, скатерти — 7 больших и одна малая, салфеток 17, постельное белье, столовые приборы). Но в спальне профессор Гейм не только спал: здесь присутствуют ширмы (которые могли отграничивать спальное место), кроме того, кресло вольтеровское (удобное для чтения), а также стол ломберный и 4 стула (предположительно на них размещались четыре игрока в ломбер). Упоминается также и самовар: заметим, что ломберный столик в сложенном виде мог выступать и как «сервировочный», позволяя пить чай за чтением (впрочем, самовар мог просто храниться здесь). В спальне же «в туалете» помимо сафьянного портфеля находились аксессуары для письма и работы с рукописями (футляр для чернильницы, медный циркуль, перочинный ножик, медная печатка), стояли часы под стеклянным колпаком.

Боковая комнатка явно служила кладовой: здесь, правда, стоит бюро красного дерева (а также хранится «репозитория с тетрадами»), стоят чайный ящик красного дерева, китайский чайный ящик с жестяной чайницей, мольберт, но хранятся также железный аршин

и старая одежда (шубы медвежья и кунья, тулуп, бекешь на куньем меху, два суконных старых сюртука, два капота на вате, персидский халат).

Одежда Гейма («платье») хранилась в шкафу в спальне: это набор одежды и аксессуаров для «парадного выхода»: 7 фраков синих, а к ним две шпаги и одна португеза, треугольная шляпа, шелковый кушак и 5 пар лайковых перчаток. Кроме того три китайчатых сюртука, 15 жилетов, 4 фланелевых фуфайки, 7 панталонов «казимировых» и двое панталонов «китайчатых», двое подштанников фланелевых и одни бумажные, саржевые штаны, помочи; 45 рубашек. В шифоньерке хранились 2 манишки, 5 галстуков, 4 воротничка, 35 косынок (шейных платков?). Здесь же 38 пар бумажных нитяных чулок.

В шкафу помещались также аксессуары для работы (сафьянный бумажник, в котором 2 ножичка, ножницы, циркуль и пр.), а еще линейка и кошелек. Особо хранились в ящичке кресты и медали. В спальне в туалете под зеркалом — бритвы, кисточки и бритвенный ремень, стальные пуговицы и два футляра орденские.

Одежда профессора — составляющая его имиджа как государственного служащего — заботила университетское руководство (см. о мундирах университетской публики²²). Одежда профессоров университета, зафиксированная рядом «парадных» (официальных) портретов (А.А. Мерзлякова, Л.А. Цветаева, А.А. Прокоповича-Антонского, М.Я. Мудрова и др.) того же типа, что и на портрете проф. Гейма: строгие темные сюртуки, сорочки со стоячими воротниками и галстуками «под горло» и непременно орденскими знаками, свидетельствующими о статусности. Весьма обширный набор одежды Гейма (зафиксированный описью) включал фраки в большом количестве, и это неслучайно: зная восточные языки, Гейм неоднократно приглашался московским градоначальником для объяснения с чиновниками восточных государей, в продолжение нескольких лет он был членом-испытателем в комитете для чиновников, обязанных службою.

Между тем умение носить выходную одежду было освоено не всеми профессорами: в этом уличали, например, профессора А.Ф. Мерзлякова. А профессор Х.А. Шлёцер, как рассказывал Н.М. Карамзин, однажды приехал на обед к князю Б.В. Голицыну, где было «лучшее общество Москвы», в длинном синем сюртуке вместо фрака и на удивленный вопрос объяснил, что «надел сюртук в знак своего уважения к хозяину; что сюртук он почитает приличнее фрака потому, что и сукна пошло больше, чем на фрак, следовательно

²² Кулакова И.П. Университетское пространство... С. 269–279.

но, и стоит дороже; а потом и закрывает всё тело: стало быть, и пристойнее фрака»²³. О И.Ф. Тимковском же замечали: «В самом одеянии его едва приметны были перемены, кроме шелковых, газетных и парчевых камзолов»²⁴.

Перейдем к круглой зале. Это самое большое помещение квартиры, а богатое наполнение говорит много о повседневности быта профессора: очевидно, это и «гостиная», где собирались гости, но также и помещение, связанное с ежедневной рутинной работой. Здесь стояло бюро (где хранились 4 креста²⁵ и 2 медали Гейма, а также подзорная труба и двое часов (золотые — «нортоновы» с цепочкой и двумя золотыми печатками, и серебряные «карпендера»). Здесь же стоял, видимо, главный («большой») письменный стол «со многими ящиками», с иконой св. Троицы и шандальным прибором: при свете этого светильника с экраном, вероятно, в основном и работал профессор.

В столе лежали аксессуары: вечный календарь, дорожный ножик и еще 4 перочинных, двое ножниц, рейсфедер, 2 карандаша серебряных, 2 сафьянных портфеля, медный циркуль, «английский» аршин слоновой кости, дорожное медное перо, оправка очков, ящик с монетами (известно, что их Гейм демонстрировал студентам на лекциях).

Кроме большого стола был еще малый (красного дерева) и три стола «штушные»²⁶. 12 кресел («простых», «под зеленой бомбою»²⁷; той же тканью обтянута и софа, т.е. в наличии однотонный «гарнитур»), 2 стула (кожаных, простых), ширма.

В шкафу (что под распятием) помещались: посуда серебряная; фарфоровый поднос и посуда (фарфор, стекло), а также еще ряд аксессуаров (тетради с золотым обрезом, футляр с инструментами), заемные письма, бумаги, деньги. Но самой важной составляющей обстановки являлись 6 шкафов для книг («за стеклами»), еще один книжный шкаф, а также «репозиторий» с книгами.

Помимо «вседневных» рабочих функций большая зала, кажется, имела еще одно назначение, представляя собой наиболее «публичное» пространство квартиры, оформленное не без роскоши: чугунная печка, софа, зеркало, ковер.

Книжные шкафы содержали книги (вероятно, та библиотека, которая попала в собрание университета), а также журналы — «в кипах», и ландкарты (прилагаемый к описи список карт на немецком

²³ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 122.

²⁴ Ананьева Т. Указ. соч.

²⁵ Два владимирских и один аннинский крест 2-й степени.

²⁶ По В. Далю, «штушный» стол — чаще всего раскладной, раздвижной.

²⁷ «Бомба» — крепкая шерстяная ткань, род камлота.

языке числом 147 штук ждет своего исследователя). Их дополняли книги из задней комнаты (без окон?).

Собрание печатных изданий профессора Гейма занимало несколько помещений его квартиры. В работе университетского преподавателя XVIII — начала XIX в. личная библиотека становилась необходимым элементом. Гейм, назначенный суббиблиотекарем, а затем и комиссионером университетской библиотеки, по мысли попечителя М.Н. Муравьева отвечал за упорядочение и пополнение ее²⁸. Однако профессор нуждался и в личном собрании. Просвещение внесло в быт интеллектуалов культуру интенсивного чтения (с расширяющимся репертуаром, чтения «про себя») и практики регулярного письма, связанных с уединением и углубленной работой.

На занятиях профессора часто пользовались книгами из собственных собраний, принося их с собой в университет. (Ведь лишь с конца 1806 г. Университетская научная библиотека открылась для публичного посещения — 4 дня в неделю)²⁹. В доме профессора И.М. Шадена, например, была великолепная библиотека, занимавшая три большие комнаты. В ней имелись, в частности, латинские, древнегреческие, французские, немецкие лексиконы, словари (исторические, географические, ботанические, физические); шкафы были пронумерованы³⁰. О колоритном профессоре А.А. Барсове вспоминали так: «страшна была» полная книг «красная сафьянная киса³¹» — ее, «вынув из кареты, пока сам он всходил, опираясь на высокую трость с золотой головкою, вносил перед ним на плечах Кселифонт... укладывая книги на столе»³². Обширным было и собрание книг Г.И. Фишера фон Вальдгейма, которое составляло несколько тысяч томов. (Он, передавший свои книги и коллекции Московскому обществу испытателей природы при Московском университете, вообще считал, что частное лицо не имеет права хранить у себя культурные и естественно-исторические ценности: они должны быть достоянием культурных учреждений и народа). Таким образом, очевидно, что личные собрания книг профессоров обеспечивали учебный процесс и целые подразделения университета.

²⁸ Подробнее см.: *Вулисанова Г.А.* И.А. Гейм — ректор и библиотекарь Московского университета // Герард Фридрих Миллер и русская культура. СПб., 2007.

²⁹ *Сорокин В.В.* История библиотеки Московского университета (1800–1917 гг.). М., 1980. С. 12.

³⁰ *Степанов А.П.* Странички из истории воспитания в России конца прошлого века // Русская школа. 1891. № 1. С. 18–21.

³¹ Киса — сумка, мешок.

³² *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета за истекающее столетие.* Ч. 1. М., 1855. С. 60.

В библиотеке Гейма содержалось около 2000 томов. Книги сделались атмосферой его жизни, второй его стихией, которой «дышал ученый». Это личное собрание книг стало первым крупным даром Московскому университету³³. Оно первым стало и основой для восстановления фонда библиотеки университета после пожара 1812 г.³⁴

Вопрос питания преподавателей был немаловажен. Еще сенатским указом 1757 г. было предусмотрено заведение при университете «обержи», или «герберга» (харчевни) для питания иностранных профессоров, она же фигурирует в документах как «университетская харчевня». Однако экономнее и удобнее, конечно, было питаться «у себя».

Кухня владения Гейма по описи включает посуду в достаточно большом количестве: «простая посуда» — миска, блюдо, соусник, салатник; посуда фаянсовая — миска, соусник; 13 тарелок глубоких и столько же мелких. Упомянуты, впрочем, и «хрусталь» (судок «с принадлежностями» из пяти «вещей», 2 графина, 6 рюмок, 3 стакана); присутствуют ножи столовые (6) и старые (6), 4 вилки. Есть медная посуда (4 кастрюли поваренные, ендова, чайник, кофейник, «сливошник»), и деревянная посуда — кухонные «аксессуары» (кадка, бочонок, ушат). Есть также медная лейка, кочерга, 3 ухвата, лопатка и топор. Как видим, предусмотрено всё необходимо для приготовления блюд и питания. Кухонная мебель — это стол, шкаф, а также 6 кожаных стульев (возможно для прислуги, обедавшей здесь же). Интересно большое собрание бутылок (пустых, надо понимать): их 166 (как известно, возлияния были распространены в преподавательской среде). Кстати, в круглой зале в шкафу вместе с посудой хранился некий «кабачок», а также графин, стаканы и рюмки (8).

Припомним еще часть аксессуаров, хранившихся в спальне, во второй «шифоньерке»: это серебро (соусница, 16 ложек, еще шесть десертных, шесть чайных, три солонки, лопаточка для соли, двое щипцов и щипчики). Несколько столов и 12 кресел в большой комнате, «зале» (помимо 4-х кожаных стульев спальни) в сопоставлении с количеством салфеток (17), скатертей (7) и предметов посуды (13 тарелок глубоких и 13 мелких), 16 столовых ложек (плюс еще шесть десертных и шесть чайных) — всё это свидетельствует о

³³ Сквайрс Е.Р., Баров-Василевич Д.А. Частная библиотека Ивана Андреевича Гейма в фонде Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета // Вольтеровские чтения. Сб. научных трудов. Т. 5. СПб., 2019. С. 301–302.

³⁴ Шевырев С.П. Указ. соч.. С. 453.

возможных достаточно многочисленных собраниях за пиршественными столами. Мы могли бы считать это проявлением определенной «публичности» квартиры профессора, приглашавшего в дом коллег (известна характеристика Гейма, данная студентом, учившимся у него на рубеже 1810–1820-х гг.: «Знание, доброта, простота, доступность»³⁵).

Важным фактором влияния европейской культуры на русское общество стали салоны, в том числе и профессорские собрания, которые демонстрировали новый для русского общества тип светского общения³⁶. Так, дом профессора натуральной истории Г.И. Фишера фон Вальдгейма, современника Гейма, описан так: «Все знаменитые представители науки и искусства, жившие в Москве, и особенно приезжие, искали его поучительной беседы, а до болезни супруги профессорский дом и трапеза его часто посещались учеными и артистами, а иногда и наследными вельможами»³⁷. Известны и коммуникативные способности А.А. Прокоповича-Антонского, в 1818 г. сменившего Гейма на посту ректора Московского университета. Эта тенденция шла в русле политики организаторов университета — сначала И.И. Шувалова, а затем, более успешной, попечителя М.Н. Муравьева: привлечения в университет титулованного дворянства³⁸, поддержка ростков новых, более демократичных форм межсловной коммуникации³⁹.

Вернемся, однако к описи: в конюшне (на 1-м этаже) по описи находились карета, дрожки и аксессуары для дорожной езды. Карета — основное средство передвижения в XVIII — начале XIX в. для статусных персон. Это не только некоторая роскошь, но и мерило социального достоинства. В основе такой философии — петровская «Табель о рангах», которая требовала, «чтоб каждый экипаж... имел, как чин и характер его требует». (Ко времени Екатерины II стоимость карет некоторых вельмож равнялись населенным имениям.) Наличие у профессора набора аксессуаров — 2-х уздечек, 4-х хомутов, 2-х вожжей — позволяет предположить, что у Гейма была «двойка»

³⁵ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания (1818–1822) // Русский архив. 1875. Кн. 3. Вып. 12. С. 383.

³⁶ Куниц Е.В. Реформа...

³⁷ Гейман Р.Г. Воспоминание о покойном основателе Императорского Московского общества испытателей природы Григории Ивановиче Фишере фон Вальдгейме. М., 1856. С. 12.

³⁸ Куниц Е.В. Иностранцы профессора... С. 281.

³⁹ Были и ответные визиты в дома дворян: «...Съехались к нам к обеду Профессора: Гейм, Баузе, Рейнгард, Маттеи...» (Из «Записок» В.И. Лыкошина. — URL: <http://www.griboedov.net/remember/002.shtml> (дата обращения 15.01.2023)

лошадей. Такой собственный «выезд» был показателем определенного повышенного статуса профессора (и ректора). Наличие кареты и дрожek давали ректору мобильность: ему приходилось немало ездить — при Муравьеве (когда появляются учебные округа, которые надо инспектировать) он стал визитатором Тульской и Калужской губерний⁴⁰.

Но, конечно, особый статус профессору придавали ордена (мы упоминали их: Гейм был награжден орденами Св. Владимира 3-й степени и Св. Анны 2-й степени).

Впрочем, известен показательный случай, относящийся к началу XIX в.: когда министр народного просвещения А.Н. Голицын в конце 1810-х гг. спросил ректора И.А. Гейма, «какую награду желает он получить — чин ли действительного статского советника или орден св. Владимира 3-й степени», Гейм пожелал иметь орден, сказав, что «титул превосходительства тяжел для профессора» (впрочем, в итоге он имел и чин статского советника).

Итак, окунувшись в «жизненный мир» профессора, констатируем: И.А. Гейм принадлежал ко второму «призыву» иностранных профессоров в Московский университет (примерно 1780-е гг., третье же поколение — те, кто был приглашен во время реформ М.Н. Муравьева)⁴¹. Он служил науке и государству, эту науку организуя. По мнению Е.И. Кунца, основная масса профессоров-иностранцев, как и их русские коллеги, на протяжении первых трех десятилетий XIX в. придерживалась позиции благонамеренных сторонников просвещенного абсолютизма, не выступая против правительственных установлений (ср. речь проф. Гейма в царствование Павла⁴²). Погруженность в академическую и преподавательскую деятельность, как кажется, и сформировала приватное жилище профессора Гейма, который, однако, отнюдь не замыкался в одиночестве. При относительной скромности в быту, он был вполне обеспеченным человеком. Об этом свидетельствует (помимо обширного перечня имущества) и следующее: в одном из шкафов спальни

⁴⁰ Ср. о профессоре И.Ф. Тимковском: «Его карета и зимний возок были так уравнены, с парой вороных, что редко и пятью минутами опаздывали. Дома всегда он был занят в своем кабинете с большою, на две комнаты, отборную библиотекой...; но всякий день, кроме ненастья, употреблял час на походку» (*Ананьева Т.* Между «сказанием» и «episodes en swift»: о неизвестной рукописи Ильи Тимковского «Записки для истории Малороссии» (1849 г.). — URL: <https://philarchive.org/archive/ANA-21> (дата обращения 15.01.2023)

⁴¹ *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.

⁴² *Гейм И.А.* О состоянии наук в России под покровительством Павла I. М., 1799.

хранились заемные письма от 13 ноября 1819 г. в 4 тысячи рублей, занятых дворянином Н.М. Гусятниковым, и от 23 сентября 1821 г. в 1 тыс. рублей, занятых московским купцом И.Ф. Ривентом, а также 420 рублей ассигнациями. У профессора были «свободные» деньги, которые он давал в долг.

Рассмотренная опись жилья Гейма позволяет реконструировать его повседневные занятия и формы досуга, а также судить об образе жизни и уровне достатка профессора (скромное жилище, в котором, однако, есть все необходимое для жизни и активной деятельности). Данный документ представляет интерес не только с точки зрения изучения принципов формирования университетских архивов, но и с позиций изучения академической повседневности. Российский «традиционный дом», будь то дворянская усадьба или двор горожанина, конечно же был иным⁴³.

Перед нами же — особый тип дома, профессорская квартира, появившаяся в русле формирования слоя «среднего рода людей», в том числе ее значимой части — интеллектуальной элиты.

Идея замыкания в свое приватное пространство (от шума и традиционной Москвы, и от суеты «света») — уединение как ценность — захватывает прежде всего людей творческих, ученых и литераторов, и именно в это время оформляется идея рабочего кабинета как символического пространства творчества. Эта потребность с развитием интеллектуальной среды, со становлением «литературоцентричного» российского общества станет нормой жизни «просвещенного» человека.

В стилевом же отношении в России интерьеры 1820-х гг. обнаруживают смешение позднего ампира и бидермейера, хотя в Европе именно тенденции последнего уже возобладали, его черты получили распространение в самых разных слоях общества. (Само понятие бидермейера не имеет четкого определения, в узком значении — это жизненная среда немецкого филистера, буржуа, обыденное же сознание ассоциирует его с мелкобюргерскими, «мещанскими» проявлениями. Так или иначе эта стилистика отражала стремление к бытовому удобству, уюту «частного человека», жизнь которого протекает отчасти и в публичном режиме. Кажется, квартира профессора Гейма соответствовала этому идеалу, — она демонстрировала определенный статус, уровень материальной обеспеченности (чтобы обстоятельства не вынуждали отвлекаться на посторонние заботы)

⁴³ Ср.: Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007.

и наличие условий, необходимых для успешной деятельности⁴⁴. Но помимо прочего благодаря подробной описи перед нами предстает «жизненный мир», явленный в вещной культуре и отражающий спектр практик и бытовых привычек человека «профессорского сословия» образца начала XIX в., — от собирания коллекций старинных монет и редких карт до хранения сломанных оправ очков и «крючочков», от бритья до пользования мольбертом и зрительной трубой, от чаевничания и игры в ломбер до выездов «в свет» в крестах и медалях. Здесь нет признаков только одной наклонности — праздности.

References

Andreev A. Yu. *“Gettingenskaya dusha” Moskovskogo universiteta. (Iz istorii nauchnykh vzaimosvyazey Moskvy i Gettingena v nachale XIX stoletiya)* [The “Göttingen Soul” of the Moscow University. (From the History of Scientific Relations between Moscow and Göttingen in the Early 19th Century)] // *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*. 2000. N 2. P. 73–101.

Andreev A. Yu. *Moskovskiy universitet v obshchestvennoy i kulturnoy zhizni Rossii nachala XIX veka* [The Moscow University in the Social and Cultural Life of Russia in the Early 19th Century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 310 p.

Baloshina N. Yu. *Protestantskaya i katolicheskaya traditsii v rossiyskom vospriyatii* [Protestant and Catholic Traditions in Russian Perception] // *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya*. 2000. N 1. P. 107–119.

Belyavskiy M.T., Sorokin V.V. *“Nash pervyy, nash Moskovskiy, nash rossiyskiy...” Pamyatnyye mesta starogo zdaniya Moskovskogo universiteta* [“Our First, Our Moscow, Our Russian...” Memorable Places of the Old Building of the Moscow University]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1970. 160 p.

Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za istekayushcheye stoletie [Biographical Dictionary of Professors and Lecturers of the Imperial Moscow University for the Past Century]. Part I. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1855. 524 p.

Brodel F. *Izlishneye i obychnoye: zhilishche, odezhda i moda* [Le superflu et l'ordinaire: l'habitat, le vêtement et la mode] // Brodel F. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle]. In 3 vols. Vol. 1. *Struktury povsednevnosti* [Les structures du quotidien]. Moscow: Progress, 1986. P. 242–305.

Elias N. *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskiye i psikhogeneticheskiye issledovaniya* [The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Studies]. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001. Vol. 1. 332 p.; Vol. 2. 382 p.

⁴⁴ Ср.: «...Необходимо спокойное жилище, где бы я не должен был обращать внимание на грозящие мне удары», и мог «закончить в тишине свои труды» (Мельников Г.П. Автопортрет ученого XVII века. Я.А. Коменский в зеркале своих сочинений // Человек — культура — общество в концепции Яна Амоса Коменского. М., 1997. С. 126–127).

Faynshteyn M. Sh. *I.A. Heim — uchenyy, izdatel' i pedagog* [I.A. Heim, Scientist, Publisher and Teacher] // *Kniga v Rossii XVII — nachala XIX v.: problemy sozdaniya i rasprostraneniya* [Book in Russia from the 17th through the Early 19th Century: Problems of Creation and Distribution]. Leningrad: BAN SSSR, 1989. 176 c.

Feofanov A.M. *Professura Moskovskogo universiteta vtoroy poloviny XVIII — pervoy chetverti XIX v.* [Professors of the Moscow University in the Second Half of the 18th and the First Quarter of the 19th Centuries] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Series II. *Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2013. N 1 (50). P. 7–28.

Kamenskiy A.B. *Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvateley. Istoricheskiye anekdoty iz provintsial'noy zhizni XVIII veka* [Everyday Life of Russian Urban Residents. Historical Anecdotes from the Provincial Life in the 18th Century]. Moscow: RGGU, 2006. 408 p.

Kostina T.V. *Kachestvo zhizni universitetskogo professora pervoy poloviny XIX v. (po materialam Kazanskogo universiteta)* [Quality of University Professor's Life in the First Half of the 19th Century (According to the Materials of Kazan' University)] // *Sankt-Peterburgskiy universitet v XVIII–XX vv. Yevropeyskiye traditsii i rossiyskiy kontekst. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 23–25 iyunya 2009 g.* [Saint Petersburg University from the 18th through 20th Centuries. European Traditions and Russian Context. The Acta of the International Scientific Conference, 23–25 June 2009]. Saint Petersburg: Istoricheskiy fakul'tet SPGU, 2009. P. 57–73.

Kulakova I.P. *G.F. Müller — agent yevropeyskogo kul'turnogo vliyaniya v Rossii* [G.F. Müller as an Agent of European Cultural Influence in Russia] // *G.F. Müller i russkaya kul'tura = G.F. Müller und die russische Kultur: sbornik statey* [Eine Aufsatzsammlung]. Sankt Petersburg: Rostok, 2007. P. 340–357.

Kulakova I.P. *Universitetskoye prostranstvo: Moskovskiy universitet v istoriko-kul'turnoy srede XVIII veka* [University Space: The Moscow University in the 18th-Century Historical and Cultural Environment]. Moscow: Novyy khronograf, 2006. 335 p.

Kunts E.V. *Inostrannyye professora v shtate Moskovskogo universiteta v pervoy treti XIX veka: diss. ... kanidata istoricheskikh nauk* [Foreign Professors in the Staff of the Moscow University in the First Third of the 19th Century: PhD Candidate Diss. in History]. Moscow: MPGU, 2002. 304 p.

Kunts E.V. *Reforma M.N. Muravyeva v Moskovskom universitete v kontekste kul'turnoy zhizni Yevropy i Rossii nachala XIX veka* [M.N. Muravyev's Reform at the Moscow University in the Context of European and Russian Culture in the Early 19th Century] // *Prepodavatel' XXI vek*. 2011. N 4. Part 1. P. 275–283.

Lyubavskiy M.K. *Moskovskiy universitet v 1812 godu* [The Moscow University in 1812]. Moscow: Imperatorskoye Obshchestvo istorii i drevnostey rossiysskikh pri Moskovskom universitete, 1913. 68 p.

Mel'nikov G.P. *Avtoportret uchenogo XVII veka. Ya.A. Komenskiy v zerkale svoikh sochineniy* [Self-Portrait of a 17th-Century Scholar. J.A. Comenius in the Mirror of His Works] // *Chelovek — kul'tura — obshchestvo v kontseptsii Yana Amosa Komenskogo. Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma k 400-letiyu so dnya rozhdeniya Ya.A. Komenskogo (Moskva, 1990 g.)* [Man — Culture — Society in the Concept of Jan Amos Comenius. The Acta of the International Symposium to Mark the 400th Anniversary of Comenius' Birth (Moscow, 1990)]. Moscow: Reka vremen, 1997. P. 126–127.

Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow: Aspekt Press, 1998. 270 p.

Petrov F.A. *Nemetskiye professora v Moskovskom universitete* [German Professors at the Moscow University]. Moscow: GIM, 1996. 180 p.

Rakhmatullin R. *Dom Venevitinova otstoyali* [Venevitinov's House Was Defended] // *Nezavisimaya gazeta*. 12 February 2000.

Shevyrev S.P. *Istoriya Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu yego yubileyu. 1755–1855* [A History of the Moscow University, Written for Its Centenary. 1755–1855]. Moscow: Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1855. 590 p.

Skvayrs E.R., Barov-Vasilevich D.A. *Chastnaya biblioteka Ivana Andreyevicha Heima v fonde Otdela redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki Moskovskogo universiteta* [Ivan Andreyevich Heim's Private Library in the Collection of the Rare Books and Manuscripts Department of the Scientific Library of the Moscow University] // *Vol'terovskiy chteniya. Sbornik nauchnykh trudov* [Voltaire Workshop. Collection of Scientific Works]. Vol. 5. Saint Petersburg: Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, 2019. P. 301–321.

Solov'yev A.I. *Geografiya v Moskovskom universitete v dorevolyutsionnoye vremya* [Geography at Moscow University in Pre-Revolutionary Time] // *Geografiya v Moskovskom universitete za 200 let* [Geography at the Moscow University during 200 Years]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1955. P. 14–35.

Sorokin V.V. *Istoriya biblioteki Moskovskogo universiteta (1800–1917 gg.)* [A History of the Library of the Moscow University (1800–1917)]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1980. 254 p.

Stepanov A.P. *Stranichki iz istorii vospitaniya v Rossii kontsa proshlogo veka* [Pages of the History of Upbringing in Russia at the End of the Last Century] // *Russkaya shkola*. 1891. N 1. P. 18–21.

Universitet dlya Rossii [University for Russia]. Vol. 2. *Moskovskiy universitet v aleksandrovskuyu epokhu* [The Moscow University in the Alexandr's Era]. Moscow: Russkoye slovo, 2001. 368 p.

Vulisanova G.A. *I.A. Heim — rektor i bibliotekar' Moskovskogo universiteta* [I.A. Heim als Rektor und Bibliothekar der Moskauer Universität] // *G.F. Müller i russkaya kul'tura* = G.F. Müller und die russische Kultur: *sbornik statey* [Eine Aufsatzsammlung]. Sankt Petersburg: Rostok, 2007. P. 470–482.

Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress, 1990. 808 p.

Zhivov V.M. *Pervyye russkiye literaturnyye biografii kak sotsial'noye yavleniye: Trediakovskiy, Lomonosov, Sumarokov* [First Russian Literary Biographies as a Social Phenomenon: Trediakovsky, Lomonosov, Sumarokov] // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2000. N 25. P. 24–83.

Поступила в редакцию
23 января 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-43-56

Т.В. Паликова, Н.Е. Жукова

**«... Я ПРИЕДУ К ВАМ УЖЕ НЕ КУРСИСТКОЙ,
ПРОСТО СВОБОДНОЙ ГРАЖДАНКОЙ СВОЕЙ РОДИНЫ»:
ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ НАЧАЛА XX В.**

T.V. Palikova, N.E. Zhukova

**“I WILL NO LONGER COME TO YOU AS A GIRL STUDENT,
BUT AS A FREE CITIZEN OF MY MOTHERLAND”:
A WOMAN IN THE SOCIO-POLITICAL CONTEXT
OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY**

Аннотация. Представленная статья посвящена анализу писем уроженки города Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) Екатерины Александровны Сергеевой, в замужестве Танской, которые она писала родным и друзьям в процессе получения образования — сначала в Троицкосавской гимназии, а затем, с 1903 г., на Бестужевских высших женских курсах. Пореформенное развитие Российской империи привело к естественному изменению условий женского существования, значительно разнообразив его формы. Ведение в широкий обиход понятия личной свободы, модернизация системы образования стимулировали как процесс общественной эмансипации в целом, так и процесс женской эмансипации. Происходившие общественные перемены отражались в частной жизни современников, свидетельства чего мы находим в их личной переписке. В своих письмах Е.А. Сергеева выходит

Паликова Татьяна Вадимовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории исторического Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова (Улан-Удэ)

Palikova Tatiana Vadimovna, Doctor in History, Professor, Department of General and National History, Faculty of History, Dorji Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude)

tatianap25@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2299-0343

Жукова Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, заведующий сектором Научной библиотеки Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова (Улан-Удэ)

Zhukova Natalia Evgenievna, PhD Candidate in History, Head of the Division, Scientific Library, Dorji Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude)

nataliiuik@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5652-163

за рамки женского «бытового» повествования, расширяя и обогащая его сюжетами, связанными с процессом обучения, размышлениями о прочитанных книгах и о происходивших общественно-политических событиях, самопрезентацией внутреннего «я». Письма героини можно условно разделить на троицкосавский период, в течение которого Екатерина много размышляла и писала о желании обрести свою автономность, и петербургский — период деятельной реализации обретенной самостоятельности. Кроме того, в письмах представлен процесс рождения женщины нового типа, не ограничивающей себя комплексом исключительно женских обязанностей. Исследование корпуса писем Екатерины Александровны Сергеевой (Танской) позволяет сделать вывод о начале процесса формирования круга «внедомашних» интересов женщин на окраинах Российской империи. Данный процесс развивался в течении XIX в. в центральных регионах империи, однако в Забайкалье он имел медленный и далеко не повсеместный характер. В целом письма Е.А. Сергеевой являются уникальным для региона историческим источником, позволяющим реконструировать историю глазами женщин, чей взгляд на личные, общественные и государственные события не был востребован специалистами в области социальных и гуманитарных наук вплоть до конца XX в.

Ключевые слова: гендерная история, эмансипация в России, женские письма, Верхнеудинск, Троицкосавск, Бестужевские женские курсы.

Abstract. The article examines letters by Ekaterina Aleksandrovna Sergeeva (Tanskaya), who was born in Verkhneudinsk (now Ulan-Ude), to her relatives and friends during her education at Troitskosavsk high school and, from 1903, the Bestuzhev Higher Women's Courses. The post-reform development of the Russian Empire greatly diversified women's living conditions. The introduction of the concept of personal freedom and the modernization of the educational system stimulated social emancipation in general, and women's emancipation in particular. Social changes are reflected in private lives, particularly in personal correspondence. In her letters, Sergeeva goes beyond the female "domestic" narrative, enriching it with pictures of education, reflections on the books she read and on socio-political events, and a presentation of her inner self. Her correspondence can be roughly assigned to the period in Troitskosavsk, when she thought upon and wrote extensively about her desire to become independent, and to the time in Saint Petersburg when she actively implemented her new-found independence. In addition, the letters reveal the birth of a new kind of woman, whose life is not limited to her female duties. The study of Sergeeva (Tanskaya)'s letters leads to the conclusion that the circle of out-of-home interests of women began to form even in the outskirts of the Russian Empire. While this progress developed in the central regions of the empire during the nineteenth century, it was slow and limited in Transbaikalia. Sergeeva's letters are a unique historical source for the region, allowing us to reconstruct history through the eyes of women, whose view of personal, social and state events was not examined by specialists in the social sciences and humanities until the late twentieth century.

Keywords: gender history, emancipation in Russia, women's letters, Verkhneudinsk, Troitskosavsk, Bestuzhev Higher Women's Courses.

Движение гражданской эмансипации в Российской империи началось еще в правление Екатерины II с издания «Жалованной грамоты дворянству» в 1785 г. Проблему введения личной свободы для всего населения обсуждали декабристы, а их жены впервые в истории России публично обозначили женскую позицию по отношению к действиям государства. В эпоху «Великих реформ» второй половины XIX в. введение в широкий обиход понятия личной свободы, модернизация системы образования стимулировали как процесс общественной эмансипации в целом, так и процесс женской эмансипации в частности. Интенсификация и технологизация труда, появление новых видов производств, в результате некоторого высвобождения рабочих рук, расширение сети учебных заведений, изменение структуры рынка труда — все эти факторы создавали условия для проявления активности в различных сферах экономической и социальной жизни различными группами населения, в том числе женщинами. Получение женщиной образования и ее последующее желание заниматься общественно значимым трудом, продиктованные отчасти экономической необходимостью, уже не воспринимались только как «дамский каприз», а укоренялись как все более обыденная повседневная практика. Экономическая востребованность женского труда во второй половине XIX в. порождала новые представления о сущности женщины, которая теперь могла реализовать себя не только в роли матери и жены, но и служащей, учительницы, заводской работницы и т.д. Политическое и социально-экономическое развитие пореформенной России заложило основы женского самосознания, ее идентичности в мускулинном мире.

Гендерная история — достаточно новая отрасль в комплексе социогуманитарных наук, получившая развитие во второй половине XX в. Классическим представителем гендерных исторических исследований на Западе является Джоан Скотт, которая включила термин «гендер» в активный научный дискурс. Последующее развитие гендерное виденье истории получило в трудах Г. Бок¹, Л.Д. Николсон², У. Фреверт³. В отечественной исторической науке гендерное направление заявило о себе в 1990-е гг. исследованиями Н.Л. Пушкаревой⁴,

¹ Bock G. Women's History and Gender History: Aspects of an International Debate // *Gender and History*. 1989. Vol. 1. N 1. P. 7–30.

² Nicholson L.J. *Gender and History. The Limits of the Social Theory in the Age of the Family*. New York, 1986.

³ Frevert U. *Frauengeschichte — Mannergeschichte — Geschlechtergeschichte // Feministische Perspektiven in der Wissenschaft / L. Blattman et al (Hg.)*. Zurich, 1993.

⁴ Пушкарева Н.Л. *Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X — начало XIX в. Невеста, жена, любовница*. М., 1997.

Л.П. Репиной⁵. Новейшие изыскания по гендерной истории представлены работами О.А. Ворониной⁶, И.Р. Чикаловой⁷.

Задавшись вопросом, насколько широко модернизационный тренд, охвативший центральную Россию, проник на ее окраины, авторы данного исследования поставили цель проанализировать трансформацию социальной природы женщины трансграничного региона под влиянием процессов эмансипации общества и роста роли женщины начала XX в., что предполагало применение ряда научных методов, способных приблизить «фокус» изучения к человеку и его проблемам.

Говоря об источниковедческой характеристике рассматриваемого комплекса писем уроженки города Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) Е.А. Сергеевой, необходимо отметить следующее. Письма написаны чернилами на бумаге разного сорта, например, почтовой, различного размера и посткартах. Письма достаточно объемные, по 5–7 листов в среднем, собранные архивистами в годовые подшивки. Письма прошиты в некоторой степени хаотично, и не всегда страницы одного и того же письма находятся в одной подшивке. Письма написаны достаточно разборчиво, поля как таковые отсутствуют, «послесловия» и зачеркнутые по тем или иным основаниям слова и предложения встречаются редко, что указывает на цельность и структурированность авторского изложения. Вместе с тем, часто встречаются приписки и дописки, сделанные автором в верхнем поле или крупным шрифтом поверх текста последней страницы, как правило, заверения в любви и долгой памяти. Иногда письма писались в течение нескольких дней, о чем автор извещал на первой странице или в тексте, начиная продолжение с указания даты. Сохранность документов хорошая. Встречаются, однако, затеки отдельных страниц. Содержанием дел также являются конверты со штапелями и аутентичными почтовыми марками, что, предположительно, связано с важностью местонахождения для Е.А. Сергеевой (Танской), и конверты более позднего времени, лишённые обозначения места жительства и точной даты написания писем, что затрудняло их атрибуцию и систематизацию.

Процессы женской эмансипации, пусть с разной динамикой, протекали практически во всех уголках Российской империи, в том числе

⁵ Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 41–58.

⁶ Воронина О.А. Формирование гендерного подхода в социальных науках // Гендерный калейдоскоп. М., 2002. С. 18–33.

⁷ Чикалова И.Р. Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития. — URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/school/chikalova.htm> (дата обращения 13.08.2021).

и на восточных ее окраинах. Забайкалье, являясь трансграничным регионом, представляло собой некий сплав многих традиционных укладов и, соответственно, взглядов на положение женщины в обществе. Специфика Забайкалья, заключающаяся в колонизаторском характере его освоения, приграничном положении региона, преобладании военных над штатскими, удаленности его от центров культуры и образования, отражалась на положении женщин. Особенности женской эмансипации региона видятся в ее объективно низкой динамике, в некотором однообразии ее форм, а также в отсутствии механизмов вовлечения женщин в общественную жизнь. Женские общественные организации, которые могли бы стать одним из направлений женского участия, на рубеже XIX–XX вв. были немногочисленны. Как и прежде, ключевой сферой «занятости» женщины в Забайкалье, аналогично большинству других регионов страны, была семейная повседневность, в которой на женщину возлагались обязанности по организации семейного быта и воспитанию детей.

Однако развитие пореформенных процессов в обществе и, как следствие, общая демократизация социальных устоев приводили, хотя и медленно, к изменению понимания роли женщины и в далеком Забайкалье. Первые женские учебные заведения в регионе открылись во второй половине XIX в., а к началу XX в. сеть учебных общеобразовательных и средних профессиональных заведений для девушек заметно расширилась. Женские училища (в том числе епархиальные и повивальных бабок), прогимназии и гимназии появились в городах Верхнеудинске, Троицкосавске, Нерчинске и Чите. В этот же период открылись первые общественные библиотеки, музеи, организованные городской интеллигенцией и политическими ссыльными, начался процесс самоорганизации социума — формирование сети обществ творческого (любителей театрального и музыкального искусства, литературы) и благотворительного характера (прежде всего — направленных на поддержку учебных заведений и социально униженных граждан).

Характеризуя положение женщин России в целом и Верхнеудинска в частности на рубеже XIX–XX вв., городской врач М.В. Танский писал, что «женщинам приходилось жить в это время, как потом германский канцлер Вильгельм II сформулировал их предназначение в пресловутой тираде: *Kinder, Küche* и *Kirche* (церковь, дети, кухня). Но от домостроя все же ушли — представлялись права: учительствовать, быть повивальными бабками и сестрами милосердия. Несколько позднее стали пускать на службу и телеграф»⁸. Вышеприведенный

⁸ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1778. Семья Танских — старожилы г. Верхнеудинска. Оп. 1. Д. 31. Л. 77.

фрагмент воспоминаний Танского говорит скорее о неизбежности процессов женской эмансипации, имеющих на окраинах империи менее динамичный и драматичный характер, нежели в центральных регионах.

В центре нашего исследования — судьба и образ Е.А. Сергеевой (будущей жены М.В. Танского), отраженные в ее письмах к родным, друзьям и будущему мужу. В своих письмах Екатерина Александровна описывает эпизоды своей частной жизни, а также важные общественно-политические события в России в начале XX в., являясь их непосредственной свидетельницей. В размышлениях, комментариях, мечтаниях автора, в самом стиле писем мы можем проследить процесс рождения женщины нового типа, женщины, не ограничивающей себя комплексом исключительно женских обязанностей.

Е.А. Сергеева (Танская) родилась 26 октября (ст. ст.) 1885 г. в Чите, в семье сосланного дворянина Александра Сергеева. По окончании Верхнеудинской женской прогимназии Екатерина с 12 лет получала образование в Троицкосавской женской гимназии, откуда писала родным и друзьям. Письма еще совсем юной Кати Сергеевой поражают своей искренностью и цельностью. 20 ноября 1898 г. Катя писала сестре Марии Верхотуровой, что мечтает о скорейшем завершении 4-летнего гимназического цикла, когда она будет «свободной и независимой» и сможет без затруднений «осуществить свои планы и надежды»⁹. При этом нужно помнить, что дети негимназических городов очень рано начинали самостоятельную жизнь, обучаясь в гимназии вдали от семьи, живя на съёмных квартирах. Правда, Е.А. Сергеевой повезло в большей степени, чем ее будущему мужу: она поступила в гимназию в не слишком отдаленном Троицкосавске, тогда как М.В. Танскому в 10 лет пришлось переехать в Иркутск.

Писала наша героиня на рубеже XIX–XX вв. главным образом сестре Марии в Мысовск, Ярославль и Харьков. Обращениями к сестре — «моя милая Маруся», «моя светлая Маруся», «моя дорогая...», «Марусичка» (традиционное ласковое обращение в интеллигентных семьях) — и подписью в конце писем «твоя Катя» или «Катенька» — девушка подчеркивала свою особенную эмоциональную с ней близость. В ее письмах — целый спектр мотивов, рисующих привязанность к сестре, как, например, постоянные просьбы «прислать фотокарточку», помолится «обо мне», «поцеловать», «благословить», писать и не забывать «свою сестру Катю». В письме от 17 февраля 1901 г. Катя Сергеева писала Марии: «Как у меня тяжело было на

⁹ ГАРБ. Ф. Р-1774. Е.А. Танская заслуженный учитель РСФСР. Оп. 1. Д. 118. Письма Е.А. Танской родным и друзьям. Л. 77.

душе в это время. Я ждала от тебя письма как солнца...»¹⁰. Упомянутые эмоциональные средства подчеркивают гендерный характер письма и соответствующие представления о том, что письма должны обладать не только информационной ценностью, но и некими «подтверждениями» эмоционально-родственных связей.

По утверждению ученых, «обыденное сознание женщины-дворянки “охватывало”, как правило, локальное коммуникативного пространства. В повседневной жизни дворянка, особенно провинциальная, вращалась в сравнительно узком кругу родных, соседей и знакомых...»¹¹. В этой связи письма Кати Сергеевой заметно выделяются большей концентрацией на собственной персоне: от перипетий личной и семейной жизни, значимых событий процесса обучения, до попыток определения своего места в жизни и конструирования своего независимого «я».

Большое место в переписке с сестрой Катя уделяла попыткам понять себя, найти свое место и предназначение. Так, сетуя в письме к Марии летом 1899 г. на неопределенность своего будущего после окончания гимназии, она пишет, что поступит на телеграф и будет откладывать деньги. «... Я дала слово, что рано или поздно, а я уеду в Россию, что я могу быть *таким же человеком, имеющим право жить, как хочу, как и другие*»¹² (курсив наш. — Авт). Становление личности происходило через образование и книги, которых Екатерина в период обучения в Троицкосавске читала много и жадно, заставляла «читать других». Их список довольно широк: от признанных классиков — А. Пушкин, Н. Некрасов, Н. Гоголь, А. Островский, Н. Гончаров, В. Шекспир, Стендаль, Ч. Диккенс, до современных ей писателей — Ф. Шпильгаген, А. Толстой, М. Горький, Г. Данилевский. Но вместе с тем мысль о том, что «...я чувствую, как мало я знаю в сравнении с другими людьми»¹³, стала лейтмотивом существования девушки как в гимназии, так и вне ее стен.

Тема отъезда «в Россию» как некий обязательный элемент в письмах Сергеевой к ее сестре Марии Верхотуровой является одновременно и целью, и средством обретения ею самостоятельности, ключом к независимой жизни и, наконец, способом установления личного общения с сестрой. Свое желание отъезда юная Катя прочно соединяла с желанием продолжить свое образование, не определившись, однако, с будущим профессиональным направлением.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Белова А.В. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XIX и XX–XIX веков // Культура и текст. 2016. № 2. С. 117.

¹² ГАРБ. Ф. Р-1774. Оп. 1. Д. 118. Л. 102.

¹³ Там же. Л. 21.

«...Катну на медицинские курсы», «пожалуй, и я поеду», «...жалко, что не пришлось нынешний год поучиться в Чите, там в восьмом классе учат латынь довольно серьезно», «... ехать на педагогические коллективные курсы мне не хочется», — так рассуждала про свои образовательные перспективы Катя.

Продолжая, она писала: «не хочется мне поступать на телеграф ужасно, но опять-таки это единственное место, служа на котором я буду иметь возможность попасть когда-нибудь в Россию к тебе поближе, дорогая Маруся»¹⁴. В то же время, желание уехать определялось достаточно четким осознанием больших возможностей в центре страны, чем на окраине с ее неприглядной жизнью: «какая у нас тина, какое болото окружает. Ах скорей бы выбраться отсюда... Тяжело сознавать и быть все-таки в этой тине...»¹⁵; «Только скорее вырваться из этого омута Троицкосавска»¹⁶; «Время идет тихо и однообразно, как всегда»¹⁷; «Ты представить себе не можешь, какая однообразная здесь жизнь. Все новое проникает через много времени, претерпевши и вынеся много препятствий, в каком виде является оно сюда»¹⁸. Но и в Верхнеудинске, дома, время «проходит однообразно и скучно»¹⁹. В последующем отъезде в Россию, как вероятность, связывалась с замужеством. Так, в письме к сестре 30 августа 1900 г. (в котором Екатерина рассказывает, что была просватана в июле) читаем: после окончания 7 класса «особо не медля, повенчаемся и поедем в Россию».

Нужно заметить, что в «бытовом языке» жителей восточных окраин империи выражение уехать «в Россию» существовало вплоть до революции 1917 г. и символизировало политико-административное обособление от ее центральной части.

В письмах Екатерины можно проследить отношение ее семьи к получению женщиной образования и выделить несколько линий женского поведения. После окончания женской гимназии в Троицкосавске в 1901 г. в семье начал обсуждаться вопрос о продолжении Катей образования, который имел «жгучий» характер, и в доме шли «горячие дебаты». Ранее старшая сестра Екатерины Зинаида уже высказывала мысль о том, что не хотела бы пускать ее на курсы, а теперь и золовка «находит, что я переучилась...». «Раздражает то, что они смотрят на жизнь глазами допетровского времени или глазами

¹⁴ Там же. Л. 147.

¹⁵ Там же. Л. 78.

¹⁶ Там же. Л. 91.

¹⁷ Там же. Л. 80.

¹⁸ Там же. Л. 28.

¹⁹ Там же. Л. 3.

какой-нибудь схимницы...», — подытоживает свои переживания девушка. Неслучайно Екатерина так близко общается лишь в Марией, ведь она пятый, а Мария четвертый ребенок в семье, и возрастная разница между ними незначительна, в то время как старшие сестры, Александра и Зинаида, смотрят на Екатерину, как на ребенка, а сами являются для нее представительницами некоей архаики. Если Мария выполняет роль подруги, то старшие берут на себя родительские функции. Поэтому в письмах мелькают досадные и почти безнадежные замечания: «...проживешь всю жизнь и будешь бесконечно плясать под дудку Зины или Шуры»²⁰. Однако тяга к знанию и желание найти «ответы на все вопросы» преодолела патриархальное отношение к месту женщины, и в 1903 г. Екатерина Сергеева становится студенткой Бестужевских высших женских курсов.

Спор с Зинаидой о важности и необходимости получения образования продолжился и после отъезда Екатерины. В преддверии поступления на высшие женские курсы, уже из Петербурга, она писала Марии в Харьков: «дома отстаивала это право (обучения на курсах. — *Авт.*) с трудом. Но зато Зина сказала, что она мне не даст ничего. Задело»²¹. Петербург понравился Екатерине своей живостью, которую она противопоставляла серенькой, «скучненькой» обстановке провинциальной жизни²². Но вместе с тем, Екатерину весь период обучения не покидало чувство одиночества, «чувство тоски и давления», на которые девушка жаловалась подруге Соне.

Санкт-Петербургский период в переписке Екатерины заметно отличался от забайкальского, во-первых, разнообразием адресатов, которыми теперь являлись практически все члены семьи, а также верхнеудинские друзья. В отличие от троїцкосавского периода Катя чаще пишет матери, Зинаиде и ее мужу Петру Тивуртиевичу Труневу, подруге Соне Пузановой. Во-вторых, в своих письмах Екатерина старалась осветить гораздо больше тем, связанных не только с самой учебой, но и с многочисленными общественно-политическими и культурными событиями, свидетельницей которых она являлась.

В письмах этого периода Екатерина уже не пишет о желаемой когда-то свободе и независимости, не акцентируя внимание на этих задачах, теперь она их реализует. Петербург дал Екатерине как никогда широкие образовательной и культурной самореализации, ее жизнь стала насыщенной и ярче. Осенью 1904 г. курсистка посетила многие выдающиеся спектакли, в том числе «Нору» с В. Комиссаржевской в главной роли, и «тут только ... поняла тех

²⁰ Там же. Л. 149.

²¹ Там же. Л. 143.

²² Там же. Л. 191.

психопатов и психопаток театральных, что по часам ждут выхода артистов, чтобы только прикоснутся к зонтику, руке или коляске»²³. «Слышала нынче Федьку Шаляпина... Мало того, что поет хорошо, еще чудно играет»²⁴. Сама Екатерина охотно пела цыганские романсы и участвовала в любительских спектаклях, и друзья находили в ней «драматическую жилку», но в силу разных причин творческие потребности не были ею реализованы.

Как и прежде, Екатерина большую часть времени посвящает непосредственно учебе и чтению, постоянно чувствуя свое несовершенство и неподготовленность, что «даже досадно, что учась 10 лет знаешь так мало»²⁵. Для Екатерины настал деятельностный этап реализации своего я. На собрании курсисток по вопросу выборов в кассу взаимопомощи, на котором, по мнению девушки, был неправильно поставлен вопрос (содержание «вопроса» она не уточняет), Екатерина «вскочила на стол, попросила слова и, конечно, своим голосом моментально покрыла всю аудиторию и заставила себя выслушать себя до конца»²⁶. Возможно, это описка, двойное «себя», но насколько показательна для самоутверждения. Оказавшись в гуще событий, молодая девушка энергично реагирует на все происходящее в большом мире, не сковывая себя рамками предписанной гендерной роли или соответствующего воспитания.

Способность к адекватному описанию «внешнего» мира проявилась еще в ранних письмах Екатерины, но в петербургский период ее наблюдательность приобрела большую остроту. В ее письмах мы обнаруживаем ряд политических сюжетов, изложенных как в виде простых описаний, так и снабженных ее собственной оценкой. Так, например, о рождении наследника престола цесаревича Алексея Сергеева пишет: «ждали больших празднеств — ничего не было, иллюминация была плохая. В колокола звонили мало... Ждали народных манифестаций — ни звука...». Далее в письме сестре Зине Екатерина продолжает: «Читаю телеграммы о войне (русско-японской. — *Авт.*) все время, но здесь как-то о ней говорят меньше даже, чем у нас, должно быть этому причиной дальность расстояний». Одновременно девушка чувствовала недостаток сведений из Верхнеудинска: «Хоть бы телеграмму или что-нибудь послали, а то ничего не знаю и не знаю»²⁷. Свои вопросы о положении дома Екатерина

²³ Там же. Л. 321.

²⁴ Там же. Л. 199.

²⁵ Там же. Л. 199.

²⁶ Там же. Л. 325.

²⁷ Там же. Л. 287.

адресовала подруге Соне: «Что делается у нас? Спокойно ли? Много ли раненых? Что говорят о совместном внутреннем движении?»²⁸.

Безусловно, революция 1905–1907 гг., особенно ее начальный период, произвела на современников большое впечатление, став огромным событием и в частной жизни людей. Не стала исключением и Екатерина Сергеева, которая написала отдельное письмо в Верхнеудинск, целиком посвященное «кровавому воскресенью» 9 января 1905 г. Особенностью данного письма, кроме монотематики, также является наличие коллективного адресата: «Милые мои и дорогие...».

Начинается письмо с описания «вкратце» предшествующих событий, с обозначением ключевых и политических фигур, с ними связанных. Само 9 января Екатерина описывала как событие трагическое, ужасное. Идущих к Зимнему дворцу «стройно, тихо, безоружно» рабочих «с иконами, портретами государя, хоругвями...» войска встретили «дружными залпами. Народ валился стенами. Все бросились бежать, так как никто не думал, что это могло иметь место в ответ на просьбу народа видеть своего царя. Женщины плакали, закрывая собою своих детей, и, пораженные пулями, падали на них же. Молодые рабочие, подхватив на руки девушек и старых, бежали, перепрыгивали с мостов на лед, падали и тут же, разбитые вдребезги, умирали. ... Стон, плач, крики и пальба целый день висели над Петербургом»²⁹.

Далее Екатерина рисует родным и друзьям образ Георгия Гапона: «смелое энергичное лицо, правда глаза его горят каким-то фанатичным огнем, но впечатление получается невыразимо хорошее», и обещает прислать его фотографию. Говоря о стачках и боях последующих дней, она описывает их словом «озверение». «Как было не дойти до этого, когда вооруженные солдаты и казаки, пользуясь силой и превосходством оружия, били и убивали с каким-то воодушевлением и удовольствием»³⁰.

На следующих страницах письма Екатерина описывает весьма точно масштаб забастовок, произошедших по всей стране, а также остановку учебного процесса в Петербурге, вызванную забастовочным движением. «Теперь гнусное правительство объявит все подкупом японцев, жалкие трусы!», — резюмирует она. В завершении письма Екатерина сообщает, что за границей уже называют царя «Николаем последним», и интересуется, «реагирует ли Сибирь и чем на эти события?»

²⁸ Там же. Л. 277.

²⁹ Там же. Л. 240.

³⁰ Там же.

В последующих письмах Екатерина продолжает тревожиться по поводу создавшегося вокруг нее информационного вакуума. Так, например, в письме к своему будущему мужу верхнеудинскому врачу Михаилу Владимировичу Танскому 13 января 1905 г. девушка вновь и вновь интересуется: «Неужели ничего не долетает туда (в Верхнеудинск. — *Авт.*)?» Там же она сообщает, что «устала-устала», но «рада, что здесь, что могу все видеть, все слышать! Могу переживать исторические моменты»³¹.

Тема «внешнего мира» занимает большое место в переписке будущих мужа и жены в 1905 г., что свидетельствует о постепенно меняющемся статусе женщины в обществе, прогрессивных идеалах и убеждениях Екатерины, о нарождающейся востребованности «женского взгляда» на масштабные исторические события. Острое осознание важности постоянного получения информации о происходящих событиях (М.В. Танский многократно повторяет мысль об «отрезанности от всего мира», отсутствии газет и писем) и понимание, что достоверные известия можно получить только от очевидцев, заставляли обращаться с вопросами: «Что делается у вас в Птб?»³²; «...порасскажи, что делалось у вас в Петербурге, каких великих событий была ты... свидетельницей?». Однако разорванность информационного поля была двухсторонней, и верхнеудинские «петербуржцы» тоже пытались выяснить достоверность слухов: «Как у вас дела в Верхнеудинске?»³³.

В ответ на многочисленные вопросы Екатерины М.В. Танский писал про «всё то же невсколыхнувшееся болото», где «мы как зрители, любуемся издали за тем, что происходит, с захватывающим интересом и большим сочувствуем к разыгрывающейся трагедии, но дальше этого не идем. Поэтому камня не положим для будущего великого здания свободной, важной жизни...»³⁴. Интересно, что несмотря на различие общественно-географических условий, в которых проживала Екатерина Сергеева и Михаил Танский, несмотря на их возрастную разницу почти в 30 лет и соответственно различный жизненный опыт, они совпадали в оценке величия и трагичности происходящих революционных событий. Для М.В. Танского Екатерина стала надежным и верным другом, в письмах к которому можно было описать личные тревоги, поразмышлять о политических событиях, сравнить общественную жизнь в столице и в провинции.

³¹ Там же. Л. 244.

³² Там же. Д. 31. Л. 2

³³ Жукова Н.Е., Паликова Т.В., Палхаева Е.Н. Ключевые события начала первой русской революции 1905 года глазами рядовых жителей уездного Верхнеудинска // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 4. С. 114.

³⁴ ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

Необходимо добавить еще несколько штрихов к портрету молодой женщины со сформировавшимися взглядами и представлениями о жизни. Из писем совсем еще юной Кати можно установить, что она по крайней мере дважды оказывалась на пороге замужества, что было следствием либо «душевного порыва», либо желания обрести самостоятельность. Отношения же с М.В. Танским, напротив, были более ровными и глубокими, в ходе которых Екатерина долго не могла определить, что же их связывало. Наконец, когда Екатерина уже решила вернуться в Верхнеудинск, она пишет Танскому очень характерную для нее фразу: «... я приеду к Вам уже не курсисткой, просто свободной гражданкой своей Родины»³⁵. Таким образом, вступление в брак для Екатерины не мыслилось как акт преломления личности, повод отказаться, в том числе, и от своей гражданской позиции, взглядов и убеждений. Брак Танских, о чем свидетельствуют документы, был символом нарождающегося гендерного равенства.

Сразу после возвращения в родной город Екатерина стала работать учительницей. Она прожила долгую жизнь — 95 лет. Ее общий стаж работы в школе составил 50 лет. Е.А. Танская была отмечена званием Заслуженного учителя Бурятской АССР.

Таким образом, исследование корпуса писем Екатерины Александровны Сергеевой (Танской) позволяет сделать вывод о начале процесса формирования круга «внедомашних» интересов женщин на окраинах Российской империи. Названное движение имело место в течение XIX в. в центральных регионах империи, а в Забайкалье оно носило медленный и не повсеместный характер. Однако культурные и социально-экономические условия для реализации стремления женщины к независимости начали складываться и здесь.

Екатерина — не первая забайкальская женщина, которая осознала необходимость получения образования и, возможно, не единственная писавшая об этом. В региональном разрезе письма Е.А. Сергеевой являются уникальным сохранившимся источником личного происхождения, в котором получение профессионального образования представляется неотъемлемой частью жизни женщины. Ее письма рубежа XIX–XX вв. можно разделить на два смысловых этапа: троицкосавский, в течение которого Екатерина много размышляла и писала о желании обрести свою автономность, и петербургский — период деятельностной реализации обретенной самостоятельности. Логическим завершением становления личности Екатерины стало решение о браке, в который она вступала свободной и независимой.

³⁵ ГАРБ. Ф. Р-1774. Оп. 1. Д. 118. Л. 318.

Письма Е.А. Сергеевой — ценный исторический источник, позволяющий увидеть процесс женской эмансипации «изнутри» как явление органичное женской природе, тесно связанное с динамикой общественно-политического развития. Кроме того, предложенный корпус писем — редчайшая возможность посмотреть на ключевой процесс первого десятилетия XX века — революцию 1905–1907 гг. — глазами жителя восточной окраины империи, глазами женщины. Следовательно, письма — это политематический исторический источник, позволяющий получить представление о разных гранях исторической действительности.

References

Belova A.V. *Zhenskaya epistolyarnaya kul'tura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX i XX–XIX vekov* [Women's Epistolary Culture in Russia at the Turn of the 18th and 19th, 20th and 21st Centuries] // *Kul'tura i tekst*. 2016. N 2. P. 167–185.

Bock G. *Women's History and Gender History: Aspects of an International Debate* // *Gender and History*. 1989. Vol. 1. N 1. P. 7–30.

Chikalova I.R. *Zhenskaya i gendernaya istoriya. Sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Women's History and Gender Studies. State and Prospects of Development] — URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/school/chikalova.htm>

Frevort U. *Frauengeschichte — Mannergeschichte — Geschlechtergeschichte // Feministische Perspektiven in der Wissenschaft* / L. Blattman et al. (Hg.). Bd. 21. Zürich: Zürcher Hochschulforum, 1993. S. 23–40.

Nicholson L.J. *Gender and History. The Limits of the Social Theory in the Age of the Family*. New York: Columbia University Press, 1986. 238 p.

Pushkareva N.L. *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v doindustrial'noy Rossii. X — nachalo XIX v. Nevesta, zhena, lyubovnitsa* [Private Life of a Woman in Pre-Industrial Russia. Bride, Wife, Lover]. Moscow: Lodomir, 1997. 381 p.

Repina L.P. *Gendernaya istoriya: problemy i metody issledovaniya* [Gender History: Research Problems and Methods] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1997. N 6. P. 41–58.

Scott J.W. *Gender: A Useful Category of Historical Analysis* // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91. N 5. P. 1053–1075.

Voronina O.A. *Formirovaniye gendernogo podkhoda v sotsial'nykh naukakh* [Formation of the Gender Approach in the Social Sciences] // *Gendernyy kaleydoskop* [Gender Kaleidoscope]. Moscow: Academia, 2002. P. 18–33.

Zhukova N.E., Palikova T.V., Palkhayeva E.N. *Klyuchevyye sobytiya nachala pervoy russkoy revolyutsii 1905 goda glazami ryadovykh zhitel'ey uyezdnogo Verkhneudinsk* [The Key Events of the 1905 First Russian Revolution through the Eyes of Ordinary Residents of Verkhneudinsk] // *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 2020. N 4. P. 113–117.

Поступила в редакцию
9 сентября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-57-74

Н.Б. Селунская

**ОБРАЗЫ «РУССКОГО ИЗБИРАТЕЛЯ» И «НАРОДНЫХ
ИЗБРАННИКОВ» В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ
НАЧАЛА XX в.**

N.B. Selunskaya

**THE IMAGES OF “RUSSIAN VOTER” AND “PEOPLE’S
DEPUTIES” IN THE DISCURSIVE PRACTICES
OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY**

Аннотация. Тенденции развития современной историографии во многом определяются влиянием лингвистического поворота на методологию изучения российской истории, в том числе в плане развития практик использования дискурсивного анализа применительно к текстовым источникам, отражающим мировосприятие современников. Историческое сообщество осознало методологическую несостоятельность как использования научного языка западной академической науки, так и поиска универсальных исторических понятий, пригодных для изучения истории любой страны, независимо от ее социокультурного своеобразия. На первый план выдвинут принцип контекстуальности, т.е. исследования исторических явлений в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление, что актуализирует обращение к политической истории Российской империи с использованием новой оптики ее видения — методологии дискурсивного анализа текстов современников. Познавательные возможности названного подхода можно продемонстрировать на примере анализа языка текстов, представляющих контент публичного и мемориального дискурсов о выборах в Государственную думу Российской империи, избирателях и народных избранниках. В фокусе внимания автора — понятия, употребляемые современниками, в которых отражалась историко-культурная национальная специфика восприятия «русского избирателя» и «народных избранников» как акторов исторического процесса, которые были призваны «участвовать в судьбе своей страны». Так, раскрытие смысла наиболее часто употребляемого понятия «русский» в дискурсе современников включает

Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Selunskaya Natalia Borisovna, Doctor in History, Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

selounsk@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-6931-0772

понимание его и как репрезентации хранителя традиции национальной политической культуры, и как центростремительной силы, сплачивающей русских в их осознании своей этнокультурной идентичности. Эта специфика зафиксирована в объяснении современниками значимости проекта народного представительства, «дарованного царской волей», который представляет собой форму «исконно русского самодержавия». Осознание гражданской идентичности русским избирателем в публичном и мемориальном дискурсах современников представлено восприятием «выборных от населения» как «своих» в отличие от правительственных чиновников, выступающих в образе «чужого». Раскрывая аутентичный смысл понятий, которыми пользовались современники, возможно уяснить ценностный мир, правила социальной коммуникации людей в поворотный исторический период реформ и революций в России начала XX в.

Ключевые слова: Государственная дума, дискурсивный анализ, лингвистический поворот, идентичность, русский избиратель, народные избранники, концепт.

Abstract. Trends in modern historiography are largely determined by the influence of the linguistic turn in the methodology of study of Russian history, including the development of discursive analysis of textual sources which reflect the worldview of contemporaries. The historical community has realized the methodological inadequacy of both the use of the Western scientific language and the search for universal historical concepts suitable for the study of the history of any country, regardless of its socio-cultural uniqueness. Currently, the principle of contextuality is brought to the forefront, that is, the study of historical phenomena within the socio-cultural environment that gave rise to this phenomenon, which actualizes the treatment of the political history of the Russian Empire with the use of new optics, i.e., the methodology of discursive analysis of the texts of contemporaries. Cognitive possibilities of the named approach can be demonstrated on the example of the analysis of the language of the texts representing the content of public and memorial discourses about the elections to the State Duma of the Russian Empire, voters and people's deputies. The author focuses on the concepts used by contemporaries, which reflected the historical and cultural national specificity of the perception of "Russian voter" and "people's representatives" as actors in the historical process, who were called to "participate in the destiny of their country". Thus, the disclosure of the meaning of the most frequently used concept "Russian" in the discourse of contemporaries includes its understanding as a representation of the guardian of the tradition of national political culture, and as a centripetal force, uniting Russians in their awareness of their ethno-cultural identity. This specificity is recorded in contemporaries' explanation of the significance of the project of the representation of people, "granted by the tsar's will", which represents a form of "inherently Russian autocracy". The Russian voter's awareness of civic identity in the public and memorial discourses of his contemporaries is represented by the perception of "elected ones from the population" as "their own" in contrast to the government officials who act as "aliens". Revealing an authentic meaning of the notions, used by the contemporaries, it is possible to understand the world of values, rules of social communication during the decisive historical period of reforms and revolutions in Russia at the beginning of the 20th century.

Keywords: State Duma, discourse analysis, linguistic turn, identity, Russian voter, people's deputies, concept.

* * *

Как известно, у историка нет доступа к прошлому, которое является объектом исследования, но есть исторический источник как некая базовая информация о прошлой реальности. Вот почему исследователь вынужден вступать в контакт с различного рода «репрезентациями» событий прошлого, в том числе — «вести диалог» с сообщениями, наблюдениями, свидетельствами, зафиксированными современниками в различного рода текстах, и на их основе конструировать нарратив о тех событиях, исторических фактах и явлениях, которые выбраны для изучения.

Популярный сегодня в историческом сообществе социокультурный подход рассматривает историописание как «культивирование нашего отношения к прошлому», для которого источник играет роль «артефакта культуры», следа, оставленного человеком и миром, который непременно должен быть вовлечен в диалог между прошлым и настоящим, втянут в конкретный дискурс. Этот дискурс оценивается историками как одно из проявлений современной культурной коммуникации, к которому вынуждает «тоска по познанию прошлого», «потребность участия в нем»¹. Именно социокультурный подход определяет и особое внимание историка к методу дискурсивного анализа, который именуют также, как элемент структуры историко-семантического анализа.

Целью статьи и будет демонстрация и оценка познавательного потенциала интерпретационных методов анализа текстов современников на примере выявления социокультурной национальной специфики репрезентаций образов «избирателя» и «избранников» в новый институт народного представительства в России — Государственную думу. В фокусе внимания будет язык текстов авторов — современников исторического периода начала XX в., процесса рождения «новой роли русского избирателя» и «народных избранников», и прежде всего — концепты, конструирующие эти образы и их интерпретации историком-источниковедом, обратившимся к ним сегодня.

Актуальность разработки методологических аспектов заявленной темы определяется особенностями интеллектуальной ситуации в современной исторической науке, связанными с влиянием «лингвистического поворота» на методологию изучения российской истории. Представляется весьма убедительной позиция российских

¹ Вжосек В. Культура и историческая истина. М., 2019. С. 231.

ученых-методологов, которая связывает развитие практик использования дискурсивного анализа с «необходимостью разработки научного языка, адекватного для изучения исторических реалий вне западноевропейского ареала». Основанием для подобного утверждения является тот факт, что «использование научного языка западной академической науки, который сформировался в определенной когнитивной среде при изучении западноевропейской истории, затрудняет понимание и объяснение иных социокультурных исторических реалий»². Высказанные А.В. Лубским соображения о признании историческим сообществом методологической несостоятельности «поиска универсальных исторических понятий, теоретических конструктов, пригодных для изучения истории любой страны независимо от ее социокультурного своеобразия» и о возрастающей значимости принципа контекстуальности, т.е. исследования исторических явлений в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление, актуализируют обращение к политической истории Российской империи с использованием новой оптики ее видения — методологии дискурсивного анализа.

Представляется важным отметить влияние «лингвистического поворота» на появление в методологическом арсенале историка дискурсивного анализа, который подвергается в историографии как осмыслению его познавательных возможностей в контексте новой парадигмы, так и использованию в практиках исторических исследований в качестве методики историко-когнитивного, семантического анализа смысла понятий, категорий, составляющих содержание авторских текстов³. Внутри этой области выделяются два различных конкурирующих подхода, две национальные школы, сложившиеся в конце 1960-х гг.: кембриджская школа, основателями которой являются Д. Данн и К. Скиннер, и немецкая школа, инициированная Р. Козеллеком и его последователями. Как отмечается в историогра-

² Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в исторической науке после пост-модернизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012. С. 17.

³ Селунская Н.Б. Современный язык историка-профессионала (рец. на книгу: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. (Образы истории; отв. ред. серии Л. П. Репина)) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2 (26). С. 251–253; Поршнева О.С. Становление дисциплинарной парадигмы современного исторического знания, ее возможности и ограничения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2013. Т. 12. № 1. С. 784–791; Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. Политический дискурс. М., 2002. № 3. С. 7–19; Керов В.В. Отношение крайне правых к думским учреждениям предвоенного периода // Россия в XX веке: люди, идеи, власть / Отв. ред. А.К. Соколов, В.М. Козьменко. М., 2002. С. 80–101.

фии, К. Скинер охарактеризовал историю понятий как «историко-ориентированный подход к изучению моральной и политической мысли», отрицающий возможность существования «долгих историй понятий, которые как раз в фокусе внимания “немецкого проекта”»⁴. Так, методологический подход Р. Козеллека характеризуется признанием неразрывной связи социальной истории с «историей понятий», которые нацелены на долгосрочные, диахронно действующие условия⁵.

В начале XXI в. заметно усилился интерес российских историков к истории понятий. В историографии даже упоминается о «формировании петербургской “школы истории понятий”», лидерами которой названы Н.Е. Копосов и А.И. Миллер⁶. Своеобразным показательным итогом деятельности этой школы стала публикация в 2006 г. сборника «Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века». Необходимо отметить признание того, что базовым принципом методологии истории понятий является утверждение, что адекватное понимание истории общества возможно только в том случае, когда исследователь понимает язык прошлого, те понятия, которые использовали современники изучаемой эпохи для выражения своих взглядов, представлений или мотиваций своих действий⁷. Вместе с тем, приоритетной является задача, связанная с исследованием изменения смыслового наполнения понятий, а не изучением истории слов. При этом историками признается, что особая область историко-лингвистических исследований «история понятий» относится в основном к политической сфере.

Современное внимание к политической истории актуализировано еще и теми трансформациями в этом домене истории, которые связаны с «историческим», «культурным» и «мемориальным» поворотами. Так, по мнению В. Вжосека, политическая история является «основополагающим видом» исторических сочинений, практики которого следует, однако, обогатить, например, дополнив

⁴ *Калашиников М.В.* Историко-семантический анализ в историческом исследовании: от истории понятий к истории общественного сознания // *Историческая наука сегодня: теория, методы перспективы* М., 2011.

⁵ *Козеллек Р.* Социальная история и история понятий // *Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века* / Редкол.: Н.Е. Копосов, М.М. Кром, Н.Д. Потапова. СПб., 2006. С. 33.

⁶ *Копосов Н.Е.* История понятий вчера и сегодня // *Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века*. С. 9–32; *Миллер А.И.* «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // *Российская история*. 2009. № 1. С. 151–165.

⁷ *Тимофеев Д.В.* Методология истории понятий в контексте истории дореволюционной России. Перспективы и принципы применения // *Диалог со временем*. 2015. № 50. С. 116–138.

академическую историческую интерпретацию политики прошлого, ее отдельных этапов, фактов и событий их историко-культурологической интерпретацией, в том числе, путем включения научного, художественного, политического, публичного дискурсов. Эти дискурсы должны рассматриваться как «способы смыслонаделения мира прошлого», формирования его образа в национальной культуре, в коллективной памяти с его исторической конкретикой: изменчивостью, вариативностью опыта и его освоения, переживания и осмысления⁸. Примером подобного опыта анализа публичного дискурса накануне первой выборной кампании в Государственную думу в контексте социокультурного подхода к изучению «демократической культуры», новой политической «культуры участия» в Российской империи и других империй в начале XX в. является, в частности, исследование с участием и автора статьи⁹.

Исторический контекст формирования образов «русского избирателя» и «народных избранников», т.е. политическая ситуация в России в начале XX в., была настолько сложной, что из нее, по мнению современников, «другого, не кровавого, выхода нет». Однако именно в этот период появились новые возможности у населения выступить в новой роли «русского избирателя» или стать «народным избранником» в ходе первых выборов в Государственную думу. То, как реализовывались эти новые возможности выбора, каким представлялся образ русского избирателя и народного избранника, нашло свое отражение в контенте публичного и мемориального дискурсов, которые вели современники с различным личным и социальным опытом, системой ценностей и оптикой видения событий в России и в эмиграции.

В историографии убедительно доказан огромный интерес современников (ученых, политиков, общественных деятелей, публицистов, юристов) к Государственной думе и к выборам, о масштабах которого свидетельствуют библиографические указатели, изданные в 1913–1916 гг. и после революции и содержащие от 400 до более 800 наименований¹⁰. Таким образом, в распоряжении историков имеется колоссальный информационный ресурс, содержащий образы и репрезентации, прежде всего, «народных избранников», а также и

⁸ Вжосек В. О необходимости культурологической дистанции в исторических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. С. 61–74.

⁹ Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века М., 2005.

¹⁰ Кошкидько В. Т. Представительная власть в России в начале XX в. в дореволюционной историографии // История и историки: историографический вестник. 2005. М., 2006. С. 154–171.

«нового избирателя». Кроме того, ценность подобного рода источниковой базы для изучения социокультурной специфики репрезентаций восприятий современниками основных акторов выборного процесса в думу определяется значимостью для исследования прошлого концепции «зрения как главного источника познания»¹¹.

В процессе отбора текстов историк должен учитывать их репрезентативность. Так, по мнению исследователей, использование лишь текстов «великих исторических персонажей» или известных авторов является недостаточным и может привести к «иллюзорному» выводу об общепринятости понятий и высказываний, содержащихся в подобного рода текстах¹². Преодоление подобной ограниченности и недостаточности видится «в жанровом многообразии» привлекаемых текстов, а также в «расширении круга их создателей», т.е. путем, по выражению К. Скиннера, включения всей «подручной» литературы той или иной эпохи¹³.

Познавательные возможности названного подхода можно продемонстрировать на примере анализа языка текстов современников, представляющих контент публичного и мемориального дискурса о выборах, избирателях и народных избранниках. Отобранные тексты разнообразны по жанрам и целеполаганию, но фиксируют авторское восприятие выборов, «нового избирателя» и «народных избранников» в образах и репрезентациях. То есть, эти источники объединяет, во-первых, тот факт, что они написаны современниками тех исторических событий, а, во-вторых — в жанре, так сказать, «малых форм», а значит, отличаются аутентичностью восприятия и лаконичным изложением. Вместе с тем, весьма существенными являются различия в идеологии, социальном статусе, образовании, степени аналитики и характере оценок у авторов привлекаемых текстов. Таким образом, выполняются необходимые условия для аппликации методологии дискурсивного анализа: в распоряжении историка имеются тексты, разнообразные по жанру и авторству, но содержащие непосредственное видение современниками «ситуативного контекста» происходящего, в том числе, акторов выборов в Государственную думу Российской империи. В контексте дискурсивного анализа тексты современников рассматриваются как языковое выражение социальных практик в политической сфере. Вот почему важно фокусировать

¹¹ Эта концепция, как подчеркивается в историографии, связана с работами Жака Ле Гоффа, его «переводом» и интерпретациями самого слова «история» как «тот, кто видит» (свидетель, очевидец), тот, кто знает. См.: Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века. С. 222.

¹² Тимофеев Д.В. Указ. соч. С. 125.

¹³ Там же.

внимание на таких понятиях, выбранных из текстов и употребляемых современниками, через которые они конструировали образ «нового избирателя» и «народных избранников».

Среди брошюр, появившихся непосредственно в канун выборов, надо обратить внимание на публикации популярного характера, разъясняющие процедуру участия населения в предстоящих выборах и смысл открытия Государственной думы. К такого рода публикациям, например, относятся брошюры «Пред выборами в Государственную думу», «Спутник избирателя» и др.¹⁴ В них давалась характеристика «избранников» и объяснялась необходимость их избрания в Думу тем, что «до сих пор царь управлял Россией только через министров, губернаторов и прочее начальство (здесь и далее курсив мой. — Н.С.)», но «Россия так велика», что «трудно разобраться в делах разных местностей», что нужно «такое учреждение, где *простой неслужащий человек, выбранный из своих же*, мог бы помогать Царю и правительству выработать законы». Но такого учреждения пока нет, хотя *русский народ* живет уже больше 1000 лет. «Вот Государь и решил, что пора дать *этому народу* возможность самому заявить о своих нуждах и самому обдумывать, как поправить свои беды. Сделать это народ сможет в Государственной думе»¹⁵. Сразу обращает на себя внимание репрезентации в тексте власти через концепты «начальство», «министры и губернаторы» как проводники воли царя, инструменты «управления» Россией. Новое же «учреждение» представлено оценочными понятиями — «простой неслужащий человек», «из своих». Два момента обращают на себя внимание. Во-первых, новое учреждение отделено от понятий «начальство», «управление» страной и таким образом не ассоциируется с понятиями, идентифицирующими власть. Это отличие «нового учреждения» от «старой власти» еще подкреплено и характеристикой образа «избранника» как «простого», т.е. «неслужащего». Во-вторых, ключевым в характеристике нового учреждения является концепт «из своих» как индикатор общей идентичности «избирателя» и «выбранного». Кроме того, образ избирателя наполнен этнокультурным содержанием. Как видим, речь идет о «русском народе», нуждающимся в названном учреждении, но не имеющим его, несмотря на долгую историю своего существования.

¹⁴ Спутник избирателя на 1906 год: Освободительное движение и современные его формы: Справочная книга для желающих ориентироваться в современном общественном движении. СПб., 1906; Пред выборами в Государственную думу, 1906; Сведения о порядке выборов в Государственную Думу, необходимые каждому избирателю / Союз 17-го октября. М., 1905.

¹⁵ Пред выборами в Государственную думу... С. 2.

О новой роли «русского избирателя» говорится и в издании, именуемом «Спутник избирателя на 1906 год» с подзаголовком «Освободительное движение и современные его формы». В этом издании уже на титульной странице обозначена его функция: «справочная книга для желающих ориентироваться в современном общественном движении». В статье от издателя говорится: «Начинающееся с 1906 года участие *русских граждан* в политической жизни страны рождает потребность в таком издании», которое «помогло бы ориентироваться каждому *русскому избирателю* в новой для него роли». Это издание планировалось как ежегодное, т.е. периодическое, с общим обзором событий и в особенности — касающихся деятельности Государственной думы, «в связи с важнейшими вопросами, выдвинутыми жизнью». И вновь обращает на себя внимание в обращении к избирателю и в формулировании целей издания повторяющаяся характеристика национальной принадлежности нового избирателя, но уже как гражданина, т.е. актора политического процесса, наделенного законодательно закрепленными правами «избирать и быть избранным».

Хорошо известно и многократно подтверждено в историографии, что в наблюдениях и высказываниях определенных групп консервативно настроенных современников, хранителей национальной самобытности России, в частности, представителей крайне правых партий, членов «Союза русского народа», часто употребляется понятие «русский» как этнокультурный долговременно действующий и выступающий хранителем традиции национальной политической культуры фактор и как центростремительная сила, сплачивающая русских в их восприятии своей политической культуры. Весьма показательны приведенные в историографии истории выборов в Государственную думу интерпретации понятий «истинно русского самодержавия» как оппозиция концепту «привнесенного с Запада после воцарения Петра I абсолютизма», нарушившего русскую традицию самодержавия. Выразители взглядов «русского народа» утверждают, что именно абсолютизм явился такой формой правления, при которой царь правит единолично, не сообразуясь с желаниями народа, так как между ними возникло «средостение», своеобразная «стена» из чиновников и бюрократов, облеченных неограниченной властью в своих сферах и препятствующих тому, чтобы голос народа доходил до царя. А вот «дарованное царской волей» «Положение о выборах в Государственную думу» от 6 августа 1905 г. представляет собой форму «исконно русского самодержавия», а потому все *русские люди* должны «твердо держаться за этот проект *народного*

представительства»¹⁶. Особенно значимым является появившийся и устойчиво присутствовавший в восприятиях современников различной идеологии, образования, социального статуса концепт «народное представительство». В данном случае он употребляется в контексте феномена «исконно русского самодержавия», ибо оно даровано царской волей и является формой продолжения традиции русской политической культуры.

В разных тональностях, но с удивительным постоянством современники говорят о специфике нашей национальной традиции в сфере политической культуры. Предпринятый анализ на ограниченном комплексе брошюр, хранящихся в библиотеке Московского университета, в которых содержится своеобразный публичный дискурс, который вели представители различных политических течений по поводу института Государственной думы, позволил выявить критические оценки своеобразия «исторических традиций» либерально настроенными авторами¹⁷. Как подчеркивалось участниками дискурса, «у нас была своя традиция, очень почтенная — традиция бюрократического самовластия. Она тяготеет над *русским народом* целые века, ей мы обязаны целым рядом экспериментов над нашим государственным организмом всегда с одной и той же целью — *принести в жертву бюрократии интересы народа*»¹⁸.

Примерами брошюр, написанных современниками на исторические и политические темы и содержащих политические оценки выборного процесса в думу, условий приобщения российского общества к политической жизни, являются работы Ольги Акимовны Волькенштейн (1871–1942), журналистки и писательницы, сотрудничавшей во многих периодических изданиях и занимавшей руководящие посты в «Союзе равноправия женщин». Она написала в 1906–1908 гг. серию работ, где ставились актуальные проблемы, с которыми может столкнуться новый русский избиратель, а именно: «Для чего нужна свобода слова и собраний-сходок» (1906), «Кому и зачем нужно всеобщее избирательное право» (1906), «Кого и как выбирать в Государственную думу?» (1906). В последней из указанных работ автор называет задачи, которые должен решить новый избиратель, приступая к выборам: «Первая задача состоит в том, чтобы послать в Думу *лучших людей*, которые ясно изложат все *народные требования* и неуклонно будут их отстаивать. Вторая задача

¹⁶ Патрикеева О.А. Российская общественность и выборы в I и II Государственные думы (1905–1907 гг.). СПб., 2005. С. 79.

¹⁷ Селунская Н., Тоштендаль Р. Указ. соч. Глава 3. Развитие политической сферы.

¹⁸ Там же.

заключается в том, чтобы народ весь тесно сплотился, сорганизовался и, как один человек, поддержал бы Думу, если она будет стоять за *народные нужды*»¹⁹. Так как, по мнению автора, «без единения, без организации не одолеть многомиллионному *русскому народу* малой кучки *насильников и угнетателей*»²⁰. Как видим, что образ «избранников» представлен концептом, содержащим их нравственно-эмоциональную оценку как «лучших людей», которая тут же уточнена пояснением ее содержания: таких, которые способны транслировать «народные требования» и «стоять за народные нужды». То есть концепт «лучшие люди» по смыслу ясно интерпретирован и связан с понятиями «народ», «народные требования». А вот уже в следующем тезисе, касающемся условий для успешной реализации этих народных требований, автор использует концепт «русский народ» как оппозицию понятиям «насильники» и «угнетатели» в качестве репрезентаций «власти». Для интерпретации употребления понятия «русский народ» важно отметить, что автор вкладывает в него не только и не столько этнокультурное, но и социальное смысловое наполнение. Однако, как видим, в образе «избранников народа» отсутствуют какие-либо характеристики, репрезентирующие их как представителей власти. Наоборот, «власть» прописана как «образ иного/чужого», а «новое учреждение» и «народные избранники» выступают в образе «своих» по отношению к «русскому народу». Об этой очень значимой черте в восприятии современниками «народных избранников» с полным основанием можно говорить как об устойчивой характеристике в конструировании их образа, что будет подтверждено и последующим анализом текстов.

Пока же проинтерпретируем нарратив О.А. Вилькенштейн, раскрывающий образ избирателя, сконструированный автором на основе прочтения избирательного закона как несправедливого. Так, в репрезентации образа «избирателя» как *небольшой части народа*, получившей право голоса, «большая часть *рабочих*, весь *безземельный сельский люд*, все *женщины* и многие другие совсем не получили права голоса». Вновь система используемых понятий в дополнение к обобщенному концепту «большая часть народа», лишенная права голоса, — рабочие, безземельный сельский люд, все женщины — свидетельствует о доминировании в содержании понятий социального контекста. Интересно, что «небольшая часть народа», получившая право голоса, т.е. избиратели, не имеют в приведенном тексте социального измерения, а дифференцируются на «избирателей» и «вы-

¹⁹ Вилькенштейн (Ольгович) О.А. Кого и как выбирать в Государственную Думу М., 1906. С. 4–5.

²⁰ Там же. С. 14.

борщиков» в оптике видения национальной специфики выборной системы в Российской империи и связанных с ней возможностей для манипулирования ими правительством в ходе выборной кампании. Так, О.А. Вилькенштейн акцентирует положение о том, что получившие право голоса «должны его подавать не прямо за депутата, а сначала за уполномоченных, эти — за *выборщиков* и лишь выборщики за депутата». Такая система, известная современному исследователю как непрямые и неравные выборы, обусловлена, по мнению писательницы, расчетом правительства на то, что на десятки и сотни тысяч *избирателей* воздействия оказать весьма затруднительно — «не устроишь и подкупом не возьмешь», а с *выборщиками* дело иметь проще — «кого постращать, кого подпоить, а то — чего проще — засадить *неудобного выборщика* в тюрьму, — и дело в шляпе»²¹. Высказанные суждения подкреплены автором конкретными примерами подобных действий властей в отношении намеченного в депутаты *селянами* Я.А. Гужовского в Дремайловской волости Черниговской губернии, которого начальство, узнав о *намерениях селян*, тут же арестовало, да еще и стало пугать крестьян, намекая, что им же хуже будет, как и ему самому. Но крестьяне «не испугались и все же Гужовского, хоть и засаженного в тюрьму, выбрали»²².

В брошюре О.А. Вилькенштейн приводятся и другие примеры приобретения опыта новым русским избирателем «на местах», один из которых относится к «выборным технологиям», имевшим место в Ставровской волости Владимирского уезда Владимирской губернии. Там «волостной старшина» добился своего избрания тем, что «поставил избирательный ящик не с одним, а с двумя отверстиями, так что всем было видно, куда *избиратель* кладет шар». Кроме того, для «чистоты» эксперимента, «старшина стоял у ящика и указывал, куда класть». О «проделках» «*начальства*» и помощи со стороны разных черносотенцев и «*правительственных приспешников*», включая членов «Союза 17 Октября», свидетельствует и упомянутый автором случай, когда один из «октябристов» «подходил ко всем *неграмотным избирателям* и писал, кого хотел». Другим проявлением «помощи» властям был пример, когда «черносотенная дама рвала у *темных избирателей* списки с именами кандидатов, стоящих за *народ*». Очевидно, что в текстах О.А. Вилькенштейн присутствуют дифференцированные характеристики «нового русского избирателя». Так, сконструированный автором образ имеет лексические вариации его наполнения социальным контентом через понятия «выборщики-крестьяне», «селяне», «народ». В то же время автор не

²¹ Там же. С. 8.

²² Там же. С. 9–10.

ограничивается такими оценочными характеристиками степени сознательности избирателя, как «неграмотный» и «темный», которому противостоит образ «власти», манипулирующей этим «темным избирателем» через неких медиаторов, именуемых общими понятиями «начальство», «правительственные приспешники» и даже их персонифицированными характеристиками, как например, «черносотенная дама». В этом образе присутствует и репрезентация русского избирателя через концепт «неудобный избиратель», т.е. осознанно действующий в процессе выборов кандидата в народное представительство. Именно наличие «неудобного избирателя» явно мешало «властям», их проводникам манипулировать избирателем. Так, автор подкрепляет свою позицию о нарушениях во время выборов, совершенных властями и их помощниками, примерами подкупа, совершенного, в частности, во время выборов в Нижегородской губернии. Там «какие-то лица приглашали *выборщиков-крестьян* в гостиницу, угощали их там напитками и закусками и предлагали подавать голося за одного купца-миллионера, да за председателя уездной управы. Правда, угощение не помогло, и крестьяне выбрали *своего же брата-крестьянина* Глотова».

Приведенные наблюдения суфражистки, активного общественного деятеля, разделявшего взгляды социалистов-революционеров, О.А. Вилькенштейн, позволили ей сделать вывод о том, что несмотря на использование «административного ресурса» и поддержки «правых» «народ уже при первых выборах ясно осознал необходимость послать в Думу *«своих людей»*. Как видим, автор характеризует мотивацию выборщиков-крестьян оценочными концептами-характеристиками идентичности «избирателя» и «избранников» в координатах «свой», «из своих», а приспешникам власти, чиновникам, правительству отводится роль «чужого».

О предоставлении народу права выбора своих избранников и права участия в решении политических вопросов писал Борис Васильевич Авиллов (1874–1938) в брошюре «О Государственной думе»²³. Человек трагической судьбы, член РСДРП, много лет участвовавший в революционном движении, неоднократно арестовывался царским правительством, был выгнан из Московского университета за участие в студенческих волнениях, получил-таки юридическое образование в Харьковском университете. Был расстрелян в 1938 г. и реабилитирован в 1958 г. В своей брошюре Б.В. Авиллов писал о выборах и условиях их проведения, отмечая, что «свободы правительство не дает, но в то же время хлопочет о том, чтобы поскорее

²³ Авиллов Б.В. О Государственной думе. М., 1905.

произвести выборы представителей в Государственную думу. Как же так? Ведь если *населению* нельзя дать свободы, то как же можно предоставить этому населению выбирать своих представителей для участия в государственных делах?»²⁴. Автор подчеркивает необходимость для верховной власти сделать выбор: либо признать *население настолько незрелым*, что ему не позволяют даже судить о своем положении и существующих порядках, а тем более принимать участие в решении государственных дел, хотя бы и через своих представителей, либо, признавая право за населением выбирать своих уполномоченных для решения государственных дел вместе с правительством, идти и дальше, т.е. признавать *право народа* пользоваться свободой собраний и слова и обсуждать и решать, кого выбирать своими уполномоченными. Как видим, в тексте брошюры Б.В. Авилова речь идет об отсутствии необходимых условий для формирования «нового русского избирателя», т.е. о необходимости признания правительством (властью) «зрелости населения», «права народа» выбирать своих представителей для участия в государственных делах «через своих представителей». Без выполнения этих условий, по мнению автора, нет оснований говорить о рождении «нового русского избирателя».

Отрицая наличие условий для формирования на тот момент «из населения» русского избирателя, характеризуя его потенциальный образ как активного, сознательного и зрелого участника публичного дискурса о кандидатах в депутаты Государственной думы, Б.В. Авиллов очертил контуры образа «народных избранников», «выборных» как трансляторов и проводников желаний и нужд населения: «*Выборные от населения*, которые признаются к участию в Государственной думе, должны знать желания и нужды этого населения, чтобы они могли быть действительными *представителями* его. А если они не знают этих желаний и нужд, то они, конечно, не могут считаться *представителями населения*. Тогда незачем их и выбирать, так как *выборные* будут так же далеки от населения, как далеки от него *правительственные чиновники*»²⁵. Как видим, при характеристике образа потенциальных народных избранников, будущих депутатов Государственной думы акцент опять сделан на их соответствии статусу «представителей населения», чувствительных «к желаниям и нуждам этого населения», которые бы в то же время коренным образом отличались от «правительственных чиновников», представляющих «власть». Восприятие «выборных от населения» этим населением как «своих» в отличие от правительственных чиновников, выступающих

²⁴ Там же. С. 3–4.

²⁵ Там же.

в образе «чужого», присутствует и в приведенном высказывании современника «левых взглядов» Б.В. Авилова.

Надо сказать, что устойчивость смысловая сопровождается вариативностью лексической репрезентации образов избирателя и избранников, что, в частности, подтверждается текстами авторов различных политических предпочтений. Так, в воспоминаниях октябриста, депутата Государственной думы третьего и четвертого созывов, выпускника физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Н.В. Савича (1869–1942) говорится, что «за двести лет, протекших после упразднения при Петре Великом последних остатков участия *общественных представителей* в управлении государством, *русское общество* отвыкло от ответственного участия в распоряжении судьбами страны»²⁶. Как видим, автором используется концепт «русское общество» в качестве репрезентации русского населения, а также он заменяет часто употребляемую в дискурсе характеристику народных представителей как «выборных от населения» на концепт «общественные представители». Есть различия и в смысловом наполнении названных концептов. В частности, автор высказывает суждение о забвении русским обществом об «ответственном участии» общественных представителей в управлении государством, в распоряжении судьбами страны, представляя таким образом «скрытую», непрописанную в тексте надежду на возрождение «общественными представителями» этого «ответственного участия».

Продолжение и развитие характеристики образа «народных избранников», его актуализации в плане наблюдения их как акторов в политической сфере можно найти в воспоминаниях А.В. Тырковой-Вильямс (1869–1962), выпускницы Высших женских курсов по математическому отделению, члена ЦК партии кадетов. В частности, она писала о том, что «народные представители, увлеченные борьбой, ... опьяненные политическими возгласами, обличениями, требованиями, не сумели сразу приняться за то, ради чего Дума была созвана, чего они сами добивались с такой бурной энергией, — за законодательство», так как «слишком еще кипели в них страсти, слишком обуревала их неудержимая потребность на всю страну выкрикнуть то, о чем раньше говорилось только шепотом». Отмеченную оппозицию «народных избранников» и «власти» в восприятии современниками эта мудрая женщина объясняла тем, что «власть с неостывшей обидой побежденного, и народные представители с злорадным торжеством победителей помнили, что Дума пришла не сверху, а была навязана снизу», т.е. «явилась в результате широкого

²⁶ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 14.

самочинного освободительного движения, которое многие просто называли революцией»²⁷. Как можно заметить, в мемориальном дискурсе о выборах участник деятельности Думы первого созыва дает эмоциональные репрезентации образов «народных представителей» и «власти» как «победителей» и «побежденного». Однако временная дистанция позволила здраво оценить и «опьянение» борьбой и победой народных представителей, и их бездействие в сфере законотворчества — того, чего добивались с такой бурной энергией.

Как известно, «разочарование во власти» перводумцев, с одной стороны, и агрессивное неприятие этой властью «народного представительства», с другой, проявилось в том, что значительная часть членов I Государственной думы собралась в Выборге, на территории Великого княжества Финляндского, и приняла воззвание, в котором призвала население к пассивному сопротивлению властям. Вопреки ожиданиям авторов «Выборгского воззвания» роспуск Думы не был замечен народом и не вызвал политического кризиса, но последовали административно-политические меры против думцев, подписавших воззвание. Так, по свидетельствам современников, вскоре после поездки бывших «лучших людей» в Выборг в правящих сферах приступили к обсуждению «крамольного» поведения “врагов отечества”. Тогда “слежение” за бывшими депутатами началось повсеместное и выдающееся по своей бесцеремонности»²⁸. Закончилось это, как известно, тем, что 167 человек, в том числе бывший председатель Думы С.А. Муромцев, были приговорены к трехмесячному тюремному заключению и лишены избирательных прав.

Однако, если со стороны властей репрессии и агрессивное неприятие Государственной думы было в какой-то степени ожидаемо или, во всяком случае, объяснимо для депутатов по прошествии времени, то неприятие народом «народных представителей» было для них болезненным и обернулось «травмой памяти»²⁹.

Проведенный анализ «электорального» дискурса современников по поводу «участия общества в судьбах страны» позволил выявить систему представлений современников из «образованного общества» об избирателе и народных избранниках, которая отражена в текстах и закреплена в языке, в сознании современников через устойчивые выражения, риторические формулы, понятия и концепты. Методология дискурсивного анализа позволяет считать

²⁷ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. М., 2007. С. 399.

²⁸ Там же.

²⁹ Селунская Н.Б. Народное представительство Российской империи начала XX в. в памяти и судьбах думцев // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 4. С. 137–149.

контуры образов «русского избирателя» и «народных избранников» явно не совпадающими с репрезентациями выборщиков и депутатов Думы в статистических и делопроизводственных материалах. Несомненно, эти образы отличаются неполнотой и субъективностью. Однако значимость конструируемых современниками образов избирателя и избранных для историка очевидна, так как передает и даже помогает понять характер отношений внутри социума, поведение современников, их позицию и оценку событий, происходивших в российском обществе начала XX в. Раскрывая аутентичный смысл понятий, которыми пользовались современники, можно уяснить ценностный мир, правила социальной коммуникации людей в такой значимый, поворотный исторический период, каким был период реформ и революций в России начала XX в.

References

I'in M.V. *Politicheskiiy diskurs kak predmet analiza* [Political Discourse as a Subject of Analysis] // *Politicheskaya nauka. Politicheskiiy diskurs*. 2002. N 3. P. 7–19.

Istoricheskiye ponyatiya i politicheskkiye idei v Rossii. XVI–XX veka [Historical Concepts and Political Ideas in Russia. From the 16th through the 20th Century] / Editorial Board: N.E. Koposov, M.M. Krom, N.D. Potapova. Saint Petersburg: Aletea, 2006. 255 p.

Kalashnikov M.V. *Istoriko-semanticheskiiy analiz v istoricheskom issledovanii: ot istorii ponyatii k istorii obshchestvennogo soznaniya* [Historical and Semantic Analysis in Historical Research: From the History of Concepts to the History of Public Consciousness] // *Istoricheskaya nauka segodnya: teoriya, metody, perspektivy* [Historical Science Today: Theory, Methods, and Perspectives] / Ed. by L.P. Repina. Moscow: URSS, 2010. P. 368–390.

Kerov V.V. *Otnosheniye krayne pravyykh k dumskim uchrezhdeniyam predvoyoynogo perioda* [Attitude of the Radical Right to the Duma Institutions in the Prewar Period] // *Rossiya v XX veke: lyudi, idei, vlast'* [Russia in the 20th Century: People, Ideas, Power] / Ed. by A.K. Sokolov, V.M. Koz'menko. Moscow: ROSSPEN, 2002. P. 80–101.

Koposov N.E. *Istoriya ponyatii vchera i segodnya* [Conceptual History Yesterday and Today] // *Istoricheskiye ponyatiya i politicheskkiye idei v Rossii. XVI–XX veka* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia. From the 16th through the 20th Century] / Editorial Board: N.E. Koposov, M.M. Krom, N.D. Potapova. Saint Petersburg: Aletea, 2006. P. 9–32.

Kosellek R. *Sotsial'naya istoriya i istoriya ponyatii* [Social History and Conceptual History] // *Istoricheskiye ponyatiya i politicheskkiye idei v Rossii. XVI–XX veka* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia. From the 16th through the 20th Century] / Editorial Board: N.E. Koposov, M.M. Krom, N.D. Potapova. Saint Petersburg: Aletea, 2006. P. 33–53.

Koshkid'ko V.T. *Predstavitel'naya vlast' v Rossii v nachale XX v. v dorevol'yutsionnoy istoriografii* [Representative Power in Russia at the Beginning of 20th Century in Pre-Revolutionary Historiography] // *Istoriya i istoriki: istoriograficheskiiy vestnik* [History and Historians: Historiographic Courier]. 2005. Moscow: Nauka, 2006. P. 154–171.

Lubskiy A.V. *Intellektual'naya situatsiya v istoricheskoy nauke posle postmodernizma* [Intellectual Situation in Historical Science after Postmodernism] // *Istoricheskoye poznaniye i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical Knowledge and the Historiographic Situation at the Turn of the 20th and 21st Centuries] / Ed. by O.V. Vorob'yeva, Z.A. Chekantseva. Moscow: IVI RAN, 2012. P. 7–22.

Miller A.I. "Narodnost" i "natsiya" v russkom yazyke XIX veka: podgotovitel'nyye nabroski k istorii ponyatiy ["Peoplehood" and "Nation" in Russian Language of the 19th Century: Preparatory Sketches to the History of Concepts] // *Rossiyskaya istoriya*. 2009. N 1. P. 151–165.

Patrikeyeva O.A. *Rossiyskaya obshchestvennost' i vybory v I i II Gosudarstvennyye dumy (1905–1907 gg.)* [The Russian Public and Elections to the I and II State Dumas (1905–1907)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. 205 p.

Porshneva O.S. *Stanovleniye distsiplinarnoy paradigmy sovremennogo istoricheskogo znaniya, yeye vozmozhnosti i ogranicheniya* [Formation of Disciplinary Paradigm of Modern Historical Knowledge, Its Capabilities and Limitations] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series "Istoriya, filologiya". 2013. Vol. 12. N 1. P. 784–791.

Selunskaya N.B. "Narodnoye predstavitel'stvo" Rossiyskoy imperii nachala XX v. v pamyati i sud'bakh "dumtsev" ["People's Representation" of the Russian Empire in the Early 20th Century in the Memory and the Fate of the "Members of the Dumas"] // *Istoricheskyy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2021. N 4 (37). P. 137–149.

Selunskaya N.B. *Sovremennyy yazyk istorika-professionalnaya (retsenziya na knigu: Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskyy slovar' / Otv. red. A.O. Chubar'yan. Moscow: Akvilon, 2014. 576 s. (Obrazy istorii; otv. red. serii L.P. Repina))* [Modern Language of the Professional Historian (Review of the Book: Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary / Ed. by A.O. Chubar'yan. Moscow: Aquilon, 2014. 576 p. (Images of History; series ed. by L.P. Repina))] // *Istoricheskyy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2015. N 2 (26). P. 251–253.

Selunskaya N., Torstendahl R. *Zarozhdeniye demokraticeskoy kul'tury: Rossiya v nachale XX veka* [The Birth of Democratic Culture: Russia in the Early 20th Century]. Moscow: ROSSPEN, 2005. 335 p.

Timofeyev D.V. *Metodologiya istorii ponyatiy v kontekste istorii dorevol'yutsionnoy Rossii. Perspektivy i printsipy primeneniya* [Methodology of the Conceptual History in the Context of the History of Pre-Revolutionary Russia. Prospects and Principles of Application] // *Dialog so vremenem*. 2015. N 50. P. 116–138.

Wrzosek W. *Kul'tura i istoricheskaya istina* [Culture and Historical Truth]. Moscow: "Krug", 2019. 336 p.

Wrzosek W. *O neobkhodimosti kul'turologicheskoy distantsii v istoricheskikh issledovaniyakh* [On the Need for Culturalogical Distance in Historical Research] // *Istoricheskoye poznaniye i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical Knowledge and the Historiographic Situation at the Turn of the 20th and 21st Centuries] / Ed. by O.V. Vorob'yeva, Z.A. Chekantseva. Moscow: IVI RAN, 2012. P. 61–74.

Поступила в редакцию
17 ноября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-75-96

А.В. Хорошева

**ПРОБЛЕМА КАДРОВ В СОВЕТСКОМ
ФИЗКУЛЬТУРНОМ ДВИЖЕНИИ В 1918–1930 гг.**

A.V. Khorosheva

**PERSONNEL MATTER IN THE SOVIET PHYSICAL
CULTURE MOVEMENT FROM 1918 THROUGH 1930**

Аннотация. Проблема кадрового обеспечения физкультурного движения в 1918–1930 гг. до сих пор практически не становилась объектом специального научного исследования, несмотря на то что во многом от ее решения зависел успех развития физкультурного движения, которому в советском государстве отводили важнейшую роль в деле воспитания «нового человека» и мобилизации трудовых ресурсов. В статье представлен комплексный анализ данной проблемы в указанный период. Рассматриваются закономерности в изменениях кадрового состава (качественные и количественные) инструкторов, а также выявляются факторы, влиявшие на данный процесс. Характерным явлением в эти годы была острая нехватка кадров инструкторов (тренеров). Поскольку физическая культура должна была стать одним из важнейших инструментов воспитания в духе коммунистических идеалов и в тоже время методом восстановления подорванного здоровья населения страны, необходимо было достигнуть массовости физкультурного движения, а значит, нужны были массовые инструкторские кадры. Согласно рассмотренным материалам, возникал ряд проблем на пути достижения массовой подготовки кадров, и основная из них — финансовая, поэтому количество учебных заведений и курсов росло крайне медленно, а сами инструктора часто не были заинтересованы в высоком качестве работы. Еще одной проблемой являлся социальный состав инструкторских кадров, поскольку физкультура, по мнению советских идеологов, не могла быть аполитична и существовать ради спортивных достижений. Усугублял ситуацию разнородность и несогласованность работы

Хорошева Анна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Khorosheva Anna Vladimirovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of the Russian History in the Twenties and Twenty First Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

Khoroshevaa@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-8189-8742

различных ведомств и организаций. Всё это вместе взятое привело советское руководство к осознанию, что проблему не решить без жесткого регулирования и контроля процесса подготовки кадров, а также масштабной финансовой поддержки, что отразилось в решениях партии и советского правительства, комсомола и профсоюзов в 1929 и в 1930 гг., когда система управления физкультурным движением была кардинально перестроена, а проблема нехватки кадров получила комплексное решение.

Ключевые слова: советская физкультура, инструкторы физкультуры, кружки физкультуры, комсомол, советские профсоюзы, Советы физкультуры, физкультурные институты и техникумы.

Abstract. The personnel matter in the physical culture movement from 1918 through 1930 has not yet practically become the object of special study, despite the fact that the success of this movement which was given an important role in education of “new man” and mobilization of labor resources in Soviet state depended to a large extent on solving the staffing problem. The article presents a comprehensive analysis of this problem in the above-mentioned period. The author examines patterns in the qualitative and quantitative changes in the cadre of instructors, as well as identifies the factors that influenced this process. An acute shortage of instructors (coaches) was a characteristic phenomenon in these years. Since physical education was to become one of the most important tools of education in the spirit of communist ideals and at the same time a method of restoring the health of the population, it was necessary to make the physical culture movement a mass movement, and therefore it required a large instructor staff. According to the materials reviewed, there were a number of problems on the way to achieve large-scale participation. The principal one was financial, so the number of educational institutions and courses grew extremely slowly, and the instructors were often not interested in high quality work. Another problem was the social composition of the instructor cadres, since physical education, according to Soviet ideologists, could not be apolitical and exist for the sake of sports achievements. The situation was aggravated by the inconsistency of the work of various departments and organizations. All these facts taken together led the Soviet leadership to the conviction that the problem could not be solved without strict regulation and control of personnel training, as well as large-scale financial support. The system of management of the physical culture movement was radically rebuilt, and the shortage of personnel was comprehensively solved due to the decisions of the Party and the Soviet government, Komsomol and trade unions in 1929 and 1930.

Keywords: Soviet physical culture, physical culture instructors, physical culture circles, Komsomol, Soviet trade unions, Councils of Physical Culture, physical culture institutes and technical schools.

* * *

С первых дней существования советской власти развитию физической культуры придавалось чрезвычайно важное значение, что подчеркивалось в официальных постановлениях и резолюциях и во время гражданской войны, и в период проведения новой экономи-

ческой политики, и в период реконструкции народного хозяйства¹. Буквально с первых дней развития физкультурного движения в советском государстве были поставлены и основные его задачи: подготовка населения к военной службе и обороне страны, к повышенным нагрузкам на трудовом поприще, оздоровление и в физическом, и в культурном плане, использование физкультуры как общественно-полезного досуга для борьбы с поведенческими девиациями. Все эти задачи не могли быть реализованы без достижения массовости физкультурного движения.

Спортивное движение в Российской империи хотя и динамично развивалось в начале XX в., но имело скромные масштабы, являясь в основном развлечением для части состоятельных горожан². В Советской России же должна была появиться многомиллионная организованная армия физкультурников. В связи с этим возникал вопрос, как этого достичь. Дискуссии, посвященные этой проблеме, принимали различные формы и имели разную степень остроты на протяжении всего рассматриваемого периода³. Однако, чтобы воспитать миллионы физкультурников, нужны были сотни тысяч инструкторов, как тогда назывались тренеры. Таким образом, без решения проблемы обеспечения физкультурного движения достаточным числом кадров, нельзя было достичь и массового охвата населения физкультурой, а, значит, достичь и главных целей советского физкультурного движения. Несмотря на всю важность кадровой проблемы для истории советского физкультурного движения, она как правило не становилась предметом специального научного исследования, а между тем способы ее решения отчасти определили эффективность модели развития физической культуры в СССР. Обычно авторы лишь упоминают о ней или рассматривают ее на региональном материале⁴.

¹ РГВА. Ф. 65. Оп. 2. Д. 134. Л. 52; Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта / Сост. И.Г. Чудинов. М., 1959. С. 12, 18–19 (далее — Основные постановления...).

² Хмельницкая И.Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М., 2011. С. 308–310.

³ См. подробнее: Хорошева А.В. «В здоровом теле — здоровый дух!». Концепция естественного оздоровления населения Н.А. Семашко и культурная революция // Российская история. 2022. № 2. С. 145–155.

⁴ Деметер Г.С. Очерки по отечественной физической культуре и олимпийского движения. М., 2005; Деметер Г.С., Горбунов В.В. 70 лет советского спорта: люди, события, факты. М., 1987; Дорошенко А.А. Советский спорт как социально-политический проект в период Гражданской войны (1918–1921 гг.) // Омский научный вестник. Серия «Общество, история, современность». 2019. Т. 4. № 3. С. 67–70; Кадымов А.А. История развития физической культуры и спорта в 1920–1940 гг. в БАССР // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 5. С. 82–85; Сарычева Т.В. Качественная и количественная характеристика кадрового состава сферы физической культуры в Западной Сибири в 1930-е гг. // Вестник Томского госу-

Все это делает необходимым изучение кадрового вопроса в физкультурном движении.

Вопрос об инструкторских кадрах встал буквально сразу, как только было создано, согласно декрету от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении воинскому искусству», Главное управление всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной Армии (Всевобуч), в составе которого действовал спортивный отдел. Уже тогда «пролетарская» физическая культура была противопоставлена «буржуазному» спорту. Физическая культура стала рассматриваться как инструмент воспитания масс, орудие культурной революции, воспитания «нового человека». Спорт ради спорта не имел права на существование в молодом советском государстве. Физкультурные занятия предполагалось использовать как средство идейного воспитания, в частности, физкультура объявлялась инструментом классово-борьбы⁵. «Буржуазный спорт» критиковали за культивирование индивидуализма и нездорового честолюбия, а также риск травматизма⁶. Аполитичность в спорте была неприемлема. Это ясно дал понять первый руководитель Всевобуча Л.Е. Марьясин в своем выступлении на I Всероссийском съезде по физической культуре, спорту и допризывной подготовке, проходившем в Москве с 3 по 8 апреля 1919 г.⁷ В этом же выступлении он поставил задачу подготовки кадров инструкторов, для чего, по его мнению, необходимо было создать понятный план их обучения⁸.

Если просматривать материалы этого съезда, опубликованные в журнале «Русский спорт», то бросается в глаза активное участие в нем дореволюционных специалистов, которые с большим энтузиазмом встретили новую власть, воодушевленные ее вниманием к проблемам физического воспитания. Например, об этом в своем приветственном слове с большим вдохновением говорила главный редактор журнала «Русский спорт» с 1911 г. К. Ковзан⁹. Однако достаточно быстро выяснилось, что у дореволюционных специалистов и новой власти разные взгляды на проблемы физкультуры и спорта.

дарственного университета. 2016. № 404. С. 126–132; Сарычева Т.В., Турыгин С.П. Формирование кадрового состава сферы физической культуры Западно-Сибирского региона в 1920-е гг. и его характеристика // История педагогической науки и практики. 2015. № 2. С. 175–183; Суник А.Б. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М., 2010; Филиппов А.Н. Государственная политика СССР в области физической культуры и спорта (1920–1930 гг.). Дис... канд. ист. наук. Ярославль, 2012; и др.

⁵ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 101.

⁷ Русский спорт. 1919. № 13. С. 4–8.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же. С. 8.

Если первые особо были внимательны к собственно спортивной составляющей, то вторые — к воспитательной. Чрезвычайно активная позиция дореволюционных специалистов на съезде не на шутку встревожила советское руководство, и вскоре после его окончания Л.Е. Марьясин был снят со своей должности именно за недостаточную бдительность по отношению к «классовому врагу». Новый руководитель, Н.И. Подвойский, перед которым, по его словам, была поставлена задача «очистить ряды всеобучистов-физкультурников от враждебных чуждых элементов»¹⁰, с энтузиазмом приступил к борьбе с безыдейностью. Были поставлены задачи подготовить не просто инструкторов, а агитаторов, которым давались задания организовывать, помимо спортивных кружков, еще и митинги, театрализованные представления, беседы и т.п.¹¹

Для решения этой задачи открывались курсы инструкторов при Всеобуче, Наркоматах просвещения и здравоохранения. Причем наряду с дисциплинами, непосредственно связанными со спортом, в их учебных планах были «Политическая грамотность», «Советское строительство» и др.¹² В октябре 1918 г. на базе шестимесячных курсов инструкторов физической культуры в Москве был создан первый Институт физической культуры¹³, который получил статус высшего учебного заведения в 1920 г.¹⁴ В 1919 г. на базе Высших курсов П.Ф. Лесгафта возник Государственный институт физического образования в Петрограде. В 1920 г. была создана Главная военная школа физического образования трудящихся. В 1921 г. был организован Институт физкультуры в Томске, правда, просуществовал он недолго¹⁵. Поскольку физкультура рассматривалась как эффективный способ оздоровления населения, которому, по мнению первого наркома здравоохранения Н.А. Семашко, грозило вырождение из-за политики царского режима и последствий Первой мировой войны¹⁶, о чем на съезде от лица медиков говорил доктор Е.П. Радин¹⁷, учебные заведения по подготовке физкультурных кадров были подчинены наркомату здравоохранения¹⁸. Курсы физического образования

¹⁰ Красный спорт. 1940. 21 января.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 1. Д. 3. Л. 82.

¹² РГВА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 83.

¹³ В 1921 г. он был переименован в Государственный центральный институт физической культуры (ГЦИФК).

¹⁴ Основные постановления... С. 9.

¹⁵ Деметер Г.С., Горбунов В.В. Указ. соч. С. 9–10.

¹⁶ Семашко Н.А. Пути советской физкультуры. М., 1926. С. 9.

¹⁷ Русский спорт. 1919. № 14. С. 9–12.

¹⁸ За исключением тех, что создавались при Рабоче-крестьянской Красной армии.

при Наркомздраве испытывали большие финансовые и организационные трудности, а потому их существование было крайне нестабильным. Например, если в 1919 г. их было 6, в 1920 г. — 12, в 1921 г. — 6, а на 1 января 1922 г. они вообще отсутствовали¹⁹.

Благодаря деятельности физкультурных учебных заведений разного уровня с 1918 по 1920 г. было подготовлено около 6000 инструкторов по физической культуре²⁰. Однако этого было явно недостаточно и не снимало с повестки дня вопрос о дореволюционных специалистах, поскольку для того, чтобы воспитать новые кадры, нужны были преподаватели, а они в большинстве своем являлись выходцами из дореволюционных спортивных обществ, лиг и т.п. Отрицать, что их придется привлекать к работе, было невозможно. В руководстве Всевобуча опять развернулись дискуссии. Одни считали, что поскольку многие специалисты проявляют лояльность, их надо использовать. Другие же возражали, утверждая, что «если галошная фабрика будет производить плуг, то он будет похож на галоши», так и дореволюционные специалисты, смотрящие на спорт как на забаву, будут воспитывать индивидуализм, вместо коллективизма²¹.

Как свидетельствуют документы, повседневная реальность вносила свои коррективы. Даже в Петрограде и близлежащих местностях, где традиции спортивной жизни были наиболее развиты, в 1922 г. в системе Всевобуча работало всего 279 инструкторов, при том что только в самом городе числилось 91 813 человек, подлежащих допризывному обучению²². Выступления представителей региональных подразделений Всевобуча на его конференции в январе 1922 г. свидетельствовали о повсеместной нехватке инструкторов. За исключением весьма оптимистично настроенного начальника псковского округа тов. Смоленцева, похваставшегося наличием даже специально подготовленных для работы с детьми и женщинами инструкторов²³, тон остальных выступлений был весьма пессимистичным, а жалобы на нехватку инструкторов повсеместными²⁴. А из оптимистичного выступления Смоленского совершенно очевидно, что инструкторский костяк составляли специалисты дореволюционной

¹⁹ Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: Сборник документов и материалов / Сост. В.Н. Додонов, Л.И. Заваличенко, А.А. Маслова и др. М., 1966. С. 408.

²⁰ Деметер Г.С., Горбунов В.В. Указ. соч. С. 25.

²¹ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4, 9–9об.

²² Там же. Д. 5. Л. 26.

²³ Там же. Л. 31.

²⁴ Там же. Л. 10, 34, 39 и др.

поры, например, приверженцы «сокольской системы»²⁵. Последние хотя и были объявлены идейно чуждыми, но все равно привлекались к работе, поскольку имели хорошие методики массовой физической подготовки, и нужно было время, чтобы их заменить, для чего создавались комсомольские физкультурные организации, например, «Муравей», которая особенно рьяно боролась с последователями «сокольства»²⁶.

Помимо рядовых инструкторов Всевобуч стремился привлечь крупных специалистов в области спорта и знаменитых спортсменов. Среди них — секретарь Российского олимпийского комитета Г.А. Дюперрон, абсолютный чемпион России по конькобежному спорту 1915 и 1917 гг. Я.Ф. Мельников, чемпион Европы по конькобежному спорту В.А. Ипполитов, легкоатлет и трехкратный чемпион I Российской Олимпиады в Киеве 1913 г. Н. Владимиров, профессор В.В. Гориневский и др. Причем они, как правило, сами проявляли инициативу. Так, в архивных данных отложилась записка о желании сотрудничать Г.А. Дюперрона, который предлагал снабжать сведениями о спорте, а в обмен просил лишь присылать периодику²⁷. История этого сотрудничества весьма показательна. Дюперрон активно участвовал в жизни спортивных организаций Ленинграда на всем протяжении 1920-х гг., вел занятия в школе физического образования командного состава Красной армии и Флота, переводил зарубежные работы о спорте (Ж. Эбера, Ж. Демени, Г. Зурена), а также писал сам. Однако его работы постоянно подвергались резкой критике, поскольку он пытался в них сузить понятие «физической культуры» до «физического упражнения», что шло в разрез с официальной точкой зрения и, кроме того, ему не могли простить аполитичности²⁸. Он дважды был арестован органами ОГПУ — в 1921 и 1927 гг. Был осужден по делу «Союза Русского Сокольства». Несмотря на это, Дюперрон не сдавался. В 1930 г. его пригласили в Институт физического образования им. П.Ф. Лесгафта, где он создал музей спорта, а также там при его активном участии в 1934 г. была учреждена кафедра «Спортивных игр», и он стал ее первым

²⁵ «Сокольская система» возникла как альтернатива немецкой гимнастике в Праге в 1862 г. и имела ярко выраженную национальную окраску, ставя цель не только физического развития, но и воспитания в духе приверженности славянской идентичности; быстро распространилась среди славянских народов, в том числе в России. После прихода к власти большевиков с сокольскими спортивными организациями началась борьба как с идейно чуждыми, буржуазными.

²⁶ *Деметер Г.С., Горбунов В.В.* Указ. соч. С. 28.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 2. Д. 1. Л. 20.

²⁸ *Капульс Б., Дюперрон Г.А.* Теория физической культуры // Известия физической культуры. 1925. № 21. С. 23.

заведующим. Однако всего через несколько месяцев Дюперрон скоропостижно скончался в возрасте 57 лет, не выдержав тяжелых испытаний последних лет жизни²⁹.

Ситуация с нехваткой инструкторов еще больше усугубилась с завершением гражданской войны: если раньше люди шли работать инструкторами в структуры Всевобуча, чтобы получать хороший паек и освобождение от службы в армии, то после снятия льгот стали уходить туда, где больше платили³⁰.

С 1921 г., с началом НЭПа, решение многих проблем в социальной сфере предполагалось осуществлять за счет самофинансирования. После окончания гражданской войны необходимость во Всевобуче отпала. Еще в годы его существования при нем был создан Высший совет физической культуры (ВСФК), в 1923 г. он был напрямую подчинен Всероссийскому центральному исполнительному комитету РСФСР. В его состав вошли по одному представителю от народных комиссариатов: военного, просвещения, здравоохранения, внутренних дел, труда; от Моссовета, ЦК РКП(б), ЦК РКСМ, ВЦСПС³¹. Его предателем стал первый нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, таким образом, физкультура из рук военных перешла к медикам.

Одной из задач ВСФК провозглашалось создание новых учебных заведений физического воспитания и контроль за их деятельностью³². Однако четко проблема обеспечения инструкторами в Постановлении о создании ВСФК сформулирована не была. Данный орган должен был осуществлять координационную деятельность, финансовые же его возможности были ограничены. Инициатива создания первичных физкультурных ячеек передавалась на низовой уровень. Практическими организаторами объявлялись комсомол и профсоюзы³³, что сразу же породило соперничество между ними. Подбор специалистов также делегировался им. Два высших учебных заведения, готовивших физкультурные кадры высокой квалификации, объективно не могли справиться с потребностями страны в этой сфере. Для подготовки специалистов нужны были также техникумы. Попытки открыть их часто заканчивались неудачей даже там, где были определенные традиции подготовки кадров для физкультурной работы, например, в Томске на базе закрывшегося Института физ-

²⁹ Суник А.Б. Указ. соч. С. 446–449.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

³¹ Основные постановления... С. 9–11.

³² Там же. С. 10.

³³ ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 28. Д. 33. Л. 29 об., 54.

культуры³⁴. В итоге профсоюзы при поддержке ВСФК для решения проблемы кадров в этот период создавали различной продолжительности курсы, что требовало значительно меньше финансовых затрат.

Усилия комсомола и профсоюзов по приданию массового характера физкультурному движению давали свои результаты, и если на 1921 г. спортивных организаций в РСФСР было 1612³⁵, то в 1925 г. в СССР их было уже 6370³⁶. Финансировались они за счет выделения части средств из фондов на культурно-просветительскую работу профсоюзов. Однако чем больше становилось кружков, тем больше давала о себе знать нехватка инструкторов. Выявление количественного состава инструкторов в этот период затруднительно, поскольку системно данная информация не собиралась. Многие кружки, создаваясь по инициативе самих людей, зачастую имевших не очень много опыта, существовали вообще без инструкторов или же занятиями руководил человек, не имеющий специальной подготовки, о чем неоднократно была тревога «Комсомольская правда»³⁷.

Во всех партийных, комсомольских и профсоюзных постановлениях и резолюциях, увидевших свет в 1920-е гг., неизменно подчеркивалась неразрывная связь идейного и физического воспитания³⁸. На инструктора накладывалось обязательство не просто организовать занятия в кружке, но и подвигать его членов к участию в различных общественно-политических компаниях. В программной статье, опубликованной в первом номере за 1924 г. «Известий физической культуры», официальном печатном органе ВСФК, его руководитель Н.А. Семашко констатировал, что со всех концов страны несутся «вопли о недостатке подготовленных руководителей по физической культуре», и назвал открытие краткосрочных курсов для инструкторов одной из важнейших задач ВСФК³⁹. Однако его призыв явно не привел к положительным результатам, поскольку через год в том же журнале при подведении итогов годичной работы было констатировано, что вопрос о нехватке инструкторов стоит остро, а выпускники краткосрочных инструкторских курсов плохо подготовлены, отчего «физкультработа хромает»⁴⁰.

³⁴ Сарычева Т.В., Турыгин С.П. Указ. соч. С. 178.

³⁵ Деметер Г.С., Горбунов В.В. Указ. соч. С. 25.

³⁶ Комсомольская правда. 1925. 6 декабря.

³⁷ См., например: Там же. 1925. 26 августа; 1 ноября; 20 ноября; 1926. 17 января и др.

³⁸ Основные постановления... С. 12, 14–15.

³⁹ Семашко Н.А. Задачи Высшего Совета физической культуры // Известия физической культуры. 1924. № 1. С. 2–3.

⁴⁰ Известия физической культуры. 1925. № 2. С. 7–9.

Проблемы, связанные с инструкторами, из кабинетов руководителей выплеснулись на страницы периодической печати. Обсуждался ряд аспектов: их количество, качество их подготовки и работы, моральный и идейный облик, пути решения проблемы нехватки кадров и даже — нужны ли они вообще. Газета «Труд» организовала дискуссию по этим вопросам среди своих читателей, в редакцию посыпалось огромное количество писем с мест, а итоги этой дискуссии были подведены в большой статье «О союзных инструкторах»⁴¹.

Проблема нехватки кадров инструкторов — наиболее обсуждаемая на страницах периодической печати, уделяющей внимание физкультурному движению, в 1920-е гг.⁴² Как уже говорилось выше, самый распространенный способ ее решить — это открытие различных краткосрочных курсов. Поскольку их организация была связана с материальными затратами, чаще всего практические заботы по их организации ложились на плечи профсоюзных организаций. Для привлечения к ним внимания слушателей сообщения об их открытии печатались также на страницах газет⁴³. Некоторые комсомольские активисты предлагали, чтобы инструкторов для кружков готовили опытные физкультурники⁴⁴, но чаще звучало предложение направлять на инструкторскую работу демобилизованных из армии, поскольку они имели необходимую подготовку и могли сразу приступить к работе⁴⁵. Эта идея в итоге нашла отклик и в решениях ВСФК. Так, при разработке плана работы инструкторского отдела прямо предписывалось использовать призывников и демобилизованных из рядов Красной армии для организации кружков в деревнях и рабочих поселках⁴⁶. В 1925 г. на Всесоюзной конференции научных работников физической культуры был поставлен вопрос об открытии в регионах широкой сети трехмесячных, годичных и двухгодичных курсов для подготовки кадров⁴⁷. Очевидно, эту задачу выполнить полностью не удалось, поскольку к 1928 г. ситуация с нехваткой инструкторов, имеющих специальное образование, оста-

⁴¹ Труд. 1924. 3 января.

⁴² См., например: Комсомольская правда. 1925. 27 августа, 6 ноября, 20 ноября, 25 ноября, 27 ноября, 6 декабря; 1926. 17 января; 1927. 10 февраля; Труд. 1924. 3 января; 1925. 23 сентября; 1926. 28 января, 16 февраля; Известия физической культуры. 1924. № 3. С. 3; и др.

⁴³ См., например: Комсомольская правда. 1925. 16 июня, 5 ноября, 12 ноября; 1926. 15 января; Труд. 1926. 16 марта и др.

⁴⁴ Комсомольская правда. 1925. 6 ноября.

⁴⁵ Красный спорт. 1924. № 1. С. 13; Комсомольская правда. 1925. 25 ноября; 1926. 17 января и др.

⁴⁶ ГАРФ. Д. Р7576. Оп. 1. Д. 21. Л. 141–142.

⁴⁷ Известия физической культуры. 1925. № 19. С. 18.

валась неудовлетворительной: по официальным данным, его имело только 44,4% работников⁴⁸. По распоряжению ВСФК в 1928 г. впервые было проведено плановое распределение на работу выпускников учебных заведений, готовивших инструкторов⁴⁹. В том же году Президиум ВСФК принял решение обратиться к Совету народных комиссаров СССР с просьбой открыть к 1930 г. еще восемь техникумов по подготовке инструкторских кадров⁵⁰.

Однако самый оригинальный способ решения проблем предложил А.Г. Иттин, один из самых активных организаторов физкультурно-спортивного движения, журналист, занимавший важные позиции в ВСФК и ВЦСПС. Он озвучил идею «оторвать» инструкторов от кружков и сконцентрировать их в специальных комиссиях, откуда они направлялись бы в кружки для чтения лекций физкультурникам. По его мнению, именно такой формат помог бы максимально эффективно использовать инструкторские силы⁵¹. Однако его предложение встретило резкий отпор. Самостоятельная организация людьми своих физкультурных занятий, даже после инструктажа, была явно чревата травматизмом и другими негативными последствиями⁵².

Одним из наиболее часто обсуждаемых вопросов было невысокое качество работы инструкторов, которое напрямую было связано с материальными сложностями и невысоким уровнем квалификации кадров. В рамках дискуссии, организованной газетой «Труд», был поставлен вопрос о выработке специальных правил и норм для более плодотворной работы в кружках⁵³. Газета «Комсомольская правда» неоднократно сообщала о плохой работе кружков, которая строится неинтересно и не квалифицировано. Причем критика могла быть направлена как против монотонности занятий, без использования игр, соревновательной составляющей, так и наоборот, содержать упреки в слишком большой увлеченности игровой составляющей в ущерб гармоничному развитию и идейному воспитанию⁵⁴.

Не остался в стороне от этой проблемы и ВСФК, представители которого еще в 1925 г. заявили о необходимости аттестации

⁴⁸ ГАРФ. Д. Р7576. Оп. 3. Д. 36. Л. 14.

⁴⁹ Там же. Д. 39. Л. 25.

⁵⁰ Там же. Оп. 1. Д. 39. Л. 14.

⁵¹ Труд. 1926. 28 января.

⁵² Там же. 1926. 16 февраля.

⁵³ Там же. 1924. 3 января.

⁵⁴ См., например: Комсомольская правда. 1925. 20 августа, 1 ноября, 6 ноября, 6 декабря, 13 декабря; 1926. 2 апреля, 9 апреля, 16 апреля; 1927. 10 февраля, 1 марта, 13 мая, 18 декабря; 1928. 3 января, 29 мая; Известия физической культуры. 1924. № 3. С. 3; Труд. 1925. 5 мая, 27 августа, 2 сентября; 1927. 6 декабря; Физическая культура. Приложение к газете Труд. 1928. 4 сентября и др.

инструкторов⁵⁵, однако к практическим действиям в этом направлении смогли приступить только в 1927 г., когда был поставлен вопрос о разработке единой программы для установления квалификации инструкторов и преподавателей физической культуры, их тарификации, профсоюзной принадлежности, охране труда⁵⁶. Кроме того, чтобы собрать сведения была составлена записка об экспертизе работников физкультуры с целью определения и повышения квалификации инструкторов, для чего создавались комиссии при Советах физической культуры на уровне губерний, которая присваивала прошедшим экспертизу работникам следующие квалификации: инструктор-специалист, руководитель секции, инструктор-универсал клуба, преподаватель физической культуры школы I или II ступени и др. Программа испытаний состояла из практических и теоретических частей⁵⁷. Эта проверка дала не очень утешительные результаты. Например, было выявлено, что в Сибири очень низкую квалификацию имела основная часть инструкторов. Изначально планировалось, что не справившиеся с проверкой инструктора будут понижены в категории или вообще отстранены от работы, но при выполнении этого условия многие кружки могли бы вообще остаться без инструкторов, поэтому было принято решение срочно создать группы совершенствования инструкторов при Совете физической культуры региона⁵⁸.

Противоречивым было и отношение к материальному обеспечению инструкторов, что также прослеживается на страницах периодической печати. Где-то авторы прямо связывали низкие зарплаты инструкторов, необходимость совмещать сразу несколько мест работы с низким качеством их работы, а где-то этот момент не афишировался, а инструктора просто обвиняли в недостаточно ответственном отношении к делу. Очень показательной является в этой связи заметка в «Комсомольской правде» — «Инструкторская пляска», в которой автор в ярких красках описывает, как получая 30 рублей в месяц за работу в одном кружке, инструктор вынужден работать сразу в нескольких, чтобы хватало на жизнь, но ему приходится подчас сбежать с занятий раньше, чтобы успеть на следующие, что не могло ни сказываться на качестве его работы⁵⁹.

Тот же вопрос был косвенно затронут и в статье-отчете «Как работает пролетарское спортивное общество “Динамо”». Тут надо

⁵⁵ Известия физической культуры. 1925. № 19. С. 18.

⁵⁶ ГАРФ. Д. Р7576. Оп. 1. Д. 26. Л. 111.

⁵⁷ Там же. Д. 25. Л. 145.

⁵⁸ Сарычева Т.В., Турыгин С.П. Указ. соч. С. 179.

⁵⁹ Комсомольская правда. 1926. 2 апреля.

немного сказать о предыстории. Еще весной 1923 г. собрание представителей партийных и комсомольских ячеек Государственного политического управления при Наркомате внутренних дел РСФСР (ГПУ, с ноября 1923 г. ОГПУ при СНК СССР) приняло решение организовать московское спортивное общество «Динамо», был разработан его устав, эмблема, значок, форма спортсменов и руководства⁶⁰. Далее его центральным советом были организованы общества «Динамо» в Ленинграде, Пензе и Рязани, к 1928 г. их стало более 200⁶¹. Руководство ВСФК первоначально сдержанно отнеслось к подобным инициативам, но признало целесообразным существование в центре и на местах спортивной организации ГПУ «Динамо» с учетом «особенностей работы ГПУ»⁶². За этим обществом стояла мощнейшая, в том числе в материальном отношении, структура, которая могла активно развивать материально-технической базу спорта. Показательным моментом была постройка в Москве в 1928 г. самого большого в стране стадиона. Возвращаясь к статье-отчету о деятельности «Динамо», рапортующей о его успехах, следует отметить, что в ней особо подчеркивалась высокая квалификация инструкторов общества, их достаточное число, регулярные длительные командировки высококвалифицированных инструкторов из центра в регионы, а также инструкторов с мест в Москву для повышения квалификации, что, по словам автора, увеличивало удельный вес спортивных достижений членов общества⁶³. О зарплатах и деньгах здесь нет ни слова, но совершенно очевидно, что всё перечисленное требовало больших затрат.

Как уже говорилось выше, проблема кадров волновала не только участников спортивного движения, но и руководство. Осознание того, что с этим вопросом далеко не всё благополучно, нашло отражение в документах как ВСФК, так и ВЦСПС. Согласно Постановлению ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 г. именно профсоюзы должны были отвечать за развитие физкультурного движения и руководить им, а комсомолу отводилась роль вдохновителя, ВСФК же должен был согласовывать их действия⁶⁴, таким образом, ответственность за бедственное положение дел с инструкторскими кадрами также ложилась на ВЦСПС. Материалы 3-го Всесоюзного совещания по физкультуре профсоюзов, прошедшего в марте 1929 г., свидетельствуют, что решить проблему кадров к концу десятилетия так и не удалось.

⁶⁰ Деметер Г.С., Горбунов В.В. Указ. соч. С. 29–30.

⁶¹ Физкультура и спорт. 1928. № 18. С. 6.

⁶² ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.

⁶³ Физкультура и спорт. 1928. № 18. С. 6.

⁶⁴ Основные постановления... С. 13.

Большинство выступавших из регионов, не стесняясь в выражениях, говорили о катастрофической нехватке инструкторов, причем особый акцент делали на нехватке или отсутствии инструкторских курсов⁶⁵. Представитель Закавказья поднял и вопрос низкой оплаты, вынуждающей инструкторов работать в нескольких местах⁶⁶, а представитель Урала — вопрос о социальном составе и текучести кадров, когда 40% выпускников техникумов не идут на инструкторскую работу, правда, умолчал о мотивах⁶⁷.

Статистические данные по профессиональным союзам, представленные руководству ВЦСПС, свидетельствуют, что на 1 апреля 1929 г. из 7227 физкультурных кружков профсоюзов только 3752 имели хотя бы одного руководителя (инструктора), всего же было 5117 руководителей (инструкторов), из которых только 2616 получали плату за их труд и только 1837 имели специальное образование⁶⁸. Причины столь плачевной ситуации были не только в нехватке курсов. Как свидетельствует отчет о работе центральных курсов физкультуры ВЦСПС при Государственном центральном институте физической культуры в Москве за 1928–1929 гг., несмотря на нехватку кадров, большинство союзов свою разверстку по посылке туда людей на обучение не выполнили⁶⁹, что, видимо, было связано с финансовыми издержками (надо было платить стипендию во время обучения и найти замену человеку на рабочем месте).

В конце 1920-х гг. нехватка кадров все чаще стала обсуждаться на заседаниях Президиума ВСФК, причем говорили не только об открытии новых учебных заведений, но и о повышении качества обучения в уже существующих. Так, совместными усилиями с Наркоматами просвещения и здравоохранения была проведена в 1928 г. проверка двух высших учебных заведений, готовящих специалистов для физкультурного движения. По итогам этой проверки пришли к выводу, что рационализация постановки учебной жизни не возможна без улучшения материального положения студенчества⁷⁰. В то же время было проведено обследование и других физкультурных учебных заведений. По результатам проверки в свет вышло постановление Рабоче-крестьянской инспекции от 6 апреля 1929 г., где четко было прописано, какого уровня специалистов готовят физкультурные ВУЗы, техникумы, курсы, причем становилось

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р7710. Оп. 1. Д. 3. Л. 32, 40, 79, 105.

⁶⁶ Там же. Л. 32.

⁶⁷ Там же. Л. 40.

⁶⁸ Там же. Д. 1. Л. 57.

⁶⁹ Там же. Д. 4. Л. 28.

⁷⁰ Там же. Л. 33.

обязательным наличие определенного уровня образования при замещении определенных должностей, тех, кто не удовлетворял этому требованию предполагалось постепенно заменять по мере подготовки новых кадров. Еще одним интересным моментом является то, что в постановлении Института физкультуры в Москве была отведена роль общественно-методического и практического центра, а Ленинградскому — теоретико-биологической базы. В обоих ВУЗах предполагалось увеличить количество аспирантов и строже контролировать реализацию учебных планов⁷¹. Таким образом, был сделан первый серьезный шаг к формированию системного подхода в деле подготовки кадров и определения степени их компетентности и ответственности занимаемой должности.

Отметим, что в 1923–1926 гг. на страницах периодической печати значительно больше внимания уделялось проблеме кадров, в 1927–1928 гг. эта тема обсуждается значительно реже, хотя совершенно очевидно, что она никуда не исчезла и сохраняла свою остроту, как следует из Постановления ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1929 г. «О физкультурном движении». Это, видимо, связано с тем, что хотя повсеместно подчеркивалась важность физкультуры как инструмента воспитания масс⁷², постепенно спортивная составляющая физкультурного движения начала выходить на первый план. Как в общесоюзной, так и ведомственной печати стали значительно больше уделять внимания конкретным спортивным событиям, соревнованиям и т.п. Так, например, появившийся в 1928 г. журнал «Физкультура и спорт», печатный орган ВСФК, в первую очередь размещал яркие материалы о спортивных играх и мероприятиях, неофициально отдавая предпочтение развлекательной стороне физкультуры, что привлекало к нему большое количество читателей.

В конце 1920-х гг. страна вступила в период реконструкции, от населения требовалась мобилизация сил и высокие достижения на трудовом поприще для перевыполнения плана первой пятилетки. Тема «военной тревоги» не сходила со страниц газет и журналов. На этом этапе роль физической культуры как дисциплинирующего фактора и инструмента повышения возможностей организма выдерживать нагрузки опять приобретала первоочередное значение.

⁷¹ Там же. Д. 5. Л. 21, 21об.

⁷² См., например: Известия физической культуры. 1924. № 3. С. 2; Комсомольская правда. 1925. 3 сентября, 4 сентября, 13 ноября, 20 ноября; 1926. 15 января, 23 апреля, 16 мая; 1927. 13 февраля, 25 февраля, 9 апреля, 24 декабря; 1928. 12 января, 3 марта, 5 мая, 27 сентября; Физическая культура. Приложение к газете Труд. 1925. 5 мая, 5 июня, 30 августа, 23 сентября; 1926. 22 октября; 1927. 25 августа; 1928. 11 января, 22 января, 26 июня; Физкультура и спорт. 1928. № 2. С. 12; № 9. С. 1; и др.

Страна должна была совершить «большой скачок», а для этого была необходима мобилизация сил, которая невозможна без слаженных действий, поэтому вполне закономерно происходит усиление централизации во всех областях государственного управления, в том числе и в сфере физкультуры и спорта. В постановлении ЦК ВКП(б) «О физкультурном движении» от 23 сентября 1929 г. констатировалось, что состояние физкультурной работы неудовлетворительное, а чтобы это исправить надо избавиться от ведомственного разнobia и создать центральный контролирующий орган — Всесоюзный совет физической культуры при Центральном исполнительном комитете СССР, которому будут подчиняться все СФК союзных республик⁷³. В этом документе впервые официально был четко поставлен вопрос о материальной базе физкультурного движения. Несмотря на то что он широко обсуждался на совещаниях, конференциях и на страницах периодики, в предшествующих постановлениях и резолюциях о физкультурном движении его обходили стороной. В этом же документе не только делался особый упор на то, что физкультурное движение должно опираться на «мощную финансовую базу», но и особое внимание обращалось на необходимость массовой подготовки инструкторов-физкультурников, что также было впервые⁷⁴. Вскоре после этого вышло постановление Президиума Центрального исполнительного комитета СССР «Об учреждении Всесоюзного совета физической культуры при ЦИК СССР», где указывалось, что реконструктивный период выдвигает потребность в широком развертывании физической культуры, для чего необходимо в качестве первостепенной задачи рассматривать подготовку преподавательских кадров⁷⁵. Таким образом, проблема кадров выводится на совершенно новый уровень, а для ее решения устанавливаются достаточно жесткие требования.

Во главе обновленного ВСФК встает крупный партийный деятель Н.К. Антипов, ранее не имевший непосредственного отношения к физкультурному движению. Для разъяснения линии партии был проведен I Пленум ВСФК в апреле 1930 г., где новый руководитель подверг разгромной критике комсомол и профсоюзы, поставив им в пример спортивную работу в армии⁷⁶. Антипов сразу заявил, что с кадрами дело обстоит «очень плохо», по его данным, на тот момент в РСФСР было около 5000 инструкторов, среди них членов партии

⁷³ Основные постановления... С. 17.

⁷⁴ Там же. С. 18.

⁷⁵ Там же. С. 20.

⁷⁶ Первый Пленум Всесоюзного Совета физической культуры. М.; Л. 1930. С. 13–15, 22, 24.

и комсомола — 30%, а довоенных специалистов — 23%. Аполитичность и увлечение спортивной составляющей физкультуры новый руководитель ВСФК назвал главным врагом, а из цифр сделал простой вывод: «классовый враг внутри наших организаций»⁷⁷. Им было предложено два способа решения задачи: во-первых — выдвижение рабочих на руководящие роли в кружках, во-вторых — более активная подготовка инструкторов. Вторая задача казалась ему более сложной, поскольку учебных заведений было крайне мало, в связи с чем он ставил задачу массовой организации техникумов. Но не менее важной он считал и материальную заинтересованность инструкторов, особо подчеркнув, что чем больше будет платных инструкторов, тем для дела будет лучше⁷⁸.

Профсоюзы, подвергнутые разгромной критике, встали перед необходимостью в ближайшее время системно исправить ситуацию с организацией деятельности кружков физкультуры, в которой проблема кадров играла одну из важнейших ролей. Естественно, в рамках традиции всё началось с самокритики. В октябре 1930 г. была проведена первая Всесоюзная конференция профсоюзов по физкультуре. На ней много говорилось о перестройке физкультурного движения, а также о том, что физкультуру надо повернуть лицом к производству. И если руководство сосредотачивалось на теоретических установках, то делегаты с мест говорили о конкретных проблемах, особо не стесняясь в выражениях, при этом проблема нехватки кадров по-прежнему была одной из основных⁷⁹, а тон жалоб мало отличался от того, что говорилось на третьем Всесоюзном совещании профсоюзов по физкультуре годом ранее. Делегат из Сибири вообще заявил, что в их регионе с кадрами дело обстоит хуже, чем где либо, квалифицированных работников вообще нет или может два-три на весь регион⁸⁰. Что интересно, по-прежнему говорили прежде всего о нехватке, а не о социально-чуждых элементах среди инструкторских кадров. Однако по итогам конференции был подготовлен ряд документов, где не только звучала проблема нехватки инструкторов, но и их «качества». В них прописывалось и решение: разворачивание широкой сети учебных учреждений. Это одновременно должно было решить и проблему нехватки количественную, и проблему нехватки идейно-выдержанных, пролетарских кадров⁸¹. Еще до проведения конференции профсоюзов летом 1930 г. было проведено совещание

⁷⁷ Там же. С. 20–21.

⁷⁸ Там же. С. 22–23.

⁷⁹ См., например: ГАРФ. Ф. Р7710. Оп. 1. Д. 10. Л. 127; Д. 11. Л. 5, 13, 18, 20 и др.

⁸⁰ Там же. Д. 11. Л. 13.

⁸¹ Там же. Д. 12. Л. 46, 56.

представителей всех заинтересованных государственных органов и общественных организаций, на котором были выработаны новые организационные принципы системы физкультурного образования, что должно было избавить от ведомственных неувязок и снять остроту вопроса.

Все учебные физкультурные заведения ставились под контроль ВСФК при ЦИК СССР. Основными звеньями были: ВУЗы, техникумы, годовичные курсы, краткосрочные курсы. Провозглашался принцип преемственности программ всех ступеней. Прописывалась квалификация выпускников каждого уровня. ВУЗы Москвы и Ленинграда должны были разрабатывать программы обучения и методику для всех ступеней обучения. Просчитывалось количество необходимых специалистов и исходя из этого ставились задачи. Например, предполагалось, что к концу пятилетки необходимо иметь 3336 специалистов высшей квалификации, на тот момент их было 700, оба ВУЗа при максимальном напряжении могли подготовить 1400, а требовалось еще 1500, таким образом, ставилась задача открыть еще два ВУЗа — в Украинской ССР и в Закавказье. Данное распоряжение было выполнено в кратчайшие сроки. Уже в 1930 г. были открыты Государственный институт физической культуры в Харькове⁸² и Закавказский государственный институт физической культуры в Баку⁸³. Для подготовки кадров средней квалификации предполагалось открыть по одному техникуму в каждой республике, крае (области). Сеть годовичных курсов должны были организовать профсоюзы, а также предполагалось открывать курсы при медицинских и педагогических техникумах для подготовки руководителей кружков. Еще один способ пополнения кадров младшего звена — привлечение на работу демобилизованных из армии⁸⁴. Выполняя это распоряжение, Бюро физической культуры ВЦСПС приняло решение открыть 6 школ (годовичных курсов). Центральная должна была располагаться в Москве (200 учащихся), остальные — в Ленинграде, Харькове, Свердловске, Урале и Сибири, Ростове-на-Дону, Закавказье (в каждой по 100 учащихся). На центральную школу выделялось из культурного фонда 250 тыс. рублей, а на остальные по 125 тыс. рублей⁸⁵.

При решении вопроса с количеством не забыли и о проблеме «идейного качества» инструкторов, которая начинает фигурировать

⁸² В 1944 г. он будет переведен в Киев.

⁸³ Физической культуры институты // Большая советская энциклопедия. В 30 т. 3-е изд. Т. 27. М., 1977. С. 379. Ст. 1124.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р7710. Оп. 1. Д. 21. Л. 32, 44.

⁸⁵ Там же. Д. 23. Л. 7–7об.

во всех документах, касающихся кадров⁸⁶. По мысли руководства и профсоюзного, и ВСФК она должна была решаться как за счет притока массы инструкторов «новой формации», подготовленных в ускоренном порядке за первую пятилетку, так и за счет «чистки кадров», т.е. отстранения от работы тех, кто не удовлетворял принципу идейной выдержанности. Первый путь обеспечивался тем, что в физкультурные учебные заведения могли поступать лишь «социально-правильные» элементы. Так, например, было отдано распоряжение, что все 100% мест набора 1930 г. в Государственный центральный институт физической культуры в Москве должны быть заняты рабочими и их детьми, причем к документу прилагалась разверстка квот по регионам (фигурирует даже Дальний Восток) и профессиональным союзам⁸⁷. Это распоряжение явно преследовало цель исправить ситуацию, зафиксированную при проверке этого Института в 1929 г., когда выяснилось, что из 441 его учащихся только 130 человек рабочие, а большая часть, т.е. 230 человек, — служащие⁸⁸.

«Кадровым чисткам» Президиум ВСФК и лично Антипов уделяли особое внимание. Уже летом 1930 г. на заседании президиума был заслушан и одобрен доклад об итогах «чистки» инструкторских кадров, к сожалению, цифры в документе не приведены, поэтому сложно оценить их масштаб. Однако судя по тому, что было принято решение через год заслушать доклады Московского, Ленинградского, Татарского и Белорусского Советов физической культуры о чистке кадров и выдвижении новых⁸⁹, именно в этих регионах дело обстояло наиболее неблагоприятно, по мнению власти. Уже осенью 1930 г. руководство ВЦСПС потребовало отчеты из регионов о том, как обстоят дела с перестройкой физкультурной работы, и в частности с кадрами, и тут весьма показательна фраза из одного такого отчета: «... инструкторский состав значительно обновлен за счет прошедших курсов..., но все-таки это не дало возможность отстранить часть идеологически чуждых инструкторов из-за того, что нам не хватает кадров, которые необходимо готовить...»⁹⁰.

Как уже было сказано, Антипов поставил вопрос о достойной оплате инструкторской работы как одним из важнейших условий ее улучшения. Уже после выхода в свет постановления ЦК ВКП(б) от 13 сентября 1929 г., в котором успех физкультурного движения ста-

⁸⁶ См., например: Там же. Д. 12. Л. 46, 54, 56; Д. 21. Л. 29, 32, 44; Д. 23. Л. 7–7об.

⁸⁷ Там же. Д. 23. Л. 5.

⁸⁸ Там же. Д. 4. Л. 33.

⁸⁹ Там же. Д. 21. Л. 29.

⁹⁰ Там же. Д. 23. Л. 114.

вился в прямую зависимость от материальной базы, в марте 1930 г. состоялось расширенное заседание Пленума Бюро физической культуры ВЦСПС, где Иттиным, который являлся одним из крупнейших деятелей физкультурного профсоюзного движения, был сделан большой доклад о кадрах, где говорилось и об их нехватке, и о наличии в их рядах классово-чуждых элементов. Он предложил не только увеличить количество инструкторов, но и настаивал на том, что максимальное их число должно работать бесплатно⁹¹. Это свидетельствует о том, что руководство ВЦСПС не очень хотело тратить свои фонды и пыталось решить проблему за счет энтузиазма особо увлеченных физкультурой рабочих. В предшествующие годы именно Иттин задавал тон физкультурной работы в профсоюзах, являясь и их представителем в ВСФК, и основным докладчиком на различных собраниях и конференциях профсоюзов, а также главным автором статей в ведомственном издании «Труд» и во вкладке к этой газете «Физическая культура». Несмотря на весь свой опыт, он не почувствовал, что ситуация изменилась, и требования партии к профсоюзам ужесточились. Это привело к разгромной критике его позиции на I Всесоюзной конференции по физической культуре профсоюзов⁹².

На этой конференции представителем союза железнодорожников был поставлен вопрос о прямой связи уровня зарплаты и уровня работы инструктора, также о том, что до сих пор все союзы пытались «сэкономить» на решении проблемы⁹³. Поскольку основная тяжесть финансового бремени ложилась на профсоюзы, профсоюзные лидеры после I Пленума ВСФК при ЦИК СССР сделали достаточно быстро вывод, что нужно исправлять ситуацию. Собственных средств физкультурные кружки не имели, деньги на их работу выделялись из фонда средств, отводимых профсоюзами на культурную работу. Было принято решение увеличить до 3% объем средств, отводимых на физкультурную работу, из общего объема поступления членских взносов, а работу инструкторов оплачивать за счет общих расходов по содержанию штата профорганизаций⁹⁴. Кроме того, профсоюзы должны были оплачивать 50% от стипендии поступившим в физкультурные ВУЗы в 1930–1931 учебном году⁹⁵, а также содержать сеть годичных курсов⁹⁶.

⁹¹ Там же. Д. 16. Л. 2–2об.

⁹² Там же. Д. 11. Л. 104.

⁹³ Там же. Л. 20.

⁹⁴ Там же. Д. 12. Л. 46.

⁹⁵ Там же. Д. 23. Л. 5.

⁹⁶ Там же. Л. 7–7об.

Подводя итоги, следует отметить, что проблема кадров, стоявшая так остро на протяжении 1920-х гг., обрела решение лишь тогда, когда партийно-государственное руководство поставила ее под свой контроль, четко обозначив и методы ее решения, и желаемый конечный результат. Системный подход, предполагавший массовую подготовку инструкторских кадров разной квалификации и квоты, обеспечивающие «правильный» социальный состав, а также материальная поддержка позволили уже в 1930 г. сделать то, о чем много говорили в предшествующее десятилетие, но не могли осуществить. При этом основная тяжесть реализации поставленных задач легла на профсоюзы. При всей стремительности изменений это не исправило ситуацию мгновенно, но достаточно быстро обозначилась определенная динамика, во многом обеспечившая положительные результаты уже к концу 1930-х гг., когда количество организованных физкультурников увеличилось с 759 тысяч человек в 1929 г. до 6 миллионов к 1937 г.⁹⁷ Процессы усиления централизации и контроля, а также идеологические компании, проводимые в сфере физкультурного движения, полностью укладываются в общий исторический контекст эпохи, со всеми ее успехами и недостатками, предполагающий жесткую идейную дисциплину и изгнание тех, кто не подходил по формальным критериям.

References

Bugrov N.N. *Fizkul'tura i sport v SSSR i zarubezhnykh stranakh: uchebnoye posobiye* [Physical Culture and Sport in the USSR and Foreign Countries: A Textbook]. Moscow: Sovetskiy sport, 1979. 72 p.

Demeter G.S. *Ocherki po istorii otechestvennoy fizicheskoy kul'tury i olimpiyskogo dvizheniya* [Essays on the History of National Physical Culture and the Olympic Movement]. Moscow: Sovetskiy sport, 2005. 322 p.

Demeter G.S., Gorbunov V.V. *70 let sovetskogo sporta: lyudi, sobytiya, fakty* [70 Years of Soviet Sport: People, Events, Facts]. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1987. 237 p.

Doroshenko A.A. *Sovetskiy sport kak sotsial'no-politicheskiy proyekt v period Grazhdanskoy voyny (1918–1921 gg.)* [Soviet Sport as a Sociopolitical Project during the Civil War (1918–1921)] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Series "Obshchestvo, istoriya, sovremennost'"*. 2019. Vol. 4. N 3. P. 67–70.

Filippov A.N. *Gosudarstvennaya politika SSSR v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta (1920–1930 gg.): diss. ... kanidata istoricheskikh nauk* [State Policy of the USSR in the Field of Physical Culture and Sports (1920–1930): PhD Candidate Diss. in History]. Yaroslavl: Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet imeni P.G. Demidova, 2012. 206 p.

Kadymov A.A. *Istoriya razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v 1920–1940 gg. v BASSR* [A History of the Development of Physical Culture and Sports from 1920

⁹⁷ Бугров Н.Н. Физкультура и спорт в СССР и зарубежных странах. М., 1979. С. 12.

through 1940 in BASSR] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. N 5. P. 82–85.

Khmel'nitskaya I.B. *Sportivnyye obshchestva i dosug v stolichnom gorode nachala XX veka: Peterburg i Moskva* [Sport Societies and Leisure in the Capital City of the Early 20th Century: Petersburg and Moscow]. Moscow: Novyy khronograf, 2011. 336 p.

Khorosheva A.V. “V zdorovom tele — zdorovyy dukh!”. *Kontseptsiya yestestvennogo ozdorovleniya naseleniya N.A. Semashko i kul'turnaya revolyutsiya* [“A Healthy Mind in a Healthy Body!” N.A. Semashko's Conception of Natural Recovery and Cultural Revolution] // *Rossiyskaya istoriya*. 2022. N 2. P. 145–155.

Sarycheva T.V. *Kachestvennaya i kolichestvennaya kharakteristika kadrovogo sostava sfery fizicheskoy kul'tury v Zapadnoy Sibiri v 1930-ye gg.* [Qualitative and Quantitative Characteristics of the Physical Culture Staff in Western Siberia in the 1930s] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. N 404. P. 126–132.

Sarycheva T.V., Turygin S.P. *Formirovaniye kadrovogo sostava sfery fizicheskoy kul'tury Zapadno-Sibirskogo regiona v 1920-ye gg. i yego kharakteristika* [Formation of the Staff Composition in the Sphere of Physical Culture in the West Siberian Region in the 1920s and Its Characteristic] // *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 2015. N 2. P. 175–184.

Sunik A.B. *Ocherki otechestvennoy istoriografii istorii fizicheskoy kul'tury i sporta* [Essays on the National Historiography of the History of Physical Culture and Sports]. Moscow: Sovetskiy sport, 2010. 615 p.

Поступила в редакцию
18 декабря 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-97-117

О.Д. Попова

**«КНИГА О ВКУСНОЙ И ЗДОРОВОЙ ПИЩЕ» 1952 г.
В СИСТЕМЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МИФОВ СССР**

O.D. Popova

**THE 1952 “BOOK OF TASTY AND HEALTHY FOOD”
IN THE SYSTEM OF IDEOLOGICAL MYTHS OF THE USSR**

Аннотация. Статья посвящена «Книге о вкусной и здоровой пище» 1952 г. в контексте развития агитации и пропаганды в СССР. Это красочное и богато иллюстрированное издание не только являлось руководством по приготовлению пищи, но и ставило задачу сформировать в общественном сознании представление об успехах социалистического строительства. «Книга...» декларировала успехи развития пищевой промышленности и жилищного строительства в СССР. Впервые в ней появляется описание социального пространства — кухни как места приготовления еды, при этом речь шла об индивидуальной кухне, появлении газовых плит и холодильников. Автор статьи показывает, что издание не в последнюю очередь ставило цель стимулировать покупательную активность граждан ради пополнения государственного бюджета. Рецепты, представленные в книге, были ориентированы на разные имущественные слои населения и лиц разного рода занятий. Рекламировались деликатесные товары: черная икра, артишоки, шампанское, осетрина и др. В то же время часть рецептов была ориентирована на работающих женщин, и в книге были широко представлены полуфабрикаты, выпускаемые пищевой промышленностью. Однако обращение к реальным условиям жизни граждан в данный период позволяет заключить, что для многих читателей книга была лишь мифом о счастливой жизни. Как показывает анализ обращений граждан к власти, многие даже не имели надежд на улучшение, а процесс модернизации жилого фонда проходил с нарушением норм социальной справедливости. Демонстрируемое

Попова Ольга Дмитриевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, историографии и источниковедения Института истории, философии и политических наук Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Popova Olga Dmitrievna, Doctor in History, Head, Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Institute of History, Philosophy and Political Sciences, Ryazan State University named after S.A. Yesenin

od-popova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5131-7970

в книге продуктивное изобилие оставалось лишь на бумаге. Даже в крупных городах продукты в обычные продовольственные магазины поставлялись неравномерно. Еще более мозаичной была ситуация в провинции. В условиях плановой экономики некоторые продовольственные товары доставлялись на большие расстояния. Всё это создавало предпосылки для продуктового дефицита, а «Книга о вкусной и здоровой пище» призвана была выполнять прежде всего идеологическую миссию.

Ключевые слова: практики питания, история повседневности, советская мифология, продуктовый дефицит, советский быт, обращения граждан.

Abstract. The article examines the 1952 “Book of Tasty and Healthy Food” in the context of the development of mass agitation and propaganda in the USSR. This colorful and richly illustrated publication was not only a guide to cooking, but also set the task of planting the idea of the achievements of socialist construction in people’s mind. The book proclaimed the triumph of the Soviet food industry and housing construction development. It was the first to describe such a social space as the kitchen, a place for cooking, and it dealt with a personal kitchen, and the appearance of gas stoves and refrigerators. The author shows that the guide, not least of all set the goal of stimulating the buying activity of citizens in order to replenish the state budget. The recipes presented in the book were aimed at different income strata of the society and people of various occupations. The book advertised delicatessen products: black caviar, artichokes, champagne, sturgeon, etc. At the same time, some of the recipes were targeted at working women, and the book featured a wide selection of convenience foods produced by the food industry. However, turning to the actual living conditions of citizens in this period allows us to conclude that for many readers the book was just a myth of a blissful life. The analysis of appeals made by citizens to the executive bodies shows that many of them did not even entertain the hope for the change for the better, and the process of modernization of the housing stock continued in violation of the norms of social justice. The abundance of food that was demonstrated in the book existed solely on paper. Even in large cities the distribution of food supplies to regular grocery stores was uneven. The situation in the provinces was even more patchy. In a planned economy, some foodstuffs were shipped over long distances. All this created the prerequisites for food shortage, and the “Book of Tasty and Healthy Food” was intended to fulfill, above all, an ideological mission.

Keywords: nutritional practices, history of everyday life, Soviet mythology, food shortages, Soviet way of life, citizens’ appeals.

* * *

В 1952 г. 500-тысячным тиражом вышло новое издание «Книги о вкусной и здоровой пище» — одно из самых красочных изданий данной книги, впервые появившейся в 1939 г. Оно сразу же получило признание у читателей и стало чрезвычайно популярным. Как сообщал министр пищевой промышленности СССР И. Сиволап заместителю председателя совета министров СССР А.И. Микояну, новое

издание «Книги о вкусной и здоровой пищи» пользуется громадным спросом со стороны населения, в связи с чем просил дать указание дополнительно отпечатать 250 тыс. экземпляров книги¹. Интересно добавить и тот факт, что книга печаталась за рубежом, в Германии, и себестоимость одного экземпляра составляла примерно 18–20 руб., при отпускной цене Союзопткниготоргу в 11,25 руб. В итоге, общая сумма убытка при тираже в 250 тыс. экз. составляла около 2 млн руб.² В последующие годы данная книга неоднократно переиздавалась. В 1954 г. тираж составил 500 тыс. экз., в плане на 1956 г. тираж уже был определен в миллион экземпляров. В то же время другие книги издательства «Пищепромиздат» печатались тиражом примерно 3 тыс. экз.³ Таким образом, данное издание явилось одним из самых массовых изданий литературы для широкого круга читателей, не имевшим на первый взгляд идеологической направленности. Если оно продавалось ниже себестоимости, значит, не было источником прибыли, и можно предположить, что правительство СССР видело какие-то другие дивиденды от выпуска этого продукта.

Целью книги, как и ранее, было формировать новые социальные практики питания, побудить население покупать различные продукты, в том числе и деликатесные, использовать в пищу продукцию новых пищевых предприятий и тем самым наполнять бюджет страны. Особенность идеологической пропаганды состоит в том, что используются все каналы массовой коммуникации, как прямые, так и косвенные. Можно предположить, что на издание 1952 г. советская пропаганда накладывала не только чисто утилитарные функции по обучению людей приготовлению еды, но и идеологические функции по воспитанию народных масс. Скрытая пропаганда, как известно, — один из мощных механизмов конструирования определенных идей в массовом сознании и внушения целей развития.

В конце 1940-х гг. страна постепенно изживала последствия войны, в 1947 г. были отменены карточки. И это внушало оптимизм населению. Как писала, например, Людмила Фрейдлин, чье детство пришлось на 1950-е гг. в Ростове-на-Дону: «С отменой карточек выяснилось, что существуют другие продукты, кроме силоса и затирухи»⁴.

Однако общий уровень жизни населения по-прежнему оставался низким, поэтому в системе идеологии необходимо было создать

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9269 Оп. 1. Д. 66. Л. 30.

² Там же. Л. 37.

³ Там же. Д. 90. Л. 21, 56.

⁴ Фрейдлин Л. Царство, где никто не умирает. Ростов-на-Дону, 2010. С. 17.

надежды на более светлое будущее. Важным механизмом формирования таких надежд как средства пропаганды является миф — вера в светлое будущее. Как отмечает О.А. Хасбулатова: «Мифологическое знание — это знание, которое базируется не на доказательствах, а на вере и убеждении, предписываемых идеологической системой. Постепенно, в результате применения комплекса технологий, вымысел начинает восприниматься как подлинное, реальное событие, становится примером для подражания»⁵. При достаточно низком уровне жизни миф создает представление о том, что смысл жизни — это стремление к этому идеальному существованию, которое когда-то обязательно настанет. Люди нуждаются в иллюзиях, они выполняют компенсаторную функцию: пусть сейчас пока плохо, но потом будет замечательно. Представляется необходимым проследить, какие мифологемы формировало новое издание «Книги о вкусной и здоровой пище», какие образы идеального существования она создавала.

Первой такой мифологемой было представление о надвигающемся изобилии. Издание начиналось со статьи «К изобилию», которая была напечатана на уплотненных вкладках, текст располагался на фоне фотографий, призванных это изобилие символизировать. На одной фотографии изображались поля колосющейся пшеницы, на другой хлебобулочные изделия, на третьей продукты мяскокомбинатов — колбасы, окорока и др.

Сам текст был направлен на то, чтобы показать успехи социалистического строительства. В нем пестрели цифры, сообщавшие о быстрых темпах развития пищевой промышленности, росте национального дохода, приводились выдержки из сообщений Центрального статистического управления СССР. Например, утверждалось, что в 1950 г. национальный доход СССР по сравнению с 1940 г. увеличился в сопоставимых ценах на 64%⁶. Все эти данные соответствовали публикуемым в прессе данным об итогах выполнения государственного плана за 1951 г. В частности, в сообщении Центрального статистического управления при совете Министров СССР сообщалось, что в стране увеличилась продажа мяса на 32%, колбасных изделий на 29 %, рыбопродуктов на 14 %⁷. Здесь же говорилось о четвертом снижении цен, которое состоялось 1 марта 1951 г. Данный факт в «Книге о вкусной здоровой пище» не упоминается, но глава «К изобилию» строилась в рамках той же идеи заботы о трудящихся, которую пропаганда вкладывала в это событие.

⁵ Хасбулатова О.А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4 (89). С. 50.

⁶ Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 9.

⁷ Сталинское знамя. 1952. 30 января. С. 1.

Система агитации и пропаганды использовала очень наглядные, доходчивые иллюстрации, которые можно сравнить с картинками из учебника математики для начальной школы. Например, журнал «Советская женщина» за июль-август 1952 г. использовал образ весов, на чаше которых в 1947–1948 гг. лежала только одна баночка с икрой, а в 1952 г. к ней добавились 4 пачки масла, кусок сыра и колбасы за одну и ту же сумму денег⁸. Таким образом, «Книга о вкусной и здоровой пище» органично вливалась в создаваемый миф о приближающейся сытой, обеспеченной жизни, доступной всем.

Основная часть вводной статьи «К изобилию» повторяла текст из издания книги 1939 г. Идеологическое воздействие строилось на противопоставлении мира социализма миру капитала. Например, в тексте приводились воспоминания М. Горького о том, в каких тяжелых условиях трудились рабочие, выпекавшие хлеб в пекарнях до революции. При этом, естественно, умалчивалось о таких, например, эпизодах, как знакомство советской делегации в 1936 г. с передовым опытом пищевой промышленности в США. А.И. Микояна поразила тогда технология изготовления хлеба: «Америка далеко ушла вперед в смысле механизации производства хлеба. На заводе к хлебу не прикасается человеческая рука. На заводе машина разрезает хлеб на ломтики, затем эта же машина завертывает его в бумагу и с момента хлебопечения до момента, пока человек берет хлеб для того, чтобы его съесть, к нему не прикасается человеческая рука»⁹.

Такие разделы, как «Основы рационального питания», «Выбор блюд для обеда, завтрака и ужина», «Порядок приготовления обеда», «Сервировка стола», практически полностью повторяли тексты издания 1939 г.

Серьезной же новацией издания 1952 г. был раздел под названием «Кухня». Впервые данное издание обратилось к этому социальному пространству, при этом следует обратить внимание, что фотографии конструировали образ не кухни в коммунальной квартире, а именно квартиры с индивидуальной кухней. Таким образом, мы видим еще одну мифологему — о скором решении жилищной проблемы в стране.

Сопроводительный текст в первую очередь давал практические советы по поддержанию порядка в кухонном пространстве: хозяйке настоятельно рекомендовалось проводить ежедневную уборку кухонного помещения, тщательно мыть ведро для пищевых отходов

⁸ Касимовский Е. Пять снижений цен // Советская женщина. 1952. Июль-август. С. 3.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 84. Оп. 3. Д. 24. Л. 21.

дов, ежедневно выносить мусор, а раз в неделю производить уборку особо тщательно: «обмести и протереть стены, окна и двери, так как на них оседает много пыли и грязи»¹⁰. При этом для поддержания чистоты рекомендовалось отделать стены керамической плиткой или покрасить масляной краской. В действительности кафель был тогда материалом дефицитным, поэтому в основном в домах были крашенные стены. Людмила Фрейдлин вспоминала, что в моде был так называемый накат, который наносился малярами валиками в виде различных узоров¹¹.

Фотографии формировали образ идеального пространства: на них показана кухня с газовой плитой, шкафами, мойкой с проточным водопроводом и кухонным оборудованием — холодильником. Демонстрировалась современная по тому времени мебель: кухонные навесные шкафы, столы, табуретки. Для многих читателей образ кухни на фотографиях, безусловно, был просто сказкой. Нагревательным приборам был посвящен в книге отдельный подраздел. О достоинствах использования газовой плиты говорилось: «газовая плита наиболее экономична и дает возможность быстро приготовить пищу»¹². Нельзя не согласиться с этими словами. Газификация домов значительно облегчала быт граждан. Людмила Фрейдлин появление в их доме газовой плиты оценивала как «освобождение от печного плена»: «Мы получили отменного качества ленинградскую плиту с легкими “крыльями” по бокам. В тесной кухоньке они были очень кстати, на них можно было ставить кое-какую посуду»¹³.

Данные страницы «Книги о вкусной и здоровой пище» перекликались с другими каналами агитации и пропаганды, формирующими представление о том, что всем гражданам СССР доступно комфортное жилье. Например, журнал «Советская женщина» в 1952 г. в богато иллюстрированной статье каменщика Николая Ольшанова рассказывал о высоких темпах жилищного строительства, фотографии демонстрировали не только новые жилые дома в Москве, Запорожье, Сталинграде, но и интерьеры новых квартир: комнату, ванну с газовой колонкой и кухню с газовой плитой¹⁴.

Однако для многих семей эти фотографии выглядели не более чем красивой картинкой, их быт протекал совсем в других условиях. По данным, которые приводит Е.Ю. Зубкова, через 11 лет после

¹⁰ Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 33.

¹¹ Фрейдлин Л. Указ. соч. С. 21.

¹² Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 36.

¹³ Фрейдлин Л. Указ. соч. С. 39.

¹⁴ Ольшанов Н. Строим для мира // Советская женщина. 1952. Май–июнь. С. 19.

войны, в 1956 г., специальная проверка, проведенная в 85 городах, 13 рабочих поселках и 144 сельских районах Брянской, Великолукской, Калининской, Калужской, Новгородской, Орловской и других областей, подвергшихся оккупации или находившихся в прифронтовой зоне, показала, что 1844 семьи проживали в землянках или полуземлянках, в развалинах зданий проживали 1512 семей, в подвалах и полуподвалах — 3130 семей, в приспособленных нежилых помещениях — 32 555 семей¹⁵.

Даже в Ленинграде, который интенсивно восстанавливался после войны, далеко не все могли мечтать о такой кухне, образ которой был представлен на фотографиях в книге. Например, акты обследования состояния жилищного фонда фиксируют наличие печей в доме и закупку дров и угля на зиму. Например, акт от 19 августа 1953 г. Ленинградского домоуправления Невского РЖУ свидетельствовал, что в порядке подготовки домов к зиме отремонтировано 30 печей и 12 плит, подлежат ремонту 8 печей и 6 плит¹⁶. А в домах, принадлежащих домоуправлению № 30 Невского Райжилуправления, отремонтировано 28 печей, в одном доме нет центрального отопления, в домах имеются холодные уборные¹⁷.

Специфика Ленинграда состояла еще и в том, что город, имевший достаточно большой и разноплановый жилищный фонд, испытывал на себе последствия уплотнения. И порой, даже наблюдая газификацию своего дома, некоторые люди не могли рассчитывать на появление газа непосредственно в их жилых помещениях. Например, женщина, проживавшая на проспекте Обуховской обороны, жаловалась председателю райисполкома, что 20 лет живет в Ленинграде и все эти годы — в подвале: «Сейчас, когда после войны прошло 11 лет, такое большое строительство, обидно проживать в обществе крыс и мышей. В этом подвале я потеряла свое здоровье, но все же последний остаток жизни хочется пожить по-человечески. Кроме того, живя в подвале, я лишена на всю жизнь удобств, которые есть у людей. Проводят в доме газ, но в подвале не положено»¹⁸.

Другой житель города, А. Терентьев, жаловался в газету «Вечерний Ленинград», что весь их дом на Корпусной улице газифицирован, и только в его квартире не сделана подводка к плите. Мастера объясняли это тем, что место для плиты спланировано неудачно, и

¹⁵ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000. С. 55.

¹⁶ Государственный архив Санкт-Петербурга (ГА СПб). Р-2. Оп. 7. Д. 146. Л. 15.

¹⁷ Там же. Л. 28 об.

¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 290. Л. 60 об.

переместить ее отказались¹⁹. И такое письмо в газету было не единственным.

Поэтому для многих жителей нашей страны в то время по-прежнему были актуальными другие нагревательные приборы, о которых в книге упоминалось, но их фотографий не было. Это дровяная плита, керосинка, примус и керогаз. И эти приборы не имели перспектив скорого исчезновения из обихода граждан. Например, жители одного из домов на Морском проспекте, проживающие «сверху», жаловались в Ленжилотдел, что живут в антисанитарных условиях, в помещениях отсутствует кухня, они вынуждены готовить пищу на керосинках в углу, отгороженном за счет комнат фанерной перегородкой, там же находится санузел. Авторы письма просили разрешить выгородить кухню и провести в нее газ. Ответ за подписью зам председателя исполкома Ждановского райсовета депутатов трудящихся был лаконичен: «газифицировать ваши квартиры не представляется возможным из-за отсутствия кухонь»²⁰. А в Рязани среди мероприятий по выполнению плана товарооборота Рязанским горпромторгом в 1954 г. предполагалось открыть два магазина по продаже керосина — на Ленинском проспекте и в Приокском поселке²¹.

В провинции продолжали строить дома, в которых многих благ цивилизации изначально не было предусмотрено. Например, когда в Рязани в 1951–1952 гг. строили для работников Сельскохозяйственного института дом, который вошел в историю как «дом Солженицына», в нем из удобств имелись только холодная вода и канализация. Сам дом был деревянным, в квартире проживало по две семьи²². Были и дома, вообще лишенные канализации. В 1954 г. в городе были 22 лошади, которые перевозили ассенизаторские бочки²³.

Для многих мечтой была не просто отдельная квартира с горячей водой и газом, а хотя бы какие-то нормальные условия жизни. Исследование В.Н. Горлова и С.Н. Артемова показывает, что в подмосковных городах многие рабочие проживали в общежитиях, буквально в антисанитарных условиях: десятки человек в одном запущенном помещении, отсутствие столовых, грязные раковины и туалеты, редкая смена постельного белья и т.п. Продолжительность ожидания квар-

¹⁹ Вечерний Ленинград. 1952. 24 июня. С. 2.

²⁰ ГА СПб. Ф. 1008. Оп. 2. Д. 535. Л. 44-45.

²¹ ГА РО. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 197. Л. 19.

²² Говорит Рязань: истории, радости, детали: сборник воспоминаний рязанцев / Сост. С.Н. Крючкова, М.С. Пилипенко; ред. Е.А. Анисина и др. Рязань. М., 2022. С. 78.

²³ ГА РО. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 188. Л. 30.

тиры составляла в среднем десять лет. Например, почти 25 тыс. человек, работавших на текстильных фабриках города Орехово-Зуево, вынуждены были после войны проживать в 70 общежитиях рабочей молодежи²⁴. Общежития находились в ветхих, разваливающихся бараках дореволюционной постройки. Жилищная проблема особенно остро заставляла ощущать социальное неравенство и формировала чувство обиды на советское государство. «Канализацию не делают, несмотря на обещания. Что же это такое, когда же мы заживем по-человечески. В отдаленных уголках нашей Родины и то люди живут с удобствами, хотя бы элементарными, а мы в 10 км от Москвы живем как дикари, носим помой и нечистоты с 1, 2, 3, 4 и 5 этажей, превращая свои комнаты в уборные», — писали депутату Верховного Совета СССР И.А. Лихачеву жильцы общежития в г. Бабушкин²⁵.

Некоторые граждане, устав бороться с чиновниками и жилищными службами, обращались в самые высокие инстанции. Например, рабочий, проработавший 12 лет на комбинате им. Тельмана в Ленинграде, дважды обращался к депутату Верховного совета СССР К.Е. Ворошилову и жаловался на тяжелые условия проживания: «В комнате 18 метров проживает две семьи. Моя семья занимает 9 метров, проживает три человека. Жить на 9 метров невозможно. Как это все надоело. Каждый день всевозможные ссоры из-за жилищных условий»²⁶. В данной ситуации такое понятие, как «кухня» и приготовление на ней «вкусной и здоровой пищи» в сознании автора письма, очевидно, просто отсутствовало.

В апреле 1951 г. завод «Красногвардеец» в Ленинграде закончил переоборудование квартиры из прачечной на 6-м этаже в доме по ул. Блохина и заселил туда своих рабочих и служащих. Однако до радости от новоселья было далеко: потолки постоянно протекали, а от чердака веяло холодом. После нескольких лет борьбы с местными чиновниками жители написали Н.С. Хрущеву. Весьма показательно выглядит стремление авторов выразить гордость за свою страну и в то же время призыв к руководителям спуститься до бытовых проблем советских граждан: «В настоящее время, когда техника в СССР находится на таком высоком уровне, когда человек вторгается в сферы, которые раньше были достоянием фантазии, когда на службу человеку поставлена атомная энергия и т.п., некоторые организации не могут решить простых задач, касающихся нашего быта, и занимаются лишь отписками. Дорогой Никита Сергеевич!

²⁴ Горлов В.Н., Артёмов С.Н. Проблемы подмосковных общежитий рабочей молодежи в послевоенные годы // История: факты и символы. 2022. № 3 (31). С. 12.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ ГА СПб. Ф. 2. Оп. 7. Д. 290. Л. 36.

Мы знаем, что Вы заняты серьезными государственными делами и Вам некогда рассматривать подобные вопросы, но нас вынуждают обратиться к Вам тяжелые бытовые условия нашей квартиры»²⁷.

Кроме описания помещения кухни раздел «Кухня» в «Книге о вкусной и здоровой пище» представлял и советы по хранению продуктов. Этот раздел ярко отражает новации, которые начали входить в быт советских граждан. Данное издание не рассматривало вариантов хранения больших запасов, мясные и рыбные продукты рекомендовалось приобретать на один-два дня, а сухие продукты — муку, сахар, макароны — на несколько дней. «Холод, как известно, — лучшее средство сохранения продуктов в течение длительного времени», — справедливо утверждало издание. Фотографии и текст представляли два способа сохранения продуктов в новых квартирах. Первое — это шкаф под окном, в котором была тонкая стена и маленькое отверстие, что в холодное время позволяло поддерживать низкую температуру. Такие шкафы получили очень большое распространение во многих домах постройки 1950–1960-х гг., в некоторых городах народ называл их «Европа» (другой вариант «Россия»). Такие шкафы (а у многих они имеются до сих пор) позволяли хранить и в теплое время года консервы, некоторые овощи.

Другая фотография в «Книге...» представляла новинку технического прогресса — холодильник: «Для хранения продуктов в домашних условиях промышленность выпускает небольшие, весьма удобные холодильные шкафы, охлаждаемые при помощи специальной машины, которая работает электричеством»²⁸. Авторы утверждали, что в холодильнике можно хранить двух-трехдневный запас продуктов на семью из 4–5 человек. Одновременно предлагалось использовать специальную морозильную камеру для приготовления льда. Эта камера была невелика, поэтому авторы книги пока не предусматривали практику хранения мясных продуктов долгое время и заготовки мороженых ягод и овощей.

С использованием заморозки продуктов для длительного хранения познакомился А.И. Микоян еще во время своей поездки в США в 1936 г., однако его предложение запустить производство бытовых холодильников для граждан И.В. Сталин тогда не поддержал. Массовое производство холодильников началось только в послевоенное время, когда промышленность, работавшая на войну, стала перестраиваться на мирные рельсы. Однако холодильник был роскошью во всех смыслах слова. Промышленность была не в состоянии быстро удовлетворить массовый спрос. По утверждению Е.П. Луч-

²⁷ Там же. Ф. 1008. Оп. 2. Д. 535. Л. 87–88.

²⁸ Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 35.

киной, к 1962 г. холодильник был менее чем у 5% семей в стране²⁹. Кроме того, это была дорогая покупка, доступная далеко не каждой семье. В 1952 г. газета «Вечерний Ленинград» от 27 мая приглашала читателей в магазин «Пассаж» приобрести холодильники марки ЗИС-Москва, при этом сообщалось, что цена снижена с 3500 до 2500 руб.³⁰ Это была одна из самых популярных марок холодильников, известная своим высоким качеством. Интересно, что некоторые модели этих холодильников выпускались с замком, позволяющим закрыть его на ключ. Условия проживания в коммунальной квартире повлияли и на этот элемент роскоши. Если хозяин смог приобрести холодильник, то явно был в состоянии приобретать и дорогие деликатесы, которые необходимо было спрятать от соседей. Интересно, что современная промышленность и сейчас выпускает холодильники с возможностью установить электронную блокировку двери на определенные часы. Вот так: если раньше закрывали холодильник от соседей, то сейчас от самого себя. Другим объявлением в июне 1953 г. «Вечерний Ленинград» сообщал о начале выпуска холодильников марки «Ленинград», объемом 45 литров³¹. Он был меньше по размеру, одновременно объявление сообщало, что цена на него будет ниже по сравнению с другими марками. Предполагалось, что предприятие будет выпускать по 150 холодильников в месяц. Безусловно, такими темпами невозможно было удовлетворить спрос населения.

С ростом производства стали появляться разнообразные модели холодильников, цены на которые были различны и, соответственно, различной была их доступность. Например, холодильник марки «Ока» в 1959 г. можно было приобрести за 2100 руб., а марки «Украина-70» — за 850 руб., за аналогичную цену реализовывали холодильник «Север»³². Если в Ленинграде горожан приглашали купить холодильник, то в провинции его приходилось доставать. И появление такой техники в семье было источником радости независимо от ее потребительских качеств. Как вспоминает Людмила Фрейдлин: «Техническим чудом воспринимался в нашей коммуналке первый холодильник “Кавказ”, добытый в результате многомесячных переключек, беготни и волнений. Его крошечная морозилка быстро зарастала льдом и требовала частой разморозки. При включении

²⁹ Лучкина Е.П. Бытовая техника как способ отражения повседневной жизни первостроителей Братска // Музеи в культурном пространстве молодых промышленных городов. Материалы II научно-практической конференции. Братск, 2021. С. 35.

³⁰ Вечерний Ленинград. 1952. 27 мая. С. 4.

³¹ Вечерний Ленинград. 1953. 13 июня. С. 2.

³² Антонов А.П., Руднев А.М., Малков И.И. Розничные цены на товары длительного пользования / Под ред. А.Т. Кузнецова и Ш.Я. Турецкого. М., 1959. С. 32–33.

“Кавказ” сотряслся, как в малярном приступе, в нем вибрировали продукты, а мы сладостно улыбались, просыпаясь ночью от этого грюка»³³.

Важной новацией издания был принципиально новый иллюстративный ряд. Он вносил заметный вклад в формирование мифа о зажиточной жизни. В издании 1939 г. в основном были размещены черно-белые фотографии на плотных вкладках с изображением пищевых комбинатов и сценами производства пищевой продукции. В 1952 г. вкладки стали цветными, и теперь на них были изображены красочные фотонатюрморты. Это были и фотографии, представляющие обед на скорую руку из сосисок с гарниром из зеленого горошка, отварных пельменей, консервов. Другие вклейки демонстрировали изображения деликатесов: балык из осетрины, разнообразные сыры, банки с черной осетровой икрой и др. Некоторые вкладки выполняли роль рекламы товаров, производимых предприятиями СССР, например, томатного сока, майонеза, шпрот, сухих завтраков, молочной продукции и др. Кроме цветных вкладок в данном издании присутствовало и много черно-белых фотографий различного плана: это изображения производственного процесса на предприятиях (только эти фотографии были значительно меньше), технологические фотографии, демонстрирующие процесс обработки рыбы или тушки птицы, а также фотографии некоторых готовых блюд. Например, раздел «Выбор блюд для обеда, завтрака и ужина» сопровождался фотографией запеченного молочного поросенка, а раздел «Сервировка стола» — яркой фотографией празднично сервированного стола. В целом издание представляло собой шедевр полиграфической продукции и должно было производить сильное впечатление на читателя.

Основной принцип оформления макета книги остался таким же, как в издании 1939 г.: рецепты располагались по центру страницы, однако примерно 1/4 ее была отведена полям, на которых размещалась различная информация: о продуктах, которые выпускала советская промышленность, варианты меню обеда, советы по технологии приготовления того или иного блюда, рассказывалось о различных фруктах и овощах, которые росли в СССР и за рубежом: инжире, кизиле, ананасах, бананах, фейхоа и др.

А вот структура книги немного изменилась. В частности, информация про сыры и консервы, которая располагалась на полях издания 1939 г., теперь была собрана в соответствующие разделы. Статья про сыры подробно рассказывала о разных видах сыров, ко-

³³ Фрейдлин Л. Указ. соч. С. 39.

которые выпускались советской промышленностью, разъяснялась разница между твердыми и мягкими сырами. Рассказывалось здесь и о деликатесных сырах, в том числе с плесенью. Авторы этого раздела понимали, что некоторые такие сыры непривычны советским потребителям, и поэтому достаточно подробно объясняли, что рокфор с голубой плесенью — это особый деликатесный продукт. Здесь же говорилось, что сыр является хорошей закуской или десертом, которая замечательно сочетается с вином. Однако в СССР сложилась другая практика потребления этого продукта — на завтрак в качестве бутерброда с маслом, а ценителей рокфора было вообще мало за отсутствием его в свободной продаже.

Иначе была представлена и информация про алкогольные напитки. В издании 1939 г. эта информация размещалась в статьях на полях в соответствующих главах: о красном вине в разделе «Мясо», а о белом вине в разделе «Рыба». В новом издании подробная информация о винах была по-прежнему размещена по полям издания, но одновременно появился раздел «О виноградном вине, водке и пиве». Основной мотив текста — реклама потребления вина вместо водки. В этот период отечественная промышленность расширила производство столовых, крепких и десертных вин.

Особое внимание в данном разделе уделялось «Советскому шампанскому» как элитному праздничному напитку. При этом текст подкреплялся ярким визуальным рядом. Фотографии праздничного стола с бутылками шампанского и другими алкогольными напитками были размещены на форзацах книги, имелись и отдельные фотографии в тексте с красивыми натюрмортом с бутылкой шампанского и тарелкой фруктов. Цветные наклейки также красочно изображали продукцию винных заводов, а на отдельной вкладке бутылка пива демонстрировалась в купе с тарелкой с парой сосисок и зеленым горошком.

Алкогольные напитки широко рекламировались в советской прессе. Например, газета «Вечерний Ленинград» регулярно размещала плакаты с призывом покупать шампанское. Причем в течение 1952–1953 гг. эти плакаты неоднократно менялись, как в изобразительном плане, так в текстовом: «“Советское шампанское” украшает стол!»³⁴; «Советское шампанское — лучшее виноградное вино!»³⁵; «В “Советском шампанском” гармонично сочетаются тонкий аромат, прекрасный вкус!»³⁶. Более того, реклама пыталась сделать акцент на эстетические качества напитка и даже на его полезные свойства:

³⁴ Вечерний Ленинград. 1952. 1 января. С. 4.

³⁵ Там же. 29 апреля. С. 4.

³⁶ Там же. 28 октября. С. 4.

«Налитое в бокалы шампанское искрится, пенится, играет»³⁷; «Советское шампанское» содержит виноградный сахар, кислоты, железо, фосфор и другие вещества, ценные для организма»³⁸.

Следует отметить, что в СМИ широко рекламировалось не только шампанское. В газете «Вечерний Ленинград» регулярно появлялись плакаты, призывающие покупать продукцию завода «Арарат» — марочные и ординарные вина и коньяки. Одновременно усиливалась реклама пива, которая также распространялась на страницах периодики. Кроме того, принимались различные меры к повышению продаж этого напитка. Например, в Ленинграде предполагалось открыть в 1953–1954 гг. 10 пивных залов во вновь строящихся домах³⁹.

Наверное, неслучайно издательство пищевой промышленности ответило отказом польскому инженеру Я.Л. Цесляку на его предложение издать в СССР «Производство плодовых вин, водок, ликеров и коктейлей в домашних условиях»: «К сожалению мы не можем воспользоваться этим предложением, т.к. наше издательство должно будет выпускать техническую литературу только для работников промышленных предприятий»⁴⁰. Представляется, что необходимость обеспечивать предприятия технической литературой здесь было вторично, первично же было именно не допустить производства алкоголя в домашних условиях и обеспечить покупку казенной продукции.

Ликероводочные заводы постоянно расширяли производство своей продукции. Например, на Ленинградском ликерно-водочном заводе в качестве плана ставилась задача увеличить в 1954 г. ассортимент цветных водочных изделий примерно на 8 наименований⁴¹. Росло, однако, потребление именно водочной продукции. Например, и.о. директора Ленинградского ликерно-водочного завода Бартуля докладывал председателю горкома КПСС тов. Черняеву: «Спрос населения на изделия нашего завода из года в год растет. За годом было реализовано водки и водочных изделий в 1950 году 2.437 тыс. дкл (декалитров. — О.П.), в 1951 г. — 2.967 тыс. дкл и в 1952 г. — 3.369 тыс. дкл.»⁴².

Собственно такое стимулирование потребления алкогольной продукции ставило такую же цель, что и в довоенное время — уве-

³⁷ Там же. 1953. 13 февраля. С. 4.

³⁸ Там же. 6 апреля. С. 4.

³⁹ ГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 653. Л. 23.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 9659. Оп. 1. Д. 132. Л. 40.

⁴¹ ГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 653. Л. 4.

⁴² Там же. Л. 3.

личить поступление средств населения в бюджет страны. Бутылка водки в начале 1950-х гг. стоила 40 руб. 50 коп.⁴³

В части непосредственно рецептов содержание книги также было доработано. За основу были взяты рецепты, которые присутствовали в издании 1939 г., однако были добавлены и новые блюда. Безусловно, можно проследить определенное влияние военного времени, когда было обращено внимание на необычные для нашей страны рецепты. Однако следует отметить, что способы приготовления еды голодного времени остались в прошлом.

Были переработаны технические разделы с советами по разделке мяса, рыбы, птицы. Рисованные иллюстрации заменены фотографиями. Особенно обращает на себя внимание раздел по обработке птицы. Здесь содержались советы по разделке не только кур, уток и гусей, но и тетеревов, рябчиков и фазанов. Кроме того, здесь же описывался весь технологический процесс обработки тушки птицы от ощипывания и потрошения до разрубки тушки на куски. Например, рекомендовалось при ощипывании птицы «кожу растягивать возможно сильнее пальцами левой руки, разрывы портят внешний вид птицы и способствуют высыханию при обжаривании»⁴⁴. Отдельные разделанные части курицы, как это выпускает современная промышленность, тогда купить было невозможно. И соответственно все рецепты касались только целой, неощипанной тушки курицы или гуся.

Так же, как и в издании 1939 г., в новом издании присутствовал большой разброс рецептов — от простых и доступных до деликатесных. Например, в разделе «Закуски» икре из свеклы, грибов, закуске из сельди противостояли блюда из осетрины, устриц, ветчины, буженины, заливного поросенка. В разделе «Рыба» приводились рецепты из севрюги, белуги, осетрины, в разделе «Мясо» большое место было отведено блюдам из первосортного мяса: жаренный поросенок, шашлык, шницель. В то же время предлагалось много блюд из овощей: котлеты овощные, котлеты морковные, картофельные пирожки с грибами. В разделах, посвященных блюдам из крупы и макарон, было много рецептов запеканок, крупяных биточков, т.е. блюд из доступных и простых продуктов.

Некоторые разделы были расширены, туда были добавлены новые рецепты. В частности, в разделе «Супы» появились новые варианты приготовления первых блюд. Например, издание 1939 г.

⁴³ Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2004. С. 338.

⁴⁴ Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952. С. 185.

представляло только два рецепта борща: мясной и грибной. В новом варианте появились борщ летний, борщ украинский, грибной борщ с черносливом. Значительно был расширен раздел молочных супов, кроме известной молочной лапши и молочного супа с рисом читатели 1952 г. могли попробовать молочный суп с клецками, с овсяными хлопьями. И появился новый подраздел супов: супы из ягод и фруктов. В прежнем издании было только пять таких рецептов, и они шли под названием «Холодные супы». В новом же издании в разделе «Холодные супы» и «Супы из ягод и фруктов» было помещено 18 рецептов. Был расширен раздел «Блюда из фасоли, гороха чечевицы». В него были добавлены блюда из фасоли, появились блюда из тушеной чечевицы. Много новых рецептов появилось в разделе «Тесто» и разделе сладких блюд: новые рецепты выпечки и начинки. На этот раздел повлияли и изменившиеся в годы Великой Отечественной войны отношения государства с церковью: появилось два рецепта кулича — именно под таким названием, а не «кекс». Кроме того, были добавлены рецепты тортов, пирожных, а также способы приготовления кремов из масла, сливок. Эти рецепты позволяли сделать стол торжественно-праздничным.

Таким образом, «Книга о вкусной и здоровой пище» создавала образ сытой и достаточной жизни, в которой хозяйка без труда может сделать выбор, что подать к столу. Этот образ поддерживала и реклама, которая массово распространялась на страницах некоторых изданий. Например, «Вечерний Ленинград» в 1952–1953 гг. регулярно размещал призывы покупать продукцию Ленинградского мясокомбината им. С.М. Кирова, сыры различных сортов, икру осетровых рыб, крабы и др. Кроме рекламы работали и другие каналы массовой коммуникации. Например, очень показательна публикация на страницах журнала «Советская женщина» под названием «Воскресный обед». В ней был красочно показан выходной день рабочей Трехгорной мануфактуры Нины Яковлены Авериной. Статья подробно, шаг за шагом рассказывала о том, как женщина утром после уборки квартиры совершает поход на рынок за свежими овощами и затем легко справляется с приготовлением весьма обширного воскресного обеда: закуска из сельди с винегретом, пироги, суп из белых грибов, тушеное мясо, компот. По утверждению авторов статьи, такой обед был приготовлен к двум часам дня. Отмечалось, что праздничный обед в этой семье обязателен для каждого воскресенья. Статья завершалась словами: «В хорошо оборудованной кухне, где есть газ, мусоропровод, горячая и холодная вода, можно легко готовить кушанья, особенно когда тебе помо-

гает дружная семья»⁴⁵. Репортаж сопровождался фотографиями, которые показывали хозяйку на рынке, у газовой плиты, у нарядно сервированного стола.

Однако миф о сытой, зажиточной жизни разбивался о реалии плановой экономики: разнообразие возможных блюд на столе большинства советских граждан было иллюзией. Например, цветные вклейки в «Книге о вкусной и здоровой пище» демонстрировали яркие фотографии различных блюд: запеченой курицы, выпечки, готовых полуфабрикатов. Не так просто было купить все эти продукты, о которых повествовали «Книга...» и советская периодика. Дефицитом был даже такой простой в производстве напиток, как пиво.

Так, летом 1950 г. директор Пинского межрайторга тов. Голубенко жаловался в газету «Правда» на неудовлетворительное снабжение города Пинска пивом. Не будем в данном случае заострять внимание на самом напитке. Здесь любопытно другое. Переписка в стенах Министерства пищевой промышленности показала, что в Пинск, который находится в Белоруссии, «ввиду недостаточности ресурсов пива, вырабатываемого предприятиями Белорусской ССР для удовлетворения потребности республики в летнее время [был], установлен дополнительный завод пива в Белорусскую ССР из гор. Ленинграда и Литовской ССР». Но данный продукт не был доставлен по назначению из-за проблем на железной дороге⁴⁶. То есть доставлять напиток, который вполне мог быть произведен на месте, предполагалось за сотни километров. Также жители города Гусь-Хрустальный жаловались в газету «Правда» в 1950 г., что в городе выстроен пивоваренный завод, но он не работает из-за нехватки сырья. Как писали авторы письма: «В эти жаркие дни пиво не будет производиться и вместо пользы завод будет приносить большой ущерб государству, а главное — это рабочие стекольщики будут летом без пива. Все рабочие стекольщики просим Вас принять немедленные меры и исправить положение дел и обеспечить нас доброкачественным пивом»⁴⁷.

Также весьма привлекательными в книге были вкладки с изображением дорогих сортов рыбы, черной икры, консервов. Однако опять же во многих городах граждане могли только смотреть на эти картинки, в магазинах была совсем другая картина. В Рязани, как отмечают документы горисполкома за 1953 г., город недополу-

⁴⁵ Воскресный обед // Советская женщина. 1954. Ноябрь. С. 47.

⁴⁶ Государственный архив экономики (ГАЭ). Ф. 8543. Оп. 1. Д. 1853. Л. 233.

⁴⁷ Там же. Л. 41.

чил 96 тонн рыбы, рыбных консервов 2 тыс. тонн, самой рыбой был очень узкий ассортимент: тюлька, салака, хамса⁴⁸. Воспоминания же Л. Фрейдлин свидетельствуют, что жители Ростова-на-Дону в 1950-е гг. вполне могли попробовать блюда из дорогих сортов рыб, но хорошую рыбу можно было купить исключительно на базаре. А в фирменном рыбном магазине на ул. Энгельса в наличии был только мороженный хек или камбала, и то надо было отстоять очередь⁴⁹. Очереди были за всем, что едят, что надевают. Очереди были за хлебом, сахаром, мукой макаронами. Основной ресурс продуктов — это был рынок. По словам того же автора: «Ехать куда-то за покупками смысла не было — везде одни и те же очереди. В очередях прошла большая часть нашей жизни. Очень часто, отстояв часа три, уходили нисчем»⁵⁰. Из сладостей послевоенного детства автор этих воспоминаний помнит только мамины пироги, а фантики от конфет, в основном карамели, собирали на улице, и это был предмет коллекционирования.

Уже в этот период начали складываться предпосылки для продовольственной проблемы, корни которой лежали в плановой экономике. Даже в крупных городах, которые снабжались очень хорошо, возможность приобрести продукты была различной. В этом аспекте очень показателен эпизод с совещания торговых работников по обмену опытом (секции продовольственных товаров) 21 января 1955 г. в Ленинграде. На заседании обсуждался доклад т. Ивановой, главного товароведа Ленинградской конторы «Гастроном», в котором докладчик рассказывала о механизмах воздействия на поставщиков продукции. Среди прочих мер, предпринятых в Гастрономе № 1 (бывший знаменитый Елисейевский магазин), в колбасном отделе был установлен электрифицированный щит, на котором высвечивались наименование товара и его цена за 100 граммов. Первоначально после его появления щит показывал 26 наименований товара, в магазин пригласили представителей мясокомбината, Мясомясло-торга. После этого «Гастроном» стал снабжаться в первую очередь, на 5-й базе было выделено специальное место с надписью «товар для магазина № 1 Гастроном». В результате ассортимент возрос до 56 наименований⁵¹. Очень интересно обсуждение доклада. Некоторые выступающие прямо указали, что такое «ноу хау» Гастронома № 1 привело к урезанию фондов у других магазинов. Т. Чайковский,

⁴⁸ ГА РО. Ф. Р-6. Оп. 2 Д. 120. Л. 17.

⁴⁹ Фрейдлин Л. Указ. соч. С. 20.

⁵⁰ Там же. С. 22.

⁵¹ ГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 716. Л. 18.

представитель мясокомбината, подчеркнул, что фонды магазина составляли 1,8 тонн колбасных изделий, после появления такой выставки Гастроному № 1 стали опускать около 3 тонн, т.е. сняли с фондов других магазинов и передали туда. Об этом говорила тов. Витковская, главный товаровед Октябрьского райпищеторга: «Если для сети “Гастронома” не хватает товара на все магазины, то что же остается нам? Нам ведь ничего не дают»⁵².

В этом же докладе прозвучал еще один любопытней эпизод. Иванова рассказала, что ей пришлось применять различные меры воздействия на производителей кондитерских изделий, вплоть до публикации статей в газете «Ленинградская правда». Она буквально уговаривала коммерческого директора кондитерской фабрики им. Крупской т. Шестака организовать выставку-продажу всех кондитерских изделий с целью изучения покупательского спроса. Это говорит о том, что сам производитель не был заинтересован в сбыте своей продукции⁵³.

Еще один характерный пример: газета «Советская Латвия» в июле 1952 г. опубликовала жалобу потребителя о том, что в магазине «Диетические продукты» нет этих самых диетических продуктов: в рыбном отделе продается в основном селедка и сушеная вобла, нет в продаже свежей рыбы, нет виноградных вин, сока, лесной дичи, обезжиренных сыров, яиц, масла. По указанию заместителя министра пищевой промышленности СССР поставка продуктов в данный магазин была усилена⁵⁴. Таким образом, уже началось формирование зависимости полноты прилавка магазинов от доступа к административному ресурсу.

В Рязани в 1953 г. в продаже практически не было растительного подсолнечного масла, а имеющиеся сорта масла (арахисовое, соевое и кунжутное) не пользовались спросом населения, узок был выбор круп⁵⁵. Накануне выборов народных судей, 12 декабря 1954 г., рязанский мясокомбинат был вынужден выпрашивать у Облторгоотдела дополнительно 34 тонны мяса и 2,9 тонны колбасы для поставки в буфеты и торговые точки на избирательных участках⁵⁶.

При этом проявлялась еще одна проблема доступности продуктов: не все товары были по карману жителям послевоенного СССР. Та же Л. Фрейдлин вспоминает, что в начале 1950-х гг. в магазинах

⁵² Там же. Л. 25.

⁵³ Там же. Л. 9.

⁵⁴ ГАЭ. Ф. 8543. Оп. 1 Д. 2356. Л. 27.

⁵⁵ ГА РО. Ф. Р-6. Оп. 2 Д. 120. Л. 17.

⁵⁶ Там же. Д. 197. Л. 116.

стали появляться колбасы и охотничьи сосиски: «Дорогушие они были — два рубля 90 коп. Мы их никогда не брали»⁵⁷.

Не менее яркие в этом плане воспоминания рязанки Нины Семёновны Анциперовой, 1946 г. рождения: «Мы не были избалованными, у нас не стояли конфеты или печенье коробочками или пакетами. И мороженое мне и моей сестре бабушка покупала фруктовое за пять копеек только тогда, когда получала пенсию. Очень редко»⁵⁸.

Таким образом, издание «Книги о вкусной и здоровой пище» 1952 г. продолжало, как и предыдущее, играть важную роль в идеологии и пропаганде. В 1939 г. основная задача была — простимулировать покупательский спрос для наполнения бюджета страны. Эта же задача ставилась и в послевоенные годы. Поэтому в книге большое внимание уделялось рекламе таких дорогих товаров, как шампанское, деликатесы. Появление их хотя бы редко, на праздничном столе, создавало в сознании граждан представление о приближении сытой жизни.

В то же время более ярко по сравнению с 1939 г. оформилась идеологическая функция данного издания. Красочные иллюстрации создавали миф о наступающей счастливой и сытой жизни, составляющим элементом которого было представление о продовольственном изобилии. Причем этот миф усиливался противопоставлением «двух миров»: советским гражданам стали доступны продукты, которые в капиталистическом мире могли быть потребляемы только представителями имущих слоев. Кроме этого, в 1952 г. советское мифотворчество дополнялось еще и образом удобной и светлой квартиры, ростом технического прогресса в быту (газовые плиты, холодильники). Эти образы должны были создать представление о раскрепощении женщины от тяжелого домашнего труда. На практике многие читатели могли только мечтать об отдельной квартире, продолжали жить в коммуналке или в общежитии и, разглядывая яркие иллюстрации, читая рецепты, только по описанию представляли вкус некоторых блюд и необычных продуктов.

References

Freydlin L. *Tsarstvo, gde nikto ne umirayet* [A Realm Where Nobody Dies]. Rostov-na-Donu: Bulat, 2010. 103 p.

Gorlov V.N., Artomov S.N. *Problemy podmoskovnykh obshchezhitiy rabochey molodezhi v poslevoyennyye gody* [Problems of Suburban Dormitories of the Working Youth in the Post-War Years] // *Istoriya: fakty i simvolyy*. 2022. N 3 (31). P. 7–18.

⁵⁷ Фрейдлин Л. Указ. соч. С. 18.

⁵⁸ Говорит Рязань: истории, радости, детали ... С. 78, 85.

Khasbulatova O.A. *Tekhnologii sozdaniya mifa o ravnopravii polov: sovetskiye praktiki* [Technologies for Creating the Myth of Gender Equality: Soviet Practices] // *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [A Woman in Russian Society]. 2018. N 4 (89). P. 49–59.

Luchkina E.P. *Bytovaya tekhnika kak sposob otrazheniya povsednevnoy zhizni pervostroiteley Bratska* [Household Appliances as a Way of Reflecting the Daily Life of the First Builders of Bratsk] // *Muzei v kul'turnom prostranstve molodykh industrial'nykh gorodov. Materialy II nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Museums in the Cultural Space of Young Industrial Cities. Acta of the Second Scientific and Practical Conference]. Bratsk: Poligraf, 2021. P. 32–37.

Veseliye Rusi. XX vek. Gradus noveyshey rossiyskoy istorii: ot "p'yanogo byudzheta" do "sukhogo zakona" [Making Good Cheer in Rus'. Twentieth Century. The Degree of the Contemporary Russian History: From the "Drunken Budget" to the "Dry Law"]. Moscow: Probel-2000, 2007. 476 p.

Zubkova E. Yu. *Poslevoynnoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 230 p.

Поступила в редакцию
24 октября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-118-128

В.А. Ахмадуллин

**ГОСУДАРСТВЕННО-МУСУЛЬМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В СССР И ВЫВОДЫ ИНОСТРАНЦЕВ О СОВЕТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ: АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ,
ОБНАРУЖЕННЫХ В 2022 Г.**

V.A. Akhmadullin

**THE RELATIONS BETWEEN THE STATE AND MUSLIMS
IN THE USSR AND FOREIGNERS' CONCLUSIONS ABOUT
THE SOVIET STATE: ANALYSIS OF DOCUMENTS
DISCOVERED IN 2022**

Аннотация. В последние годы появилась возможность введения в научный оборот рассекреченных документов высших государственно-политических органов, общественных организаций и духовных управлений мусульман, неизвестных широкой научной общественности. Это позволяет проанализировать формы и методы деятельности Советского государства по строительству отношений с мусульманами, выявить направления, принципы и особенности работы государственных и общественных организаций в этом направлении. Характерной чертой религиозной политики в конце 1960-х гг., одним из трансляторов которой был Совет по делам религий при Совете министров СССР, образованный в декабре 1965 г., являлось создание картины полного благополучия религиозной жизни и религиозных организаций в стране. Одним из проявлений демонстрации такого успешного состояния мусульманских организаций был показ всему миру, что советские мусульмане имеют возможность, как и их единоверцы из других государств, выезжать на хадж в Саудовскую Аравию. Совершенно очевидно, что количество выезжавших из СССР было чрезвычайно мало и существовала огромная диспропорция не только между ними и числом желавших совершить хадж мусульман, но и числом заявлений, которые

Ахмадуллин Вячеслав Абдулович, доктор исторических наук, профессор Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, старший научный сотрудник Болгарской исламской академии (Республика Татарстан)

Akhmadullin Vyacheslav Abdulovich, Doctor of History, Professor, Department of the Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation; Senior Researcher, Bulgarian Islamic Academy (Republic of Tatarstan)

slavaah@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4441-2384

поступали организаторам выезда — органам власти, в том числе Совету по делам религий. При этом руководители духовных управлений мусульман имели возможность выезжать на хадж по несколько раз, что отражало политику государства в данном вопросе. Анализ архивных документов, обнаруженных в 2022 г., показал отношение к мусульманам, совершавшим хадж, сразу с нескольких сторон: со стороны советского государства, простых мусульман СССР, органов власти и мусульман тех государств, которые посещали советские паломники в ходе своего путешествия, например — Судана и Египта. Весьма показательным выглядит и отношение к советским паломникам со стороны жителей Королевства — от простых людей и заканчивая представителями власти, в том числе и со стороны короля Саудовской Аравии.

Ключевые слова: хадж, духовные управления мусульман, муфтий, паломник, Совет по делам религий, Саудовская Аравия.

Abstract. Recent years have seen the possibility of introducing into scientific circulation declassified documents of the highest state and political bodies, public organizations, and the spiritual directorates of Muslims, which until now were unknown in wide circles. They allow us to examine the forms and methods of activity of the Soviet state in building relationships with Muslims and to identify the directions, principles, and features of the work of state and public organizations in this sphere. A characteristic feature of religious policy in the late 1960s, one of the main conductors of which was the Council for Religious Affairs under the USSR Council of Ministers, established in December 1965, was the creation of a picture of the harmony of religious life and prosperity of religious organizations in the country. The Soviet Union demonstrated to the world that Soviet Muslims, like their co-religionists from other states, could go on Hajj to Saudi Arabia. The quantity of Hajj travelers from the USSR was extremely small and there was a huge disproportion not only between them and the number of Muslims who wanted to perform Hajj but also between the number of applications received by the organizers of the Hajj and the authorities, including the Council for Religious Affairs. At the same time, the heads of Muslim spiritual administrations could travel to Hajj several times. Analysis of archival documents discovered in 2022 showed the attitude to Muslims who made the Hajj from several angles: from the Soviet state, ordinary Muslims of the USSR, the authorities and Muslims of the countries visited by Soviet pilgrims during their journey, such as Sudan and Egypt. Very revealing is the attitude towards the Soviet pilgrims from the inhabitants of the Kingdom of Saudi Arabia, ranging from ordinary people to the authorities, including the king.

Keywords: Hajj, Muslim spiritual directorates, Mufti, pilgrim, Council for Religious Affairs, Saudi Arabia.

* * *

Проблемы свободы совести в СССР, в том числе различные аспекты государственно-мусульманских отношений, остаются в центре внимания значительного числа исследователей, в том числе на Западе. Наиболее яркими примерами служат книги Д. Мотаделя

и А. Кейн¹, которые выдержали несколько переизданий, что связано с высоким интересом специалистов и широкого круга читателей Европы и Америки. Переводные варианты этих книг, несмотря на их значительные недостатки, связанные прежде всего с бедной архивной базой и слабой аналитикой, наполняют полки магазинов и библиотек России. На этом фоне, к сожалению, почти незамеченными остаются работы, которые открывают значительный массив ранее неизвестных архивных документов и сопровождают их глубокими, оригинальными выводами. К таковым относится, например, труд В.Ю. Башкуева о политике молодого Советского государства на Ближнем Востоке, в том числе при опоре на ислам и мусульман в 1920-х — начале 1930-х гг., включая использование хаджа для продвижения своих интересов в этом регионе².

Представители Запада и Востока, посещавшие СССР или встречавшиеся с его гражданами в своих государствах — политики, деятели культуры, представители СМИ, традиционно проявляли высокий, имеющий практическую составляющую интерес к различным сторонам жизни советских мусульман. Одним из таких сторон был хадж и его различные аспекты: возможности по его выполнению, количество выезжающих, деятельность руководства духовных управлений мусульман (ДУМ), отношение властных структур и т.д. Например, 23 июня 1967 г. Духовное управление Средней Азии и Казахстана (САДУМ, г. Ташкент) посетила социолог и корреспондент газеты “New York Times” Шарлотта Куртис. Гостью был устроен прием у председателя САДУМ муфтия З. Бабаханова. Среди прочего она интересовалась тем, как решается проблема выезда из СССР на хадж. К сожалению, в записи беседы не указано, что отвечал на вопросы председатель одного из четырех духовных управлений мусульман³.

Чуть более чем через месяц, 28 июля 1967 г., в резиденции САДУМ встречали многочисленную делегацию — 82 туристов из США. Для них также была организована встреча с муфтием З. Бабахановым. Задавая вопросы и жизни в СССР, они попытались выяснить возможности для мусульман выезда в Мекку и Медину. Председатель САДУМ сообщил иностранцам, что он сам пять раз выезжал на хадж⁴.

¹ Мотадель Д. Ислам в политике нацистской Германии (1939–1945) / Пер. с англ. А. Космарского; под науч. редакцией А. Захарова. М., 2020; Кейн А. Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку / Пер. с англ. Р. Ибатуллина. М., 2021.

² Башкуев В.Ю. «Мягкая сила» советской медицины на зарубежном Востоке. 1920-е — 1940-е гг. / Науч. ред. П.Э. Ратманов. Хабаровск, 2021.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 126. Л. 100–101.

⁴ Там же. Л. 105–106.

Анализ этого ответа позволяет сделать несколько выводов: миф-тий, понимая возможные последствия прямого ответа, не мог говорить о том, что количество выезжающих резко диспропорционально не только по отношению с числом желающих, но и числом заявлений, поступающих организаторам выезда — органам власти, включая Совет по делам религий при Совете Министров СССР (СДР) и ДУМ. Сосредоточив внимание туристов на своих собственных выездах, З. Бабаханов таким образом показал, что в СССР не существует тотального запрета на выполнение этого столпа ислама, обязательного для каждого мусульманина. Безусловно, многократные выезды на хадж некоторых советских мусульман, прежде всего руководящего состава ДУМ, абсолютно точно отражали качество государственно-мусульманских отношений, показывали невысокий уровень возможностей для простых мусульман выполнить исламский долг. Эта ситуация конечно же не находила освещения в советских СМИ.

Фактически с первых дней создания (осенью 1943 г.) САДУМ неизменно находилось на первом месте, среди еще трех ДУМ, как по количеству выезжающих на хадж, так и по числу посетителей-иностранцев — от рядовых туристов до влиятельных политиков и общественных деятелей. Осенью 1967 г. САДУМ посетили несколько делегаций по линии ООН. Например, 8 сентября здесь побывали представители ООН, изучающие опыт мелиорации. Группу из 25 человек принял заместитель председателя САДУМ И.М. Саттиев. Он рассказал о деятельности САДУМ и ответил на вопросы. Одним из них касался возможности советских мусульман совершить хадж, в том числе — количества паломников по годам. И.М. Саттиев ответил: «Каждый желающий мусульманин подает заявление о своем желании поехать в Мекку. Потом мы представляем эти заявления в соответствующее учреждение. После оформления документов поедут в Мекку. Каждый год отправляем около 20 человек». В записи беседы сделано важное пояснение: «Слушая этот ответ, представитель Судана покачал головой, выражая свое неудовлетворение за малое количество паломников»⁵.

Без сомнения, внесение в запись беседы реакции суданского гражданина является показательным по двум причинам. Во-первых, до властей была доведена информация о том, что часть зарубежных граждан не верит в демонстрируемую иностранцам картину благополучия в отношениях между Советским государством и верующими. Во-вторых, возможно, это был призыв к властям со стороны подписантов справки, функционеров САДУМ И.М. Саттиева и от-

⁵ Там же. Л. 197–200.

ветственного секретаря управления А. Мавланкулова, изменить ситуацию в лучшую сторону — увеличить квоту выезжающих на хадж.

Уже на другой день, 9 сентября 1967 г., САДУМ посетили участники семинара ООН по ознакомлению с опытом СССР в области финансирования экономического развития. Эта делегация также состояла из 25 человек. Большинство из них являлись гражданами государств Африки. Во время беседы гость из Нигерии спросил о возможностях советских мусульман совершать хадж. Муфтий З. Бабаханов ответил крайне лаконично, не называя конкретных статистических данных: «По мере возможности и наши мусульмане совершают паломничество»⁶. Через неделю, 16 сентября 1967 г., САДУМ посетила делегация ученых из Исламской Республики Пакистан (ИРП) во главе с президентом Академии наук этого государства, ректором университета в Равалпинди (столица Пакистана в 1959–1969 гг.) Мухаммадом Радиитдином Сиддики. Во время беседы председатель САДУМ З. Бабаханов рассказал гостям об истории отношений мусульман Средней Азии с единоверцами из Пакистана, их поездках по СССР в 1957 г. по приглашению САДУМ. Напомнил он и о представительной делегации мусульманского духовенства ИРП во главе с Абдул Хамедом аль-Бадаюни, и о поездках в Пакистан заместителя председателя САДУМ И.М. Саттиева для участия в международной исламской конференции в Лахоре, заведующего Отделом связи с зарубежными странами Ю. Шакирова для участия в 1967 г. в конференции чтецов Корана и т.д. В ходе беседы гости задавали вопросы о жизни мусульман в СССР, в том числе касающихся совершения ими хаджа. З. Бабаханов почти дословно воспроизвел ответ, данный 9 сентября участникам семинара ООН: «По мере наших возможностей, не очень много, каждый год 15–20 человек»⁷.

Изучение архивных документов показывает стабильное однообразие ответов руководителей САДУМ на вопросы иностранцев о религиозной политике СССР, в том числе о возможностях осуществить хадж. Например, 13 октября 1967 г. САДУМ посетила весьма представительная группа политических и культурных деятелей из Республики Индонезия. В ходе беседы с принявшим их заместителем председателя САДУМ И.М. Саттиевым поднимались разные вопросы, касающиеся жизни мусульман в СССР. Джое Промоте, полковник Сухопутных сил, заместитель директора Телеграфного агентства информации Вооруженных сил, главный редактор газеты «Вооруженные силы», член парламента и парламентской комиссии по Вооруженным силам и иностранным делам, преподаватель уни-

⁶ Там же. Л. 167–172.

⁷ Там же.

верситета имени профессора Мустафы, задал вопрос: «Совершают ли советские мусульмане паломничества в Мекку и в каком количестве?». И.М. Саттиев ответил стандартной фразой: «Да, ежегодно группа советских паломников совершают поездку в Мекку для выполнения паломнических обрядов. В этом году паломников возглавлял я, и, будучи в Мекке, встретился с индонезийскими братьями по вере». В записи беседы зафиксирован важный факт, который ясно расставляет акценты в поведении заместителя председателя САДУМ и виденье им перспектив продолжения этого «опасного» разговора: после своего ответа он сразу ушел в мечеть, сославшись на необходимость проведения проповеди⁸.

Очередная группа гостей, состоящая из представителей профсоюзов Пакистана, Индонезии, Цейлона и Сингапура, посетила САДУМ 25 октября 1967 г. Делегация была принята заведующим Отделом связи с зарубежными странами Ю. Шакировым. Во время беседы гости задали ему вопрос, который стал уже стандартным, — о возможностях мусульман СССР совершать хадж. Ю. Шакиров, не раскрывая деталей, ответил обтекаемо: «Да, ездят. Каждый год группа мусульман из Советского Средней Азии совершает паломничество в Мекку»⁹.

Очередную группу советских мусульман, отправившуюся на хадж 28 февраля 1968 г., возглавлял представитель Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) Камал Садреевич Баширов. Группа из 21 человека вылетела из аэропорта Шереметьево в 20:00 на самолете Ил-18 по маршруту Москва–Каир–Хартум. Самолет приземлился в Судане в 5:00 29 февраля. В аэропорту Хартума их встречали советский консул В.Г. Набиев, представители министерства просвещения Судана и казията. Суданская сторона, несмотря на то что советские граждане должны были выезжать в 15:00, устроила насыщенную программу. Паломники по приглашению казията нанесли визит временно исполняющему обязанности судьи Судана, затем посетили одну из мечетей и осмотрели город. В отчете К.С. Баширова даны несколько важных подробностей. Например, в Хартуме каждый паломник заплатил за визу Королевства Саудовская Аравия (КСА) \$24,45, всего чуть более \$513. На таможне в Джидде группу подвергли тщательному личному обыску и досмотру багажа. Безусловно, это было связано со скандалом, случившемся в 1965 г., когда три паломника из УзССР попытались ввезти в КСА опиум. За это их подвергли суду шариата и посадили в тюрьму. Но спустя несколько дней, по окончании мероприятий

⁸ Там же. Д. 127. Л. 34–40.

⁹ Там же. Л. 50–53.

хаджа, их отпустили, и они со всей группой благополучно вернулись в СССР. На этот раз у группы изъяли магнитофонные ленты с музыкой, письма, альбомы «Исторические памятники Ислама в СССР» и альбомы с видами Москвы¹⁰.

После уплаты пошлины за въезд в Мекку (1764 саудовских реала, т.е. около \$470) и оформления документов группа на автобусе отправилась к цели паломничества. В пути следования автобус останавливали на четырех контрольных пунктах для проверки паспортов. К вечеру 1 марта группа приехала в Мекку, разместилась возле Запретной мечети и сразу отправились в нее для совершения обрядов. Как и в предыдущие годы, советских граждан посещали родственники, земляки и знакомые. Некоторые из них, рассказывая о своем положении в стране, отмечали, что эмигрантов из СССР не принимают на работу в государственные учреждения, поэтому большинство из них занимается торговлей. Часть выходцев из СССР не решались на такие встречи из-за того, что за ними был установлен контроль, и они опасались за свое будущее. Старший группы советских паломников К.С. Баширов в докладе привел конкретный случай: в 1962 г. группа паломников из СССР посетила в городе Тамф квартиру военнослужащего армии КСА Абдулло Фатхутдинова. После этого визита А. Фатхутдинов был уволен из армии и выселен из Таифа вглубь страны, в город Риаз. За общение с советскими паломниками также были лишены пособий Мухамед Махдум Туркестани и Мухтар Махдум. Тем не менее, группа посетила также дом одного из эмигрантов, торговца предметами религиозного культа Мухамеда Хана Махдума, так как в составе группы был его племянник Вахабов¹¹.

Советская группа провела в Мекке ряд встреч с отдельными паломниками из Турции, США, Афганистана и Финляндии. Делегация хаджиев из Финляндии состояла из 7 человек. Их возглавлял председатель мутаваллиата Осман Али. В составе финских паломников были 5 человек, которые в 1966 г. приезжали в СССР по приглашению ДУМЕС и САДУМ.

С 7 марта по 9 марта 1968 г. группа совершала религиозные обряды на горе Арафат, в Муздамеде и Мино. Надо отметить, что паломники в качестве курбана купили три коровы, которые были принесены в жертву в Мекке. После жертвоприношения члены группы повторно совершили ритуальные обряды в Запретной мечети, переоделись в обычную одежду и возвратились в Мино. Затем они приняли участие в еще одном важном мероприятии — 10 марта они посетили в Мино резиденцию короля Фейсала ибн Абдель Азиза

¹⁰ Там же. Оп. 6. Д. 196. Л. 12–17.

¹¹ Там же. Л. 13–14.

ас-Сауда. Глава советских хаджиев К.С. Баширов выступил с речью, которая транслировалась по каналам радио и телевидения. От имени делегации королю был преподнесен подарок — ковер. Вечером 11 марта группа возвратилась в Мекку, где преподнесла имам-хатыбу Запретной мечети ковер, сотканный женой паломника из Ашхабада, Аннамурата Оглы Аннамаксумова. Затем, 13 марта, группа выехала в Медину, где посетила ряд мест, священных для мусульман. К.С. Баширов подарил мечети Пророка ковер от имени всей группы. Затем паломники вернулись в Мекку, где они посетили местных жителей, которые в разное время уехали из Российской империи и Советского государства. Среди них был Махмуд Ахмед углы, уроженец Казани. Ему группа подарила два отреза, две пары чупяков (мягкая кожаная обувь без каблуков), папиросы и духи. Отрез на платье и два платка получил за обслуживание делегации местный житель М. Бабаханов и его брат.

Группа выехала из Медины в Джидду 16 марта 1968 г. 18 марта при выезде из Джидды паломники вновь подверглись тщательному личному обыску и осмотру багажа. У некоторых паломников были изъяты записки и письма эмигрантов своим родственникам, проживающим в СССР. При прохождении процедуры вылета из аэропорта Джидды группе вернули только магнитофонные ленты с музыкальными записями, а изъятые при прилете в КСА письма и альбомы не были возвращены. Группа прибыла в Хартум 18 марта и находилась в столице Судана по 22 марта 1968 г. В эти дни паломники знакомились с городом, совершая по нему поездки на автобусе посольства. Руководитель группы К.С. Баширов и два паломника по просьбе посла И.Н. Якушина посетили посольство СССР для информирования служащих посольства о хадже. В Хартуме из-за отсутствия муфтия ковер, предназначенный ему в качестве подарка, был оставлен в посольстве.

Прилетев в СССР 22 марта, в соответствии с заведенным порядком, К.С. Баширов подготовил и представил в СДР отчет. В качестве выводов он отметил, что группа хаджиев была подобрана в основном правильно. К.С. Баширов считал, что по состоянию здоровья группа выдержала хадж, но престарелые паломники не всегда могли участвовать во всех ритуалах, у некоторых наблюдалось серьезное недомогание¹².

Анализ отчета К.С. Баширова показывает, что врачи группы великолепно выполнили свои обязанности: помогали не только членам группы, но и жителям КСА, что способствовало росту авторитета СССР и советских мусульман. Этот вывод показывает важную каче-

¹² Там же. Л. 15–17.

ственную особенность этой делегации. В ней был не один, а несколько врачей, что сыграло свою положительную роль.

В отчете имеются важные детали, характеризующие отношение к советским гражданам принимающей стороны:

- во время хаджа все паспорта паломников находились у представителей саудовских властей, а при следовании из города в город — у водителей автобусов;
- за советской группой был установлен жесткий контроль: ее постоянным спутником вплоть до вылета из Джидды был местный житель Абдулкадыр, владеющий фарси, узбекским и арабским языками, что, безусловно, способствовало пониманию разговоров большей части членов группы;
- в Мекке группа жила в доме Мутауфа Займи Кушака, не имеющем элементарных санитарных условий: он был грязным и тесным;
- паломники увидели нищенское существование обычных граждан Саудовской Аравии и большую разницу между жизнью в КСА и СССР.

Особого внимания заслуживают выводы К.С. Баширова, адресованные органам власти в СССР. По его мнению, следовало:

- просить СДР помочь в защите прав советских паломников силами дружественного государства, имеющего свое посольство в КСА;
- принять необходимые меры для улучшения жилищных условий паломников в КСА;
- информировать Министерство здравоохранения СССР о недостатках (прививках паломникам) при их въезде в КСА.

Чуть более чем через два месяца, 28–29 мая 1968 г., корреспонденты финского телевидения и радио Пауль фон Мартенс и Том Вестергаард посетили мечеть Алма-Аты. На их вопросы о положении мусульман в СССР имам-хатиб мечети Фазылов ответил кратко: «... в 1968 г. в паломничество в Мекку выезжали из Советского Союза 22 человека»¹³. Но из доклада старшего группы паломников, К.С. Баширова, следует, что их было не 22, а 21 человек. Это количество подтверждается и суммой платежа за визы в КСА¹⁴.

Примерно через шесть месяцев после возвращения этой группы в СССР, 9 октября 1968 г., САДУМ посетила группа из девяти граждан Греции, Иордании, Ирака, Ирана, Пакистана, Судана и Сирии. Они были направлены ООН в СССР для изучения вопросов механизации лесоводства. Иностранцы встретились с муфтием

¹³ Там же. Д. 199. Л. 57, 64–65.

¹⁴ Там же. Л. 12.

З. Бабахановым. Председатель САДУМ рассказал гостям о задачах, которые решало духовное управление: как издается исламская литература, развивается мусульманское просвещение и образование и т.п. Представитель Иордании Муса ал-Кудат задал от имени гостей вопрос о хадже. При этом он четко сформулировал вопрос о причинах малого числа советских паломников и сказал о понимании им вины советских властей в существующем положении. Но З. Бабаханов с ним не согласился и представил абсолютно другой взгляд на корни проблемы: «Причиной этому является не отказ Советского государства посылать больше людей. Основная причина заключается в отсутствии какого-либо дипломатического представительства между Саудовской Аравией и СССР, поэтому нам приходится ежегодно заблаговременно обращаться к посольствам таких стран, как ОАР или Судан, через посредство которых мы получаем визы на выезд в Джидду. При такой обстановке, естественно, трудно увеличить число паломников. Иногда бывало, что Саудовское посольство оттягивало выдачу даже таких виз, и наши паломники чуть было не лишались обряда паломничества, как это было со мной в 1964 г. в Хартуме. Поэтому по прибытию в Мекку я добился аудиенции у короля Фейсала и поставил перед ним вопрос разрешить нам поставить в Джидде нашего мусульманского представителя, который занимался бы вопросами увеличения числа паломников из нашей страны. На мое предложение Фейсал ответил оговорками, мол, сначала должны уллучшиться отношения между двумя государствами». Надо отметить, что Муса ал-Кудат частично согласился с З. Бабахановым¹⁵.

Безусловно, будучи советским гражданином и прекрасно зная многие стороны государственно-мусульманских отношений, председатель САДУМ муфтий З. Бабаханов вряд ли мог отвечать иностранцам в ином ключе. Понимали ли зарубежные гости, что в тех обстоятельствах иных ответов и быть не может, неизвестно. Иностранцы весьма по-разному воспринимали советскую действительность: кто-то был в восторге от достижений советского строя и видел их в ходе специально проводимых мероприятий — экскурсий, банкетов, конференций и т.д. Другие владели комплексом информации, получаемым не только из советских источников.

Анализ документов СДР показал, что, как и в годы деятельности Совета по делам религиозных культов (1944–1965 гг.), отношение в Королевстве Саудовская Аравия к советским мусульманам было настороженным. Такое отношение, прежде всего со стороны органов

¹⁵ Там же. Д. 196. Л. 55–58; Д. 197. Л. 137–140.

власти этого государства, в том числе и со стороны короля, было вызвано пониманием того, что советские мусульмане приехали из государства, основой которого была идеология, направленная на изживание религиозных взглядов, и исламского вероучения в частности. Тем не менее, деятельность группы советских паломников, прежде всего врачей, благотворно сказалась не только на ее авторитете, но и на образе СССР.

Поиск, обнаружение и анализ архивных документов о хадже советских мусульман могут раскрыть новые страницы не только государственно-мусульманских отношений в СССР, но и в отношениях Советского государства со странами исламского мира.

References

Bashkuyev V. Yu. “*Myagkaya sila*” *sovetskoy meditsiny na zarubezhnom Vostoke. 1920-ye — 1940-ye gg.* [Soft Power of Soviet Medicine in the Foreign East. From the 1920s through the 1940s] / Ed. by P.E. Ratmanov. Khabarovsk: Dal’nevostochnyy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet, 2021. 502 p.

Kane E. *Rossiyskiy khadz. Imperiya i palomnichestvo v Mekku* [Russian Hajj: Empire and the Pilgrimage to Mecca] / Trans. by R. Ibatullin. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2021. 296 p.

Motadel D. *Islam v politike natsistskoy Germanii (1939–1945)* [Islam in the Politics of Nazi Germany (1939–1945)] / Trans. by A. Kosmarskiy; ed. by A. Zakharov. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gaydara, 2020. 416 p.

Поступила в редакцию
6 января 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-129-158

О.В. Солопова, А.В. Козополянская-Соловьева

**СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО РОССИИ И БЕЛАРУСИ
В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: РАЗВИТИЕ
СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

Solopova O.V., Kozopolianskaia-Soloveva A.V.

**THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS
IN THE LATE 20th AND EARLY 21st CENTURIES:
DEVELOPMENT OF COOPERATION IN EDUCATION**

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления взаимодействия в сфере образования в рамках Союзного государства. Новизна данного исследования заключается в том, что в нем впервые сформулирована и вводится в научный оборот авторская исследовательская позиция в отношении предмета исследования, четко очерчены границы, разделяющие процессы, происходящие в рамках Союзного государства, и развитие российско-белорусского межгосударственного взаимодействия. В контексте этой концепции выявлены и сформулированы основные этапы развития этих процессов, намечены основные тенденции формирования нормативно-правовой базы формирования единого образовательного пространства, систематизированы меры по их практической реализации. Представлен анализ развития взаимодействия Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства, встроенный в общий контекст

Солопова Оксана Вячеславовна, кандидат исторических наук, руководитель лаборатории истории диаспор и миграций, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Solopova Oksana Vyacheslavovna, PhD Candidate in History, Head, Laboratory for the History of Diasporas and Migrations, Associate Professor, Department of History of Near Abroad Countries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
osolopova@mail.ru

ORCID: 0009-0002-3675-5766

Козополянская-Соловьева Александра Вадимовна, научный сотрудник лаборатории истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kozopolianskaia-Soloveva Aleksandra Vadimovna, Research Fellow, Laboratory of the History of Diasporas and Migrations, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

klin24a@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-4046-0658

изучения союзного строительства. Обозначаются следующие этапы: 1995–1999 гг. — предварительный, включающий в себя оформление равных прав граждан на уровне межгосударственных отношений и в процессе начала союзного строительства; 1999–2012 гг. — оформление нормативно-правовой базы в части образовательного пространства Союзного государства, реализация существующих норм; 2012–2018 гг. — постепенный рост внимания со стороны органов управления Союзного государства к проблематике гуманитарного сотрудничества, адаптация сформированных нормативно-правовых актов к актуальным изменениям в сфере образования двух стран; с 2018 г. по настоящее время — формирование единого образовательного пространства Союзного государства стало остро актуальной задачей дальнейшего развития интеграции, что подтверждается реальными практическими решениями. Разведены в отдельные блоки и охарактеризованы действия, предпринимаемые органами Союзного государства, и шаги, инициируемые самими образовательными учреждениями, профессиональными кругами с целью развития сотрудничества в сфере образования. Выявлена и особо обозначена роль диаспоральных общественных организаций в рассматриваемых процессах. В результате проведенного анализа сформулирован вывод об особой роли образовательных, научных организаций, профессиональных объединений и институтов гражданского общества двух стран в развитии единого образовательного пространства.

Ключевые слова: Союзное государство Беларуси и России, российско-белорусское сотрудничество, евразийская интеграция, гуманитарное сотрудничество, межвузовское сотрудничество, диаспоральные общественные организации.

Abstract. The article deals with the main directions of cooperation in the sphere of education within the framework of the Union State. The novelty of the study lies in the fact that for the first time it formulates and introduces the authors' research position, clearly outlines the boundaries separating the processes which take place within the Union State, and traces the development of the Russian-Belarusian interaction. In the context of this concept the authors identify and formulate the main stages of development of these processes and systematize the main trends of formation of the normative-legal base of the common educational space and measures for its practical implementation. They examine the interaction between the Russian Federation and the Republic of Belarus within the Union State framework in the general context of the Union State building. The following stages are outlined: the preliminary stage from 1995 through 1999 included the maintenance of equal rights of citizens at the level of interstate relations and in the beginning of the Union State building; the second stage from 1999 through 2012 provided the normative-legal base of the educational space of the Union State and implementation of the existing norms; the third stage from 2012 through 2018 was characterized by gradual growth of attention of the governing bodies of the Union State to the problems of humanitarian cooperation, adaptation of the normative-legal acts to the actual changes in the sphere of education of the two countries; the fourth stage from 2018 until now is regarded as a high time for formation of a single space of education of the Union State for further development of integration. The article categorizes and characterizes the actions taken

by the bodies of the Union State, educational institutions and professional circles in order to develop cooperation in the field of education. The study identifies the role of diaspora public organizations in the processes under consideration. The authors conclude about the special role of educational and scientific organizations, professional associations and civil society institutions of the two countries in the development of a unified educational space.

Keywords: Union State of Belarus and Russia, Russian-Belarusian cooperation, Eurasian integration, humanitarian cooperation, inter-university cooperation, diaspora public organizations.

* * *

Российско-белорусские межгосударственные отношения начали институализироваться сразу после дезинтеграции СССР. Между Российской Федерацией и Республикой Беларусь устанавливались дипломатические отношения¹, открывались посольства², подписывались межгосударственные соглашения, регулирующие первоочередные вопросы, в том числе об условиях хозяйствования, торговли, миграций и др.³

Первое двустороннее интеграционное объединение — Сообщество Беларуси и России — было создано в 1996 г. Уже в следующем 1997 г. оно было преобразовано в Союз Беларуси и России, а в 1999 г. — в Союзное государство. Отличительной особенностью этого интеграционного проекта стал принцип сотрудничества по ключевым направлениям развития двух государств в экономической, военной, социальной, гуманитарной, культурной, научной, внешнеполитической и др. сферах. В результате постепенно, не форсированно, но последовательно стали вырабатываться двусторонние интеграционные механизмы, которые впоследствии были успешно применены в других интеграционных проектах, в первую очередь ЕАЭС. С этой точки зрения опыт формирования и функционирования Союзного государства, его успешных практик представляет несомненный исследовательский интерес.

Вопросы участия Республики Беларусь в интеграционных проектах на постсоветском пространстве привлекают внимание специалистов из разных сфер научного знания, и в последние годы — все более интенсивно. События 2014 и 2022 гг. на Украине простимулировали в общественном и научном дискурсах столкновение мнений о статусе Союзного государства. Согласно одной из позиций, Бела-

¹ 25 июня 1992 г. были установлены дипломатические отношения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией.

² С 1993 г. действует Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации и Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь.

³ В 1992 г. было подписано Соглашение о свободной торговле.

речь стала «последним оплотом восточнославянского братства»⁴. А работа «минской площадки», предоставленной для переговоров по вопросам урегулирования конфликта на юго-востоке Украины, способствовала усилению узнаваемости и популярности темы Союзного государства. Приверженцы другой позиции скептически восприняли одновременное «потепление отношений» Беларуси с европейскими странами, Китаем и прогнозировали постепенную самоликвидацию Союзного государства⁵.

В то же время нельзя не видеть, что с 1991 г. из тридцатидвухлетней истории Республики Беларусь как независимого и суверенного государства двадцать пять лет напрямую связаны с развитием Союзного государства. Всё это время, вне зависимости от актуальной политической повестки и восприятия интеграционных процессов, происходивших внутри двух стран и за их пределами, эти процессы стали стратегически важным фактором развития и Республики Беларусь, и Российской Федерации. Изучение разных аспектов этого процесса позволяет зафиксировать, осмыслить не только российско-белорусские отношения, но и специфику интеграционного опыта стран постсоветского пространства в целом. Актуальность данной проблематики связана с появлением новых тенденций во внешней политике России и Беларуси после начала Специальной военной операции в феврале 2022 г., оптимизацией — а в некоторых случаях и пересмотром — взаимоотношений с государствами постсоветского пространства.

Работы по истории формирования и развития Союзного государства систематизируются в первую очередь по хронологическому принципу.

С середины 1990-х до начала 2000-х гг., когда интеграционный проект проходил стадию формирования, фиксируется явный исследовательский интерес к проблематике. В этот период появляются первые общие материалы, в которых анализируется протекающий интеграционный процесс и прогнозируется его будущее. Об этом пишут, в частности, Ю.Ф. Годин и Н.Б. Пастухова⁶. Их публика-

⁴ Франц Клинецвич: Беларусь — западный форпост России // Союзное вече. — URL: https://www.souzveche.ru/articles/tribune_deputy/54584/ (дата обращения 10.01.2023).

⁵ Гронский А.Д. Отношения Белоруссии с Европейским Союзом и США (1992–2018 гг.): от дистанцирования к дрейфу на Запад // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 71–97; Суздальцев А.И. Кризис Союзного государства Белоруссии и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 3. С. 56–67; и др.

⁶ Годин Ю.Ф. Россия и Белоруссия на пути к единению. Проблемы экономической безопасности Союзного государства. М., 2001; Пастухова Н. Союз России и Белоруссии: история, настоящее, перспективы. М., 2000.

ции подготовлены на основе документов, появившихся непосредственно в ходе разработки интеграционных планов. Так, например, Ю.Ф. Годин занимался составлением аналитических отчетов для Б.Н. Ельцина и А.Г. Лукашенко в период подготовки Договора о создании Союзного государства (1997–2001 гг.).

Следующая группа работ относится к начальному периоду формирования Союзного государства, когда у исследователей уже появилась возможность анализировать первые конкретные результаты интеграции. Особо следует отметить вклад в разработку данной темы сотрудников Института экономики УрО РАН. В начале 2000-х гг. коллективом сотрудников института под руководством А.И. Татаркина были изданы монографии, посвященные различным аспектам интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации⁷. Тогда же прошло несколько круглых столов, в том числе в Институте международных экономических и политических исследований РАН (с 2005 г. — Отделение международных экономических и политических исследований Института экономики РАН) на тему «Российско-белорусские отношения: проблемы и перспективы»⁸.

Значительное количество работ, выходящих в тот период, посвящено отдельным аспектам развития Союзного государства, а не анализу и оценке общих процессов, протекавших в данном интеграционном объединении. Так, например, анализ межгосударственной правовой базы был рассмотрен С.А. Авакьяном в статье «Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о создании Союзного государства: конституционно-правовой аспект»⁹.

В конце 2000-х гг. определилось еще одно направление исследований Союзного государства. Успехи и проблемы интеграции этого периода анализировали в своих работах А.В. Базанов, Ю. Дмитриев, Л.Е. Криштапович, В. Миронов, Е.И. Пивовар, О.В. Солопова и др.¹⁰

⁷ Проблемы интеграции России и Республики Беларусь в Союзное государство: экономика и энергетика / Науч. ред. А.И. Татаркин, А.А. Куклин. Екатеринбург, 2002; Состояние и перспективы развития экономики России и Республики Беларусь в рамках Союзного государства / Науч. ред. А.И. Татаркин, А.А. Куклин. Екатеринбург, 2001; Моделирование процесса объединения России и Республики Беларусь / Отв. ред. А.И. Татаркин, А.А. Куклин. Екатеринбург, 2001.

⁸ Российско-белорусские отношения: проблемы и перспективы: материалы круглого стола (1–3 февраля 2000 г., Москва). М., 2001.

⁹ Авакьян С.А. Договор между РБ и РФ о создании СГ: конституционно-правовой аспект // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2001. № 1. С. 3–15.

¹⁰ Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб., 2008; *Он же*. Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: 1921–2015 гг. (предпосылки, становление, развитие). СПб., 2016; Базанов А.В., Криштапович Л.Е. Союзное государство как императив

Изменения в экономической сфере, связанные с формированием Союзного государства, затронули в своих исследованиях В. Тарасевич, А. Лобач, Т. Сорокина¹¹. Их публикации основывались на статистических источниках, содержащих данные о социально-экономическом положении обеих стран, бюджет Союзного государства изучался как особая институциональная форма для формирования и использования единого денежного фонда интеграционного объединения. Вместе с тем для этого периода в историографии характерен сдержанный интерес к проблематике Союзного государства.

Как уже отмечалось, с 2014 г. в российской, белорусской и зарубежной историографии Союзное государство начинает привлекать внимание значительного числа новых исследователей, в частности, Российско-белорусского экспертного клуба, Ассоциации внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко¹², информационно-аналитического издания и одноименного научного журнала «Евразия.Эксперт» и др. При этом четко оформляются следующие направления.

Во-первых, всё, что связано с развитием евразийской интеграции, в том числе особенностями взаимодействия государств ЕАЭС. В связи с этим изучается феномен Союзного государства с точки зрения возможностей применения его опыта в других, более масштабных по числу участников, интеграционных проектах¹³.

Во-вторых, внимание сосредотачивается на рассмотрении изначально декларируемой многовекторности во внешней политике Беларуси, анализируется внутренняя и внешняя политика РБ и РФ, даются прогнозы дальнейшего развития российско-белорусской

развития Беларуси и России в современном мире. Минск, 2011; *Дмитриев Ю., Миронов В.* Новая форма государственного союза: Союзное государство Беларуси и России // *Право и жизнь.* 2012. № 166 (4). С. 62–77; *Солопова О.В.* Союзное государство Беларуси и России: исторические особенности, вызовы и общественные инициативы // *Укрепление духовных, исторических, экономических и культурных связей как вектор развития российско-белорусских отношений: научный сборник / Под ред. Д.А. Сурмило.* М., 2018. С. 11–19; *Она же.* Развитие гуманитарного сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации: задачи, вызовы, перспективы в конце 20-х годов XXI в. // *Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения».* 2021. № 1. С. 71–84.

¹¹ *Сорокина Т.В.* Бюджет Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации: проблемы формирования и исполнения // *Белорусский экономический журнал.* 2007. № 3 (40). С. 42–55.

¹² *Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы.* М., 2021; *Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции: аналитический доклад.* М., 2022.

¹³ *Старичёнок В.* Образовательная политика Союзного государства Беларуси и России: какой она должна быть. — URL: <https://eurasia.expert/obrazovatel'naya-politika-soyuznogo-gosudarstva-belarusi-i-rossii/> (дата обращения 10.01.2023).

интеграции в контексте геополитических тенденций¹⁴. Среди этой группы исследований выделяются работы, написанные представителями ведущих образовательных и научных центров Российской Федерации и Республики Беларусь. В них перспективы интеграции в рамках Союзного государства разбираются с точки зрения истории государственности обеих стран, анализируются события общего прошлого и их отражение в современных исторических концепциях России и Беларуси¹⁵.

Тогда же появились работы, посвященные непосредственно анализу развития Союзного государства. Среди них, в первую очередь, следует сказать о пятом томе фундаментального труда Института истории Национальной академии наук Беларуси «История белорусской государственности», называемом «Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX — начало XXI в.)»¹⁶, где история российско-белорусских отношений и формирования Союзного государства анализируется с учетом процессов становления и развития независимой белорусской государственности.

Отдельно необходимо упомянуть издательские проекты Постоянного Комитета Союзного государства. Совместно с информационным агентством БелТА Постоянный Комитет публикует материалы научно-практических конференций, круглых столов, проводимых под эгидой Союзного государства¹⁷, а с 1998 г. — «Информационный бюллетень Парламентского Собрания Союза Беларуси и России».

Несмотря на пусть небольшой, но при этом устойчивый исследовательский интерес к проблематике Союзного государства, вопро-

¹⁴ Антонович И.И. Беларусь в глобальном мире. Минск, 2014; Ротман Д.Г., Посталовский А.В. Беларусь в контексте европейской политики: между ЕС и Россией // Альманах добрососедства. М., 2013. С. 34–48; Возможен ли «белорусский майдан»? Диагностика и вызовы для России. М., 2016; Суздальцев А.И. Указ. соч.

¹⁵ Антонович И.И., Зайцев С.М., Кузьмин С.В. Союзное государство Беларуси и России. История и современность. М., 2014; Арчаков В.Ю., Баньковский А.Л., Данилович В.В., Коваленя А.А. К вопросу об исторической политике // Белорусская думка. 2019. № 8. С. 3–11; Фомин-Нилов Д., Данилович В. Союзное государство: культурное единство, разнообразие и общая историческая память // Евразия.Эксперт. 2020. № 1–2. С. 9–17.

¹⁶ История белорусской государственности. В 5 т. Т. 5. Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX — начало XXI в.) / Отв. ред. Н.В. Смехович. Минск, 2020.

¹⁷ Концепция социального развития Союзного государства на 2011–2015 годы — новый этап формирования общего социального пространства: материалы науч.-практ. конф. Союзного государства (Москва, 17–18 ноября 2011 г.) / Постоянный комитет Союзного государства. Минск, 2012; Союзное государство: достижения, проблемы, перспективы. Науч.-практ. конф., посвященная 20-летию подписания Договора о создании Союзного государства: сборник материалов. М., 2020.

сы взаимодействия и сотрудничества между Россией и Беларусью в сфере образования в рамках союзной интеграции в конце XX — начале XXI в. пока не становились предметом целенаправленного изучения. Вместе с тем, заявленное в Договоре о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. «проведение согласованной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», стало не просто одной из декларируемых целей, но реальным направлением практической деятельности в рамках развития интеграционного объединения.

Опорным документом в этом процессе стал Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о равных правах граждан¹⁸, который закреплял особые условия для граждан Союзного государства (на момент подписания документа — еще граждан Союза Беларуси и России). В числе таковых значились «доступность и равные права граждан в получении среднего, среднего специального, высшего и послевузовского профессионального образования»¹⁹. После подписания этого документа начался процесс разработки нормативно-правовой базы, обеспечивающей равные права граждан Беларуси и России, что предполагалось разработать за 1999 г. Однако сближение законодательства в сфере образования двух независимых государств, даже на фоне неоспариваемой, а авторитетно декларируемой позиции и предпринимаемых конкретных действий, — процесс сложный и продолжительный, реагирующий на все изменения, происходящие в системах образования обеих стран, внутригосударственные задачи, тенденции интеграционного процесса, внутренние и внешние вызовы.

Можно выделить следующие основные этапы и тенденции развития сотрудничества России и Беларуси в области образования и в рамках интеграционного проекта Союзного государства, а также на уровне межгосударственных отношений.

Начало формирования Союзного государства отсчитывается с 1996 г., когда был подписан Договор об образовании Сообщества России и Беларуси — первого двустороннего российско-белорусского объединения. В истории Союзного государства следует выделить два процесса, пересекающихся, но развивающихся параллельно: формирование интеграционного объединения Союзного государства и развитие российско-белорусского межгосударственного взаимодействия.

¹⁸ Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о равных правах граждан (Москва, 25 декабря 1998 г., вступил в силу 22 июля 1999 г.).

¹⁹ Там же.

Грань между этими процессами часто трудноуловима: в соответствии с учредительными документами Союзного государства, решения Высшего Государственного Совета, Совета министров, Парламентского Собрания интеграционного объединения передаются для дальнейших согласований и исполнения правительствам и профильным ведомствам двух стран. И непосредственное решение принимается уже органами государственного управления Российской Федерации и Республики Беларусь.

Параллельно с этим реализуются шаги, не связанные с формированием и развитием Союзного государства, но также вносящие свой вклад в совершенствование сотрудничества в сфере образования. Например, договоренности в рамках евразийских интеграционных процессов, общие типовые документы со всеми странами СНГ и др.

Процесс оформления равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере образования начался еще до формирования Сообщества России и Беларуси. 27 февраля 1996 г. было подписано межправительственное Соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях²⁰, которое основывалось на аналогичных документах, оформленных на площадке Содружества Независимых Государств²¹. В этом документе было оформлено и закреплено взаимное признание документов об образовании Российской Федерации и Республики Беларусь всех этапов обучения, от школы до вуза, дипломов об ученых степенях и званиях. Исключение составляли некоторые профессии, требования к которым зафиксированы отдельными государственными нормами.

После подписания Соглашения об образовании Сообщества Беларуси и России в апреле 1996 г. этот процесс продолжился и в рамках интеграционного объединения, и параллельно — на уровне многосторонних межгосударственных соглашений. Так, в 1998 г. аналогичная договоренность о признании эквивалентности документов об образовании была заключена на многостороннем уровне — подписано Соглашение между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией и Рес-

²⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях от 27 февраля 1996 г.

²¹ Этот документ основывался на Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 21 февраля 1995 г., Соглашении о сотрудничестве в области подготовки научных и научно-педагогических кадров и нострификации документов об их квалификации в рамках Содружества Независимых Государств от 13 марта 1992 г., Соглашении о сотрудничестве в области образования государств — участников Содружества Независимых Государств от 15 мая 1992 г.

публикой Таджикистан²². В 2004 г. то же решение было принято в рамках развития евразийской интеграции²³, а в 2013 г. — на площадке Содружества Независимых Государств²⁴.

В настоящем исследовании представляется целесообразным сфокусироваться на процессах, происходящих в рамках Союзного государства.

В апреле 1996 г. было принято постановление Исполнительного Комитета Сообщества Беларуси и России²⁵. В нем формулировались основные принципы «создания единого образовательного пространства». В конце 1998 г., уже основываясь на Договоре о Союзе Беларуси и России²⁶, они были закреплены Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о равных правах граждан. Так нормативно-правовая база взаимного признания документов об образовании была сформирована к моменту подписания Договора о создании Союзного государства в 1999 г.

В рамках деятельности Союзного государства дальнейшее развитие нормативно-правовой базы в сфере образования определялось Программой действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства от 2003²⁷ и от 2011²⁸ гг. В составе Парламентского Собрания Союза России и Беларуси была создана Комиссия по социальной политике, культуре, науке и гуманитарным вопросам, где также обсуждались вопросы взаимодействия в этой сфере. Еще

²² Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях (Москва, 28 ноября 1998 г.).

²³ Соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов о среднем (общем) образовании, начальном профессиональном и среднем профессиональном (специальном) образовании (Астана, 15 сентября 2004 г., вступило в силу для России 27 сентября 2005 г.).

²⁴ Соглашение государств — участников Содружества Независимых Государств о взаимном признании документов о высшем (высшем профессиональном) образовании (Минск, 31 мая 2013 г., вступило в силу для России 23 мая 2014 г.).

²⁵ Постановление Исполнительного Комитета Сообщества Беларуси и России от 11.04.1996 № 1 «О равных правах граждан на получение образования».

²⁶ Договор о Союзе Беларуси и России (Москва, 2 апреля 1997 г.).

²⁷ Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства № 3 от 20.01.2003 «О Концепции социального развития Союзного государства до 2005 года» (действие пролонгировано до 2010 г.).

²⁸ Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства № 7 от 25.11.2011 «О Концепции социального развития Союзного государства на 2011–2015 годы».

один формат сотрудничества в области образования — совместные заседания коллегий соответствующих министерств Российской Федерации и Республики Беларусь, в рамках которых обсуждаются и решаются актуальные вопросы сближения законодательств двух стран. С 2004 г. действует Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства (МАС)²⁹. В его функционал входит информационная и организационная поддержка реализации совместных планов, проводятся заседания, публикуются сборники научных работ.

Анализ соглашений и договоров, заключенных Россией и Беларусью в области образования, позволяет выявить особенность, которая создает ряд затруднений при реализации их положений на практике и на которую указывают большинство исследователей³⁰. В текстах таких документов как правило присутствует отсылочная норма «в соответствии с национальным законодательством» или «в соответствии с законодательством государства трудоустройства», то есть национальное законодательство оказывается приоритетным по отношению к союзному³¹. Как, например, и осуществление медицинской и фармацевтической деятельности в России, которая регулируется Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в соответствии с которым «необходимо иметь сертификат специалиста, выданный соответствующим образовательным учреждением Российской Федерации».

Первые 10 лет существования Союзного государства вопросы взаимодействия и сближения законодательств двух стран в сфере образования сами по себе не входили в перечень центровых вопросов, а решались в рамках более широкой повестки дня социальной политики.

Следующий этап формирования и развития нормативно-правовой базы Союзного государства в сфере образования следует отсчитывать с 2012 г.

²⁹ Постановление Президиума РАН от 30.03.2004 № 114 «О создании Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства».

³⁰ *Петровский П.С., Сутырин В.В.* Проблемы развития образовательного пространства в Союзном государстве Беларуси и России. Минск; М., 2017; Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции: аналитический доклад; Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы; Союзное государство: достижения, проблемы, перспективы. Научно-практическая конференция, посвященная 20-летию подписания Договора о создании Союзного государства: сборник материалов.

³¹ Письмо Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 05.12.2013 № 03И-1452/13 «О допуске к профессиональной деятельности граждан, получивших медицинское и фармацевтическое образование в образовательных учреждениях Республики Беларусь».

Реформирование систем образования Российской Федерации и Республики Беларусь, происходившее в связи с вступлением в Болонский процесс, обусловило необходимость корректировки соглашения. В 2012 г. в документ были внесены соответствующие изменения³². Статьи 1–5, а также 7–11 были изложены в новой редакции, которая учитывала все нюансы новых образовательных систем Российской Федерации и Республики Беларусь: общеевропейские ступени образования, а также особенности, проявившиеся при их внедрении в каждой из стран.

С переходом к Болонской системе высшего образования в каждой из стран была учреждена собственная система итогового тестирования выпускников школ — Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в РФ и Централизованного тестирования (ЦТ) в РБ. Это, в свою очередь, создало определенные трудности в практической реализации равных прав граждан. Согласно договоренностям сторон, «абитуриенты поступают в высшие учебные заведения всех видов на основе действующих правил приема в высшие учебные заведения принимающей стороны»³³. То есть для того, чтобы поступить в вузы Российской Федерации, белорусским абитуриентам необходимо предварительно, вне приемной кампании, сдать ЕГЭ, а россиянам для поступления в вузы Республики Беларусь — ЦТ. В связи с тем, что далеко не для всех абитуриентов такой механизм оказывался приемлемым, сформировалась и закрепились практика сосуществования двух статусов абитуриентов из Беларуси в России и абитуриентов из России в Беларуси. Они могут поступать в вузы на бюджетные места на основании общего конкурса, предварительно сдав соответственно ЕГЭ или ЦТ. Или не сдавать дополнительное тестирование и поступать в вузы на платной основе, в качестве иностранных граждан.

При этом очевидной была необходимость принятия более однозначного и универсального решения возникающих вопросов с поступлением и взаимным признанием документов об образовании. После 2012 г. этот вопрос все чаще стал подниматься в повестке официальных государственных органов Союзного государства. В 2013–2015 гг. создание равных условий для граждан Беларуси и России в сфере образования в части поступления в высшие учебные

³² Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях от 27 февраля 1996 (Минск, 18 июля 2012 г.).

³³ Постановление Исполнительного Комитета Сообщества Беларуси и России от 11.04.1996 № 1 «О равных правах граждан на получение образования».

заведения двух государств обсуждалось на заседаниях Группы высокого уровня Совета министров Союзного государства. В феврале 2013 г. Министерству образования и науки Российской Федерации и Министерству образования Республики Беларусь совместно с Постоянным Комитетом Союзного государства было поручено рассмотреть вопрос о взаимном признании результатов ЕГЭ и ЦТ³⁴, а в июле 2013 г. — предписано обеспечить выработку согласованной позиции по вопросу о взаимном признании результатов ЕГЭ и ЦТ³⁵. В октябре 2014 г. была поставлена задача провести анализ эффективности существующих механизмов предоставления равных условий для граждан Беларуси и России в сфере образования в части поступления в высшие учебные заведения двух государств³⁶. По результатам проведенного анализа 11 сентября 2015 г. на заседании Группы высокого уровня Совета министров Союзного государства было доложено, что сформированная нормативная база и организация приемных кампаний являются эффективными и позволяют гражданам России и Беларуси поступать в вузы этих двух стран на равных условиях.

Анализ нормативно-правовой базы, деятельности органов управления Союзного государства, выступлений официальных лиц двух стран доказывает, что формированию единого образовательного пространства придается особое значение на уровне Союзного государства. Данный сюжет на протяжении всей истории оставался в повестке дня, во всяком случае, декларировался. При этом следует подчеркнуть, что до 2018 г. он рассматривался в контексте более обширных направлений деятельности — социальной сферы, гуманитарного взаимодействия.

С 2018 г. в истории Союзного государства начинается принципиально новый период развития. В это время главами государств была обозначена необходимость интенсификации сотрудничества и интеграции в рамках Союзного государства, начались системные

³⁴ Протокольное решение от 28.02.2013 № 14 Группы высокого уровня Совета министров Союзного государства «О создании равных условий для граждан Беларуси и России в сфере образования в части поступления в высшие учебные заведения двух государств».

³⁵ Протокольное решение от 24.06.2013 № 27 Группы высокого уровня Совета министров Союзного государства «О создании равных условий для граждан Беларуси и России в сфере образования в части поступления в высшие учебные заведения двух государств».

³⁶ Протокольное решение от 09.10.2014 № 10 Группы высокого уровня Совета министров Союзного государства «О создании равных условий для граждан Беларуси и России в сфере образования в части поступления в высшие учебные заведения двух государств».

действия в этом направлении, в том числе в сфере образования: с 2018 г. фиксируются конкретные, последовательные законодательные и институциональные меры, направленные на формирование единого образовательного пространства Союзного государства.

Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 19 июля 2018 г. были утверждены Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы, где п. 16 сформулирован как «Формирование общего образовательного пространства и молодежной политики». В рамках этого направления были обозначены четыре первоочередные задачи: 1) реализация молодежной политики Союзного государства, создание совместных программ и расширение молодежных обменов; 2) повышение академической мобильности обучающихся, научных и педагогических работников; 3) дальнейшее совершенствование и сближение систем образования государств — участников Договора о создании Союзного государства; 4) совершенствование и реализация механизма совместной аккредитации учреждений высшего образования (образовательных программ высшего образования).

На уровне нормативно-правовой базы во исполнение этого постановления в 2018 г. было подписано межведомственное соглашение о сотрудничестве в области государственной аккредитации учреждений высшего образования³⁷. Ежегодно проводились совместные заседания коллегий профильных министерств обоих государств и Государственного комитета по науке и технологиям, к участию в которых приглашались заинтересованные ведомства и организации³⁸. Было разработано и принято новое Положение Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства³⁹. Учреждена Премия Союзного государства в области науки и техники⁴⁰.

³⁷ Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки (Российская Федерация) о сотрудничестве в области государственной аккредитации учреждений высшего образования (образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования) (Москва, 17 ноября 2020 г.).

³⁸ Образовательное и научное сотрудничество России и Беларуси — в числе приоритетов деятельности Союзного государства (новости министерства, 17 июля 2019 г.). — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21940/> (дата обращения 10.01.2023).

³⁹ Постановление Президиума РАН от 13.12.2018 № 206 «Об утверждении Положения о Межакадемическом совете по проблемам развития Союзного государства».

⁴⁰ Постановление Совета министров Союзного государства № 31 от 13.12.2018 «О Положении о Премии Союзного государства в области науки и техники».

Особое внимание к гуманитарному направлению российско-белорусского взаимодействия в рамках Союзного государства проявлялось в этот период и на уровне решений глав государств. Поддержку со стороны Президента Российской Федерации В.В. Путина получило предложение проводить крупные российско-белорусские мероприятия, посвященные интеграции, с привлечением гуманитарного кластера, озвученное председателем ФНКА Белорусов России С.Л. Кандыбовичем на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям⁴¹. Примечательно, что именно на этом этапе запрос со стороны общественности совпал с государственным видением ситуации и встретил поддержку. Повестка VI Форума регионов Беларуси и России «Межрегиональные связи как основа формирования единого культурного и гуманитарного пространства народов Беларуси и России», прошедшего в 2019 г. в Санкт-Петербурге, отражала это направление интеграционного процесса. Секционные заседания, отдельные круглые столы, экспертные совещания, включенные в программу мероприятий, были посвящены обсуждению вопросов культурного и гуманитарного взаимодействия регионов двух стран, развития туристической отрасли, молодежной политики.

Так, тематика одного из секционных заседаний — «Образовательное пространство России и Беларуси: проекты и направления развития» — была напрямую связана с решением этих задач. В ходе мероприятия ректоры ведущих российских и белорусских вузов, представители министерств, органов государственной власти, профильных ведомств России, Беларуси, Союзного государства обобщили опыт совместной деятельности и выработали рекомендации по развитию взаимодействия в сфере образования.

Новаторским для российско-белорусского сотрудничества форматом работы стал Форум ректоров вузов России и Беларуси, который также прошел в рамках VI Форума регионов на площадке Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, а на пленарном заседании Форума регионов 18 сентября 2019 г. президент Российского Союза ректоров, ректор Московского государственного университета академик В.А. Садовничий и ректор Белорусского государственного университета профессор А.Д. Король подписали Декларацию о деятельности Ассоциации вузов России и Беларуси. Декларация зафиксировала

⁴¹ Стенограмма заседания Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям (г. Ханты-Мансийск, 28 октября 2018 г.). — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/58922> (дата обращения 10.01.2023).

обязательство участников этой ассоциации ежегодно проводить форумы ректоров вузов России и Беларуси⁴².

28–29 сентября 2020 г. в дистанционном формате прошел VII Форум регионов Беларуси и России «Историческое наследие Великой Победы как основа развития социально-экономических и духовных связей народов Беларуси и России». В программу форума вошла экспертная сессия «Образование как основа исторической памяти и дальнейшего интеграционного развития Союза Беларуси и России».

Одним из решений итогового документа, утвержденного на пленарном заседании Форума регионов, стало проведение заседания постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании «Интеграция систем общего образования Республики Беларусь и Российской Федерации как основа создания единого образовательного пространства Союзного государства», которое прошло 19 ноября 2020 г.

Итоговым документом заседания стал проект рекомендаций министерствам и ведомствам двух стран и Постоянному Комитету по разработке Стратегии формирования единого образовательного пространства Союзного государства. Также была обозначена и рекомендована методология анализа нормативной базы по сближению дошкольного и школьного общего образования. Заключены предварительные договоренности о подготовке учебно-методических пособий для педагогов и разработке учебной программы и учебного пособия по истории Союзного государства⁴³.

Еще одним из пунктов исполнения поручений Высшего Государственного Совета Союзного государства (постановление от 19 июня 2018 г.) о дальнейшем развитии Союзного государства в части образования стали меры, направленные на обеспечение сближения законодательства двух стран в этой сфере. С 2021 г. решением Министерства науки и высшего образования РФ граждане Республики Беларусь имеют право поступать в российские вузы по результатам ЕГЭ и ЦТ, на территории Беларуси открываются пункты сдачи ЕГЭ. Все это способствует практической реализации равных прав граждан Союзного государства.

⁴² Межвузовское взаимодействие как важный элемент гуманитарного сотрудничества России и Беларуси (новости министерства, 16 июля 2019 г.). — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21944/> (дата обращения 10.01.2023).

⁴³ Успех союзной интеграции зависит от степени единства систем образования. — URL: <https://ria.ru/20201119/obrazovanie-1585413946.html> (дата обращения 10.01.2023).

Логическим продолжением этого процесса стало одно из решений 61-й сессии Парламентского Собрания Союза Беларуси и России от 23 декабря 2021 г. В структуру Парламентского Собрания Союза Беларуси и России был внесен ряд изменений, в том числе вместо ранее существовавшей Комиссии по социальной политике, науке, культуре и гуманитарным вопросам появились две структуры: Комиссия Парламентского Собрания по труду, социальной политике и здравоохранению и Комиссия Парламентского Собрания по культуре, науке и образованию⁴⁴.

В начале декабря 2022 г. в рамках медиафорума «Беларусь — Россия: равноправный союз, общая история, совместное будущее», посвященного 23-й годовщине подписания Договора о создании Союзного государства, была заключена договоренность о подготовке сводного плана деятельности в сфере образования на ближайшие два года.

Итоговый документ — План мероприятий по развитию сотрудничества в 2023–2024 годах⁴⁵ — был подписан министром образования Республики Беларусь А.И. Иванцом и министром просвещения Российской Федерации С.С. Кравцовым 10 января 2023 г. в Минске. Он включает 32 пункта, направленных на интенсификацию российско-белорусского сотрудничества в сфере образования и обмен накопленным опытом. Планом также предусмотрено участие представителей системы образования Союзного государства в Форуме регионов Беларуси и России⁴⁶.

Говоря о практической деятельности, направленной на развитие сотрудничества в сфере образования и на формирование единого образовательного пространства, следует выделить как минимум две ее составляющие.

Во-первых, это деятельность органов государственной власти Союзного государства, обеспеченная бюджетным финансированием.

⁴⁴ Принято решение об изменении структуры Парламентского Собрания (новости Парламентского Собрания). — URL: <https://belrus.ru/info/prinyato-reshenie-ob-izmenenii-struktury-parlamentskogo-sobraniya/> (дата обращения 10.01.2023).

⁴⁵ В 2023–2024 годах Россия и Белоруссия проведут мероприятия по обмену педагогическим опытом, совместные патриотические акции и фестивали (новости министерства, 11 января 2023 г.)/ — URL: <https://edu.gov.ru/press/6413/v-2023-2024-godah-rossiya-i-belorussiya-provedut-meropriyatiya-po-obmenu-pedagogicheskim-opytom-sovmestnye-patrioticheskie-akcii-i-festivali> (дата обращения 10.01.2023).

⁴⁶ На пути к единым стандартам: Россия и Беларусь углубляют сотрудничество в сфере образования/ — URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20230128-na-puti-k-edinym-standartam-rossiya-i-belarus-uglublyayut-sotrudnichestvo-v-sfere-obrazovaniya/> (дата обращения 10.01.2023).

Ключевым инструментом реализации любого приоритетного направления этого интеграционного объединения являются программы Союзного государства. С участием ключевых высших учебных заведений и научных институтов России и Беларуси их реализовано более 50, в том числе в сфере космических технологий, суперкомпьютеров, биологии, машиностроения, новых материалов. Но абсолютное большинство из них осуществлялось и проходило в бюджете по статье финансирования «Наука и техника», поэтому исключительно к образовательному сотрудничеству эта деятельность отнесена быть не может. В целом на уровне Союзного государства внимание к точным наукам, перспективам совместных научных разработок остается стабильно высоким. В последние годы с учетом геополитической обстановки и нацеленности обеих стран на развитие импортозамещения еще более возрастает значение сотрудничества в сфере совместных научных разработок, в первую очередь практико-ориентированных. Эта проблематика и последовательно финансируется, и находится в сфере постоянно обсуждаемых на высоком уровне вопросов. Так, прошедший в 2021 г. VIII Форум регионов Беларуси и России был посвящен теме «Научно-техническое сотрудничество России и Беларуси в эпоху цифровизации».

В 2002 г. состоялось мероприятие, затрагивающее отдельные аспекты сотрудничества в сфере образования — физкультурно-спортивный фестиваль студентов высших учебных заведений физической культуры России и Беларуси в г. Анапа Краснодарского края России⁴⁷. Финансирование мероприятия осуществлялось из средств, предусмотренных в бюджете Союзного государства на 2002 г. по разделу 17 «Здравоохранение и физическая культура».

Первым межправительственным решением, направленным на конкретные действия в сфере образования в рамках деятельности Союзного государства, стало соглашение⁴⁸, в соответствии с которым с 2003 г. осуществляет свою деятельность Белорусско-Российский университет, созданный на базе Могилевского технического университета. Особенностью БРУ является то, что он имеет статус государственного образовательного учреждения как в Беларуси, так и в России. Студенты БРУ могут получать образование по бело-

⁴⁷ Постановление Совета министров Союзного государства от 02.12.2002 № 44 «О финансировании из бюджета Союзного государства на 2002 год проведения физкультурно-спортивного фестиваля студентов высших учебных заведений физической культуры России и Беларуси».

⁴⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об условиях учреждения и деятельности Российско-Белорусского университета (Могилев, 19 января 2001 г.).

русским или российским образовательным стандартам по выбору. По данным, представленным на официальном сайте университета, по белорусским образовательным программам было подготовлено более 47 тысяч специалистов технического и экономического профилей, по российским — более 1,4 тысячи специалистов и бакалавров⁴⁹.

С 2003 по 2009 г. в бюджете Союзного государства в разделе «Образование» было заложено финансирование филиала Московского государственного социального университета в г. Минске.

Под эгидой органов Союзного государства с начала 2000-х гг. проходят разнообразные научные и образовательные мероприятия: научные и научно-практические конференции, творческие и профессиональные конкурсы, олимпиады. Некоторый рост активности в этом отношении обозначился после 2011–2012 гг. Начиная с этого времени при поддержке и по инициативе Постоянного Комитета Союзного государства, Парламентского Собрания Союза Беларуси и России интенсивно проводятся экспертные заседания, научно-практические конференции, посвященные гуманитарному взаимодействию вообще и гуманитарному образованию в частности. В сентябре 2011 г. в Костроме прошел проблемный семинар «Оптимизация содержания социально-гуманитарного образования в вузах Белоруссии и России в контексте Болонского процесса»⁵⁰. Особым форматом популяризаторской деятельности Постоянного Комитета Союзного государства стали экспертно-медийные туры для представителей белорусской и российской высшей школы, а также журналистов двух стран.

Некоторые мероприятия, организуемые Союзным государством и финансируемые по статье «Образование», со временем стали регулярными. Среди них два проекта познавательной и популяризаторской направленности: Олимпиада школьников «Россия и Беларусь: историческая и духовная общность» и Туристский слет учащихся Союзного государства. Постановлением Совета министров Союзного государства от 2007 г.⁵¹ с 2008 г. на их проведение ежегодно предусматривалось финансирование в разделе «Образование» годовых бюджетов Союзного государства. Третий проект — слеты юных эко-

⁴⁹ Университет сегодня (официальный сайт БРУ). — URL: <http://bru.by/content/university/universitytoday> (дата обращения 10.01.2023).

⁵⁰ В Костроме состоялся семинар «Оптимизация содержания социально-гуманитарного образования в вузах Белоруссии и России в контексте Болонского процесса». — URL: <https://regnum.ru/news/cultura/1450102.html> (дата обращения 10.01.2023).

⁵¹ Постановление Совета министров Союзного государства от 23.07.2007 № 22 «О мероприятиях Союзного государства в сфере образования».

логов Беларуси и России «Экология без границ» — посвящен востребованной и обсуждаемой на глобальном уровне повестке.

Среди мероприятий, которые на постоянной основе финансируются в рамках деятельности Союзного государства, — те, что могут быть отнесены к патриотической тематике. Причем ориентированы они не только на работу с молодежью вообще, но и целенаправленно на совместное обучение кадетов Беларуси и России. Гражданско-патриотическая кадетская смена учащихся Союзного государства «За честь Отчизны» и Военно-патриотическая смена учащихся суворовских военных и кадетских училищ Беларуси и России, которые являются наиболее крупными мероприятиями Союзного государства в сфере образования, отражают особое внимание со стороны руководства обеих стран к патриотическому воспитанию.

Деятельность Союзного государства в сфере образования направлена не только на объединение в рамках тематических площадок детей и молодежи, но и на вовлечение в эту деятельность педагогических работников. Так, в 2014–2018 гг. Постоянный Комитет Союзного государства проводил конкурсы среди учителей на лучшие уроки на заданную тему — на лучший урок по истории, по географии, на лучший урок для начальных классов о Союзном государстве.

Таким образом, для деятельности Союзного государства в сфере образования характерны точечные действия, направленные на создание общих российско-белорусских тематических площадок в той или иной узкой сфере: для школьников, заинтересованных в приобретении к гуманитарному знанию и творчеству, для детей и молодежи, интересующихся экологией, туризмом, для курсантов военных училищ.

Стоит обратить внимание на еще одну тенденцию — проведение подобных крупных российско-белорусских мероприятий в региональных центрах России и Беларуси: в Ростове-на-Дону, в Анапе, Гомеле и др. Для Российской Федерации, в силу масштабов страны, остается актуальной концентрация активного гуманитарного взаимодействия в рамках Союзного государства в приграничных с Беларусью регионах и в центральной части страны. Но вопрос о распространении деятельности «за Урал» обозначается в повестке сотрудничества⁵² и в деятельности Союзного государства, очевидно

⁵² Нужно расширять молодежные контакты за Урал, чтобы там тоже знали о Союзном государстве (в Смоленске во время фестиваля «Молодежь — за Союзное государство» состоялась презентация проектного офиса молодежного сотрудничества по направлению «Россия — Беларусь»). — URL: <https://belrus.ru/info/nuzhno-rasshiryat-molodezhnye-kontakty-za-ural-chtoby-tam-tozhe-znali-o-soyuznom-gosudarstve/> (дата обращения 10.01.2023).

стремление не фокусироваться исключительно на приграничных и столичных центрах.

Во-вторых, крупным блоком реальной практической деятельности, направленной на развитие сотрудничества в сфере образования, является российско-белорусское учебно-научное взаимодействие, осуществляемое по инициативе самих образовательных учреждений. Оно развивается в общем контексте приоритетов и задач Союзного государства, руководствуется сформированной нормативно-правовой базой, но осуществляется независимо от деятельности официальных органов интеграционного объединения. Такое взаимодействие принимает системный, регулярный характер на базе локальных договоров и соглашений о сотрудничестве. По данным, озвученным Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, их заключено более 550. Здесь можно выявить две общие тенденции.

Первая тенденция — развитие приграничного регионального сотрудничества учебных заведений.

Система обеспечения равных прав граждан, возможность беспрепятственно пересекать границу России и Беларуси обуславливают широкий диапазон возможностей для жителей приграничных территорий.

При поддержке региональных администраций учебные заведения — школы, колледжи, училища, вузы — иницируют и проводят совместные проекты самых разных типов и форматов. Наиболее распространенными являются научные конференции, научные и образовательные выставки, выставки творческих работ, академические обмены, рабочие визиты делегаций студентов и преподавателей, презентации образовательных учреждений в регионах. На базе Смоленского государственного университета в 2016 г. был создан Научно-образовательный центр «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем», претендующий на статус постоянной площадки взаимодействия российского и белорусского научного и образовательного сообществ.

Вторая тенденция — развитие взаимодействия в рамках учебно-научных школ, инициированное профессиональными связями на межличностном уровне.

Такое взаимодействие развивается внутри конкретных областей научного знания, реализуется в форматах форумов, съездов, конференций, конкурсов, грантов и предоставляет собой площадку для научного общения, обмена опытом, методологией, работками по актуальным вопросам современного научного знания.

Высокий уровень таких узкопрофильных связей демонстрирует исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, располагающий многолетним опытом взаимодействия с учебными и научными учреждениями Беларуси. Подписан ряд договоров и соглашений о сотрудничестве с Институтом истории НАН Беларуси, историческими факультетами Белорусского государственного университета, Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, Гродненского государственного университета имени Я. Купалы, Витебского государственного университета имени П.М. Машерова и др.

С 2008 г. реализуется принципиально новый формат взаимодействия исторических факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова и БГУ в рамках подписываемых каждые два года рабочих программ сотрудничества к Договору о научном и учебном сотрудничестве МГУ имени М.В. Ломоносова и БГУ. Помимо многочисленных российско-белорусских научных мероприятий и совместных изданий, необходимо отметить наиболее значимые новаторские проекты системного многолетнего сотрудничества исторических факультетов двух университетов⁵³.

Во-первых, учреждение и реализацию с 2019 г. первой российско-белорусской международной совместной образовательной магистерской программы МГУ имени М.В. Ломоносова и БГУ «История белорусской диаспоры» с выдачей двух дипломов. «Преподавание истории не может строиться на простом перечне фактов без внятных концептуальных основ и определенных мировоззренческих позиций»⁵⁴, поэтому необходимо подчеркнуть, что ее открытие и успешная реализация стали возможными благодаря сохранению многолетних связей исторических научных школ двух университетов и деятельному участию Федеральной национально-культурной автономии Белорусов России. На историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова действует первое в России учебно-научное направление «История Беларуси и белорусской диаспоры» (руководитель — доцент, к.и.н. О.В. Солопова), на историческом факультете БГУ работает единственная в современной Беларуси кафедра истории России (заведующий — профессор, д.и.н. О.А. Яновский). Эти

⁵³ Дни дружбы МГУ и БГУ: российско-белорусское межвузовское сотрудничество МГУ и БГУ на современном этапе. Материалы и документы: научно-практический сборник / В.А. Садовничий, Л.С. Белоусов, Ю.А. Мазей и др. М., 2019. С. 113–135.

⁵⁴ Белоусов Л.С. Историко-культурный стандарт по всеобщей истории: проблемы методологии // Новая и новейшая история. 2019. Т. 63. № 5. С. 168.

наработки наряду с успешной реализацией совместной магистерской программы (соруководители с белорусской стороны — А.Г. Кохановский, с российской стороны — О.В. Солопова) подтверждают общность и открытость к сотрудничеству исторических школ РБ и РФ.

Во-вторых, историческими факультетами двух ведущих вузов Союзного государства был инициирован новый формат образовательного и научного взаимодействия — Дни факультетов. Впервые такое мероприятие прошло по инициативе белорусской стороны в 2016 г., в рамках этой программы в Минске состоялись: цикл публичных лекций ведущих ученых исторического факультета Московского университета, круглый стол, ряд важных рабочих встреч, были достигнуты договоренности о дальнейшем развитии сотрудничества факультетов. Ответные мероприятия в Москве прошли в 2017 г. и включали публичные лекции ведущих ученых исторического факультета Белорусского государственного университета, студенческие научные мероприятия, круглый стол по актуальной проблематике российско-белорусского сотрудничества в сфере образования и др.

Опыт историков по проведению Дней факультетов был воспринят на межуниверситетском уровне. В 2018 г. был учрежден особый, не имеющий аналогов формат — ежегодные Дни дружбы МГУ и БГУ, что простимулировало развитие аналогичного межуниверситетского сотрудничества механико-математических, вычислительной математики и кибернетики, биологических, филологических, философских факультетов, а следовательно — образовательных инициатив, университетских научных школ.

В-третьих, Международный российско-белорусский конкурс студенческих научных работ по истории «Общий путь к Великой Победе. Подвиг народов бессмертен», учрежденный в 2014 г., получил статус ежегодного и остается единственным в рамках Союзного государства специализированным научным конкурсом для студентов-историков. Общее число лауреатов за прошедшие годы составило более 60 человек. Конкурс получил в Республике Беларусь высокую оценку и особый статус в рамках национальных приоритетных конкурсов: белорусские студенты-лауреаты попадают в Банк данных одаренной и талантливой молодежи Республики Беларусь.

С 2018 г. ежегодно проводится Конкурс молодых международных СНГ имени А.А. Громыко. Организаторами выступают Ассоциация внешнеполитический исследований имени А.А. Громы-

ко, МГИМО МИД России, Институт Европы Российской академии наук, Академия управления при Президенте Республики Беларусь при поддержке Постоянного Комитета Союзного государства, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Министерства иностранных дел Республики Беларусь, Евразийской экономической комиссии, Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества СНГ.

В-четвертых, студенческий обмен и приглашение с лекциями преподавателей из партнерского вуза позволяет формировать сообщество молодых российских и белорусских специалистов, заинтересованных в развитии и укреплении связей научных и образовательных школ наших стран.

Подобная деятельность осуществляется университетами на общих с другими иностранными вузами основаниях — на основе межвузовских договоров о сотрудничестве — и, соответственно, как правило не имеет отдельного дополнительного финансирования. В экспертном сообществе двух стран неоднократно поднималась тема целесообразности и значимости для формирования общего образовательного пространства проработки и внедрения специальных программ грантового финансирования научных стажировок на пространстве Союзного государства. Вопрос пока остается открытым⁵⁵.

В-пятых, формирование профессиональных сообществ.

В 2000 г. была создана Международная ассоциация вузов приграничных областей Беларуси и России. С такой инициативой выступили представители Белорусско-Российского университета и Брянского государственного технического университета.

Особую роль в реализации программ Союзного государства и в развитии интеграционного движения в сфере образования в целом играет проводимый с 2012 г. на площадке Белорусского национального технического университета Форум проектов вузов инженерно-технологического профиля Союзного государства.

В 2019 г. была создана Ассоциация ректоров вузов двух стран. Декларацию о деятельности организации подписали президент Российского Союза ректоров, ректор МГУ имени М.В. Ломоносова академик РАН В.А. Садовничий и ректор БГУ профессор А.Д. Король. Особое звучание в контексте развития сотрудничества в сфере образования получило то, что документ был подписан в рамках пленарного заседания VI Форума регионов Беларуси и России с участием председателя Совета РБ М.В. Мясниковича и председателя Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко.

⁵⁵ Фомин-Нилов Д., Данилович В. Указ. соч. С. 15; Петровский П.С., Сутырин В.В. Указ. соч.

В-шестых, реализация совместных российско-белорусских молодежных мероприятий.

Особое место в формировании общего образовательного пространства занимает молодежная политика. Одним из значимых ресурсов интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь является наличие близких принципов осмысления страниц общей истории государств и народов. На сегодняшний момент существует профессиональное сообщество историков, не прекращавших взаимодействия. Как в России, так и в Беларуси продолжают развиваться и находят поддержку на государственном уровне исторические концепции близкие в основных выводах и заключениях видения исторического процесса. Научные исторические школы России и Беларуси заинтересованы в дальнейшем изучении элементов культуры, сохраняющих наше единство, а не уничтожающих его в угоду конъюнктуре.

Общее понимание исторического процесса сохраняется не только в сфере науки и высшего образования, но и на уровне обществ. Именно это совпадение принципиально важно для дальнейшего российско-белорусского взаимодействия и развития Союзного государства.

В-седьмых, взаимодействие на площадке студенческого самоуправления.

По инициативе студенческой молодежи России и Беларуси выстраивается взаимодействие на уровне организаций студенческого самоуправления. Так, на площадке исторического факультета Белорусского государственного университета по инициативе студенческих объединений в 2019 г. прошла первая Международная российско-белорусская студенческая конференция «Современное студенческое самоуправление: опыт исторических факультетов БГУ и МГУ имени М.В. Ломоносова». Запрос на развитие сотрудничества, сформулированный самими студентами, получил поддержку и позитивную оценку со стороны руководства исторических факультетов и на университетском уровне. Мероприятие стало частью программы I Форума Ассоциации вузов России и Беларуси «Наука и образование в условиях больших вызовов современности» и очередного Дня дружбы МГУ имени М.В. Ломоносова и БГУ.

Подобные инициативы находят деятельную поддержку в объединениях гражданского общества двух стран. По всем перечисленным направлениям двусторонней совместной деятельности ученым и образовательным организациям содействуют в проработке идей, выстраивании профессиональных связей, проведении совместных мероприятий и научных исследований белорусские общественные

объединения и организации — ФНКА Белорусов России, региональные национально-культурные автономии белорусской диаспоры России, Координационный совет руководителей организаций российских соотечественников в Беларуси и мн.др.

Сложно не увидеть, что в рамках реализации интеграционных проектов Союзного государства был запущен процесс сближения законодательств России и Беларуси в сфере образования, который к настоящему времени может быть разделен на три этапа: с 1999 до 2012 г., с 2012 до 2018 г., с 2018 г. по настоящее время. Каждый из этапов характеризуется интенсификацией внимания со стороны государственных, союзных структур и обществ в обеих странах к образовательному сотрудничеству.

По инициативе органов Союзного государства создан первый межгосударственный Белорусско-Российский университет, поддерживается деятельность филиалов российских вузов в Беларуси. В рамках бюджетного финансирования из средств Союзного государства проводится ряд просветительских, научно-популяризаторских мероприятий. Порой они имеют опосредованное отношение к образованию, но обеспечивают точечное формирование общего гуманитарного пространства для детей и молодежи в той или иной узкой тематической сфере.

Вместе с тем остается ряд нерешенных вопросов. Утвержденные союзные программы, в реализации которых принимают участие ведущие образовательные и научные центры двух стран, главным образом направлены на практико-ориентированные научно-технические исследования и разработки, не включают механизмов активизации гуманитарной интеграции.

На уровне Союзного государства пока только оформляются специальные программы академической мобильности и научных стажировок, иные форматы, которые по мере их запуска были бы востребованы в обеих странах, способствовали бы активизации маятникового обмена российских и белорусских студентов и преподавателей.

Гармонизация законодательства в части организационно-правовых и финансовых моделей образовательных процессов, стандартов преподавания и оценки освоения образовательных программ признается органами власти Союзного государства и экспертным сообществом актуальной и важной задачей, но при этом непростой для решения. Наиболее деятельным и результативным остается практический инициативный вклад самих образовательных учреждений в развитие сотрудничества в области образования в рамках Союз-

ного государства, которое часто находит деятельную фактическую, информационную и финансовую поддержку со стороны федеральной и региональных национально-культурных автономий белорусской диаспоры России. Принимая системный характер в рамках заключаемых локальных договоров и соглашений о сотрудничестве, такое взаимодействие с общественными организациями во многом закрывает проблемные вопросы, обозначенные выше. По инициативе образовательных учреждений успешно развивается приграничное региональное сотрудничество, осуществляется системное взаимодействие в рамках учебно-научных школ, инициированное профессиональными связями на межличностном уровне, студенческий обмен и приглашение с лекциями преподавателей вузов, формирование профессиональных сообществ, реализация совместных российско-белорусских молодежных мероприятий, взаимодействие на площадке студенческого самоуправления и др.

Возможности и достижения взаимодействия в таком формате нередко оказываются прорывными: с 2012 г. успешно действует Форум проектов программ вузов инженерно-технологического профиля Союзного государства, с 2014 г. проходит Международный российско-белорусский конкурс студенческих научных работ по истории «Общий путь к Великой Победе. Подвиг народов бессмертен», в 2018 г. был учрежден первый в своем роде межвузовский праздник День дружбы МГУ и БГУ, с 2019 г. действует первая российско-белорусская международная совместная образовательная (магистерская) программа МГУ имени М.В. Ломоносова и БГУ «История белорусской диаспоры» и др.

Таким образом, запланированная программами финансируемая деятельность Союзного государства в сфере образования и личные инициативы образовательных и научных учреждений России и Беларуси не всегда напрямую связаны, но дополняют друг друга, не противореча и не конкурируя, а напротив — формируя широкое пространство для тесной связи и развития сотрудничества двух стран.

References

Antonovich I.I. *Belarus' v global'nom mire* [Belarus in the Global World]. Minsk: Knizhnyy dom, 2014. 384 p.

Antonovich I.I., Zaytsev S.M., Kuz'min S.V. *Soyuznoye gosudarstvo Belarusi i Rossii. Istoriya i sovremennost'* [The Union State of Belarus and Russia. History and Modernity]. Moscow: Veche, 2014. 288 p.

Archakov V. Yu., Ban'kovskiy A.L., Danilovich V.V., Kovalenya A.A. *K voprosu ob istoricheskoy politike* [On Historical Politics] // *Belaruskaya dumka*. 2019. N 8. P. 3–11.

Avak'yan S.A. *Dogovor mezhdu RB i RF o sozdanii SG: konstitutsionno-pravovoy aspekt* [Treaty between the RB and the RF on the Creation of the Union State: The Constitutional and Legal Aspect] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 11. *Pravo*. 2001. N 1. P. 3–15.

Bazanov A.V., Krishtapovich L.E. *Soyuznoye gosudarstvo kak imperativ razvitiya Belarusi i Rossii v sovremennom mire* [The Union State as an Imperative for the Development of Belarus and Russia in the Modern World.]. Minsk: Belorusskiy Dom pechati, 2011. 43 p.

Belousov L.S. *Istoriko-kul'turnyy standart po vseobshchey istorii: problemy metodologii* [Historical and Cultural Standard for Universal History: Methodology Problems] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2019. Vol. 63. N 5. P. 166–178.

Dmitriyev Yu., Mironov V. *Novaya forma gosudarstvennogo soyuza: Soyuznoye gosudarstvo Belarusi i Rossii* [A New Form of State Union: The Union State of Belarus and Russia] // *Pravo i zhizn'*. 2012. N 166 (4). P. 62–77.

Fomin-Nilov D., Danilovich V. *Soyuznoye gosudarstvo: kul'turnoye yedinstvo, raznoobrazie i obshchaya istoricheskaya pamyat'* [The Union State: Cultural Unity, Diversity and Common Historical Memory] // *Evraziya. Ekspert*. 2020. N 1–2. P. 9–17.

Gerasenko V.P., Gerasenko P.V. *Analiz sblizheniya usloviy deyatelnosti sub'yektov khozyaystvovaniya v Soyuznom gosudarstve Belarusi i Rossii* [Analysis of the Convergence of Business Entities in the Union State of Belarus and Russia] // *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series D. *Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki*. 2006. N 2. P. 2–10.

Godin Yu.F. *Rossiya i Belorussiya na puti k yedineniyu. Problemy ekonomicheskoy bezopasnosti Soyuznogo gosudarstva* [Russia and Belorussia on the Way to Unity. Issues of Economic Security of the Union State]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2001. 302 p.

Gronskiy A.D. *Otnosheniya Belorussii s Yevropeyskim Soyuzom i SShA (1992–2018 gg.): ot distantsirovaniya k dreyfu na Zapad* [Relations of Belarus with the European Union and the USA (1992–2018): From Distancing to Drift to the West] // *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 2019. Vol. 12. N 2. P. 71–97.

Istoriya belorusskoy gosudarstvennosti [History of the Belarusian Statehood]. In 5 vols. Vol. 5. *Natsional'naya gosudarstvennost' na perelome epokh (vtoraya polovina XX — nachalo XXI v.)* [National Statehood at the Turn of Epochs (Second Half of the 20th Century and Early 21st Century)] / Ed. by N.V. Smekhovich. Minsk: Belaruskaya navuka, 2020. 759 p.

Kontseptsiya sotsial'nogo razvitiya Soyuznogo gosudarstva na 2011–2015 gody — novyy etap formirovaniya obshchego sotsial'nogo prostranstva: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii Soyuznogo gosudarstva (Moskva, 17–18 noyabrya 2011 g.) [Concept of Social Development of the Union State for 2011–2015. A New Stage of Formation of a Unified Social Space: Acta of the Scientific and Practical Conference of the Union State (Moscow, 17–18 November 2011)] / Standing Committee of the Union State. Minsk: Pachatkovaya shkola, 2012. 159 p.

Modelirovaniye protsessa ob'yedineniya Rossii i Respubliki Belarus' [Modeling the Process of Unification of Russia and the Republic of Belarus] / Ed. by A.I. Tatarkin, A.A. Kuklin. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. 59 p.

Nedil'ko Yu.V. *Soyuznoye gosudarstvo Rossii i Belarusi: stanovleniye, razvitiye, perspektivy* [The Union State of Russia and Belarus: Formation, Development, Prospects]. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2006. 199 p.

Ogarkov S.A. *Rol' prioritetnykh programm Soyuznogo gosudarstva v ustoychivom razvitiy sel'skoy mestnosti* [The Role of the Priority Programs of the Union State in the Sustainable Development of Rural Areas] // *Nikonovskiye chteniya*. 2003. N 8. P. 423–425.

Pastukhova N. *Soyuz Rossii i Belorussii: istoriya, nastoyashcheye, perspektivy* [Union of Russia and Belorussia: History, Present, Prospects]. Moscow: Kniga i biznes, 2000. 117 p.

Petrovskiy P.S., Sutyryn V.V. *Problemy razvitiya obrazovatel'nogo prostranstva v Soyuznom gosudarstve Belarusi i Rossii* [Problems of the Development of Educational Space in the Union State of Belarus and Russia]. Minsk; Moscow: Rossiysko-belorusskiy ekspertnyy klub, 2017. 24 p.

Pivovar E.I. *Postsovetskoye prostranstvo: al'ternativy integratsii. Istoricheskiy ocherk* [Post-Soviet Space: Alternatives of Integration. Historical Essay]. Saint Petersburg: Aleteia, 2008. 316 p.

Pivovar E.I. *Yevraziyskiy integratsionnyy proyekt na postsovetskom prostranstve: 1921–2015 gg. (predposylki, stanovleniye, razvitiye)* [Eurasian Integration Project in the Post-Soviet Space: 1921–2015 (Preconditions, Formation, Development)]. Saint Petersburg: Aleteia, 2016. 720 p.

Problemy integratsii Rossii i Respubliki Belarus' v Soyuznoye gosudarstvo: ekonomika i energetika [Issues of Integration of Russia and Republic of Belarus in the Union State: Economics and Energy] / Ed. by A.I. Tatarin, A.A. Kuklin. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002. 296 p.

Rossiysko-belorusskiye otnosheniya: problemy i perspektivy: materialy kruglogo stola (1–3 fevralya 2000 g., Moskva) [Russian-Belarusian Relations: Problems and Prospects: Materials of the Roundtable (1–3 February 2000, Moscow)]. Moscow: EPIKON, 2001. 134 p.

Rossiysko-belorusskiye otnosheniya v 2022 g.: soyuznyye programmy, novyye vyzovy i napravleniya integratsii: analiticheskiy doklad [Russian-Belarusian Relations in 2022: Union Programs, New Challenges and Directions of Integration: Analytical Report]. Moscow: Assotsiatsiya vneshnepoliticheskikh issledovaniy imeni A.A. Gromyko; Institut Europy RAN, 2022. 20 p.

Rossiysko-belorusskoye sotrudnichestvo: vremya strategicheskikh resheniy [Russian-Belarusian Cooperation: Time for Strategic Decisions]. Moscow: Assotsiatsiya vneshnepoliticheskikh issledovaniy imeni A.A. Gromyko; Institut Europy RAN, 2021. 38 p.

Rotman D.G., Postalovskiy A.V. *Belarus' v kontekste yevropeyskoy politiki: mezhdue ES i Rossiiyey* [Belarus in the Context of European Politics: Between the EU and Russia] // *Al'manakh dobrososedstva* [Almanac of Good Neighborhood]. Moscow: Tsentr obshchestvennykh tekhnologiy, 2013. P. 34–48.

Solopova O.V. *Razvitiye gumanitarnogo sotrudnichestva Respubliki Belarus' i Rossiyskoy Federatsii: zadachi, vyzovy, perspektivy v kontse 20-kh godov XXI v.* [Development of Humanitarian Cooperation between the Republic of Belarus and the Russian Federation: Tasks, Challenges, Prospects at the End of the 2020s] // *Vestnik RGGU. Series "Yevraziyskiye issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya"*. 2021. N 1. P. 71–84.

Solopova O.V. *Soyuznoye gosudarstvo Belarusi i Rossii: istoricheskiye osobennosti, vyzovy i obshchestvennyye initsiativy* [The Union State of Belarus and Russia: Historical Features, Challenges and Public Initiatives] // *Ukrepneniye dukhovnykh, istoricheskikh,*

ekonomicheskikh i kul'turnykh svyazey kak vektor razvitiya rossiysko-belorusskikh ot-nosheniy: nauchnyy sbornik [Strengthening Spiritual, Historical, Economic and Cul-tural Ties as a Vector for the Development of Russian-Belarusian Relations: A Scien-tific Collection] / Ed. by D.A. Surmilo. Moscow: Moskovskiy dom natsional'nostey, 2018. P. 11–19.

Sorokina T.V. *Byudzhet Soyuznogo gosudarstva Respubliki Belarus' i Rossiyskoy Federatsii: problemy formirovaniya i ispolneniya* [Budget of the Union State of the Republic of Belarus and the Russian Federation: Problems of Formation and Execu-tion] // *Belorusskiy ekonomicheskij zhurnal*. 2007. N 3 (40). P. 42–55.

Sostoyaniye i perspektivy razvitiya ekonomiki Rossii i Respubliki Belarus' v ram-kakh Soyuznogo gosudarstva [State and Prospects of the Development of the Economy of Russia and the Republic of Belarus in the Framework of the Union State] / Ed. by A.I. Tatarkin, A.A. Kuklin. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. 535 p.

Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy razvitiya Soyuznogo gosudarstva: sbornik nauchnykh trudov [Socio-Economic Problems of the Development of the Union State: A Collection of Scientific Works] / Ed. by A.V. Bogdanovich, A.E. Dayneko. Minsk: NIEI Minekonomiki Respubliki Belarus', 2001. 143 p.

Soyuznoye gosudarstvo Belarusi i Rossii: rezul'taty dlya grazhdan i perspektivy [The Union State of Belarus and Russia: Results for Citizens and Prospects]. Moscow: Assotsiatsiya vneshnepoliticheskikh issledovaniy imeni A.A. Gromyko, 2021. 56 p.

Soyuznoye gosudarstvo: dostizheniya, problemy, perspektivy. Nauchno-praktiches-kaya konferentsiya, posvyashchennaya 20-letiyu podpisaniya Dogovora o sozdanii Soyuznogo gosudarstva: sbornik materialov [The Union State: Achievements, Prob-lems, Prospects. Research-to-Practice Conference Devoted to the 20th Anniversary of Signing the Treaty on the Creation of the Union State: A Collection of Materials]. Moscow: Postoyannyy Komitet Soyuznogo gosudarstva, 2020. 636 p.

Starichonok V. *Obrazovatel'naya politika Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii: kakoy ona dolzhna byt'* [Educational Policy of the Union State of Belarus and Rus-sia: What It Should Be]. — URL: <https://eurasia.expert/obrazovatel'naya-politika-soyuznogo-gosudarstva-belarusi-i-rossii/>

Suzdal'tsev A.I. *Krizis Soyuznogo gosudarstva Belorussii i Rossii* [Crisis of the Union State of Belarus and Russia] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye ot-nosheniya*. 2020. Vol. 64. N 3. P. 56–67.

Vozmozhen li "belorusskiy maydan"? Diagnostika i vyzovy dlya Rossii [Is a "Be-larusian Mайдan" Possible? Diagnosis and Challenges for Russia]. Moscow: Nauchnyy ekspert, 2016. 116 p.

Yakushov S.S. *Natsional'naya bezopasnost' Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii: konstitutsionno-pravovyye problemy* [National Security of the Union State of Belarus and Russia: Constitutional and Legal Issues]. Moscow: Izdatel'stvo RGTEU, 2006. 199 p.

Поступила в редакцию
20 января 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-159-174

В.В. Канищев

**БЫВШИЕ ДВОРЦОВЫЕ СЕЛА МОСКОВСКОГО
И ДРУГИХ УЕЗДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ
СОСТОЯНИЕ**

V.V. Kanishchev

**FORMER PALACE VILLAGES OF MOSCOW
AND OTHER UYEZDS OF CENTRAL RUSSIA:
THE CURRENT SOCIO-DEMOGRAPHIC CONDITION**

Аннотация. При постановке цели и задач статьи автор исходил из того, что хорошо изученная ранняя история дворцовых поселений Московского и других центральных уездов Русского государства очень редко в историографии сочетается с изучением их современного состояния, в значительной мере сложившегося под влиянием дворцового прошлого. Источниковой основой статьи стали многочисленные справочные издания по истории бывших царских владений, а также информационные ресурсы Интернета, основанные на первичных официальных источниках о современном состоянии отдельных поселений. Автор определил основные социально-демографические характеристики 162 поселений из 178, включенных в Перечень дворцовых волостей и сел на 1705 г. Не установленные по исторической судьбе поселения либо до неузнаваемости изменили названия, либо бесследно «растворились» в составе других поселений. Количествен-

Канищев Валерий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Д. Державина

Kanishchev Valery Vladimirovich, Doctor in History, Professor, Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.D. Derzhavin

valcan@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8372-4455

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX — начале XXI в.» № 18-18-00187

This research has been supported by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project no. 18-18-00187 “The Demographic Behavior Policies of the Rural Population in the South of Central Russia in the Twentieth and Early Twenty-First Century”.

ный анализ разнообразных административных и социально-демографических параметров бывших дворцовых сёл прежде всего позволил установить изменения поселенческого статуса бывших дворцовых сёл Центра России в XVIII — начале XXI в., единичные случаи полного исчезновения бывших дворцовых поселений. Анализ перемен в административном статусе бывших дворцовых сёл показал, что заложенный при их основании потенциал позволил двум третям из них стать в последующем локальными административными центрами. В качестве показателя успешного демографического развития изученных дворцовых поселений в статье принят рост численности населения вплоть до конца XX в. в 70% из них. Исследование социально-экономического развития дворцовых сёл привело к выводу о том, что многие из них в XVIII–XIX вв. стали и ныне остаются локальными торгово-промышленными и социально-культурными центрами. В заключении статьи констатируется, что необычному для настоящего времени успешному социально-демографическому развитию почти полутора сотен бывших дворцовых поселений способствовал целый ряд долговременных исторических, историко-географических, историко-культурных факторов. Эта относительная успешности проявилась на фоне увядания тысяч русских сельских поселений.

Ключевые слова: дворцовые села, демографические показатели, социально-экономическое и социально-культурное развитие, административный центр, факторы устойчивого развития, памятное место.

Abstract. When setting the goal and objectives of this article, the author proceeded from the fact that the well-studied early history of the palace settlements (*dvortsovoe* settlements) of Moscow uyezd and other central uyezds of the Russian State is very rarely integrated into the study of their current state, largely formed under the influence of their past as palace settlements. The sources for the article comprise numerous reference books on the history of the former palace estates, as well as online resources based on official primary sources on the current state of particular settlements. The author has identified the main socio-demographic characteristics of 162 out of the 178 settlements included in the List of palace volosts and villages for 1705. The settlements whose historical fate has not been identified are either those whose names have changed beyond recognition or the ones that have completely melted into other settlements. A quantitative analysis of various administrative and socio-demographic parameters of the former palace villages, first of all, made it possible to trace changes in the settlement status of the former palace villages of Central Russia in the 18th — early 21st centuries and to reveal isolated cases of the complete disappearance of the former palace settlements. The analysis of the changes in the administrative status of the former palace villages has shown that the potential given to them when they were founded, was eventually instrumental in the transformation of the two-thirds of them into local administrative centers. The article interprets population growth in 70% of studied palace settlements, which continued up to the end of the 20th century, as an indicator of their successful demographic development. A study of the socio-economic development of the palace villages led to the conclusion that many of them in the 18th–19th centuries became and now remain local commercial, industrial and socio-cultural centers. In conclusion, the article states

that a number of long-term historical, historical-geographical, historical-cultural factors contributed to successful, and unparalleled at present, socio-demographic development of almost one and a half hundred former palace settlements. This relative success manifested itself against the backdrop of the withering of thousands of Russian rural settlements.

Keywords: palace villages, demographic indicators, socio-economic and socio-cultural development, administrative center, factors of sustainable development, a memorable place.

* * *

Проблема устойчивого развития сельских поселений и численности их населения является одной из важнейших демографических, экономических и социально-культурных проблем российского общества второй половины XX — начала XXI в. Особым аспектом этой проблемы является роль государства в поддержке определенных групп сельских населенных пунктов, создании благоприятных условий для их социально-демографического развития. Наиболее заметной среди этих групп являлись бывшие дворцовые села, которые на протяжении нескольких столетий, вплоть до конца XVIII в. пользовались «высоким покровительством» и успешно развивались.

Рассматриваемая тема важна и с позиций сохранения исторической памяти о поселениях, которые утратили свой самостоятельный статус, но оставили следы своих названий в современном пространстве. В частности, это относится к истории с. Воробьево, чье царственное происхождение повлияло на подготовленность к столичной жизни и исторически закономерное вхождение в состав Москвы.

Начальная история дворцовых сел основательно изучена в общероссийском масштабе¹. Различным аспектам истории отдельных поселений посвящена многочисленная специальная историко-культурная, а также региональная и краеведческая литература. Особенно подробно изучена история таких сел, как Коломенское, Измайлово,

¹ Борисов Н.С. Повседневная жизнь Средневековой Руси накануне конца света. М., 2004; Волков С.И. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII (30–70-е гг.). М., 1959; Заозерский А.И. Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М., 1937; Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России: первая половина XVIII века. М., 1964; Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI–XVII столетии. Т. 3: Материалы. М., 2003; Снегирев И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. I. М., 1875; Сытин П.В. Из истории московских улиц. М., 1958; Тихомиров М.Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947; Тихомиров М.Н. Труды по истории Москвы. М., 2003; Федотов-Чеховский А.А. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860.

Решма, а также городов, выросших из дворцовых сел, — Александрова, Зарайска, Серпухова².

Значительно меньше литературы издано по социально-демографической и экономической истории бывших дворцовых поселений Центра России. Тамбовские историки в целом ряде работ показали сложное сочетание природно-географических, административных, социально-демографических, экономических факторов в длительном успешном развитии дворцовых сел. Из близких по тематике специальных работ мы можем назвать только статью ярославских авторов о кустарной промышленности с. Великого. Отдельные факты об изменениях численности населения и развитии ряда отраслей экономики приводятся в литературе о некоторых дворцовых селах, ставших городами³.

Особое значение имеют региональные справочно-энциклопедические издания. С историографической точки зрения важно то, что в них включены справки и статьи о бывших царских селениях, подчеркнута их историческая и современная значимость⁴. Эти издания

² Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XI—XV вв. Т. 2. М., 1962; Гра М.А., Жиромский Б.Б. Коломенское. М., 1971; Заграевский С.В. Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII — первой трети XIV века. М., 2003; Зонтиков Н.А. Макариев-Решемский монастырь: веки истории. Кинешма, 2019; Корсаков А. Село Коломенское. Исторический очерк. М., 1870; Описание дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенском /Сост. Н. Чаев. М., 1869; Памятники истории и культуры Владимирской области: Каталог /Сост. В. А. Косткин и др. Владимир, 1996; Подключников В.Н. Коломенское: путеводитель. М., 1944; Полянчев В.И. Зарайск. М., 1972; Разумовский Ф.В. Художественное наследие Серпуховской земли. М., 1979; Субботин А.Н. Село Коломенское. М., 1947; Суздаев Е.В. Коломенское. Государственный музей-заповедник XVI—XIX веков. М., 1986; Топычканов А.В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII в. М., 2004; Хмелевской П.И. Александров. Ярославль, 1984.

³ Конобеевский В.И. Тамбовская страна и цари дома Романовых. Тамбов, 1915; Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII—XVIII веках: Учебное пособие. Тамбов, 1990; Морозова Э.А. Особенности социально-демографического облика населения торгово-промышленного села в первой половине XIX в.: на примере села Рассказово Тамбовской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук, Тамбов, 2003; Литовский А.Н. Торгово-промышленное село как социально-экономический феномен Российской империи (по материалам Тамбовской губернии). Дисс. ... канд. ист. наук, Тамбов, 2021; Акользина М.К. Моршанск — хлебный порт России (середина XVIII — середина XIX в.). Тамбов, 2011; Очерки истории Кирсанова: годы и люди / Науч. ред. В.В. Канищев. Тамбов, 2014; Гуменюк А.Г., Муравьев Н.В. Кустарная промышленность села Великого в XIX в. и формирование фабричных производств. — URL: <http://velikoemuseum.ru/kustarnaya-promyshlennost-sela-velikogo-v-xix-v-i-formirovanie-fabrichnyh-proizvodstv/> (дата обращения 15.03.2022); Полянчев В.И. Указ. соч.; Хмелевской П.И. Указ. соч.

⁴ Аверьянова М.Г. Край Раменский: Очерки краеведа. М., 1995 (Энциклопедия сёл и деревень Подмосковья); Земля Владимирская: Географический словарь / Сост. В.В. Нильский; под общ. ред. Н.И. Шикина. Ярославль, 1984; Калужская энциклопедия / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 2005; Киселев С.И. Хронограф истории

можно рассматривать и как исторические источники, поскольку в них включались тщательно проверенные документальные факты из «лучших» источников.

Достаточно информативным источником можно признать статьи Википедии об отдельных населенных пунктах, которые в последние годы стали базироваться на широком круге местных первичных источников, прежде всего — официальных документах сельских советов и районных органов власти. Наиболее подробная информация в Интернете представлена о десятках дворцовых сел, где сохранились крупные историко-культурные памятники.

Именно наличие таких современных источников позволяет достичь главной цели нашей работы: определить особенность сравнительно устойчивого нынешнего социально-демографического состояния бывших дворцовых селений. Помимо представления конкретных данных о населении, его занятости, обеспеченности социальными услугами задачей статьи является определение исторических факторов устойчивости развития выбранного круга селений.

Намеченные цель и задачи требуют особого отношения к хронологическим рамкам исследования. Само явление дворцовых селений возникло еще в эпоху феодальной раздробленности, в «малом» Московском княжестве и его удельных соседях, в XIV–XV вв. Мы не можем не учитывать такую историческую глубину явления, так как в ней заложены некоторые факторы, определившие многовековое развитие дворцовых селений. Но все-таки главный упор мы предполагаем сделать на последнее столетие, когда исчезла крупная государственная поддержка этих селений. Тем более что большая часть указанной выше литературы в значительной мере посвящена их истории в Средневековье и Новое время. Состояние всей совокупности бывших дворцовых сел Центра России в XX — начале XXI в. как социально-демографического явления специально практически не изучалось.

Объектом данного исследования стали 162 населенных пункта, зафиксированные в «Перечне дворцовых волостей и сел на 1705 г.»⁵, которые в начале XVIII в. располагались на территории 22 уездов Центральной России (современная территория Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Московской, Нижего-

Гаврилов-Ямского края. События, факты, комментарии. XIII — начало XX вв. Ярославль, 2016; *Мартынов А.А.* Подмосковная старина. М., 1889; *Населенные местности Московской губернии* / Под ред. Б.Н. Пенкина. М., 1913; *Тамбовская энциклопедия / Главный научный редактор А.Ю. Ильин.* 2-изд., испр., перераб. и доп. Тамбов, 2020; *Тверская область. Энциклопедический справочник.* Тверь, 1994; *Цветков Д.А.* Станица и окрестности. Изд. 2-е, перераб. и доп. Калинин, 1986.

⁵ РГАДА. Ф. ДО. Оп. 39. Д. 120. Л. 2–5 об.

родской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Ярославской областей). Первоначально число дворцовых поселений того времени было несколько больше установленного нами современного числа. Нам не удалось идентифицировать 16 населенных пунктов XVIII в. ввиду не выявленных изменений их названий или давнего, документально не зафиксированного слияния с другими поселениями. Таким образом, в наше поле зрения попали 90% дворцовых поселений от фактически существовавших в начале XVIII в. в центральных уездах России.

Таблица 1

**Изменения поселенческого статуса бывших дворцовых сел
Центра России в XVIII — начале XXI в.**

Статус	Конец XVIII в.	Начало XX в.	Начало XXI в.
Остались селами	125	123	81
Остались деревнями	25	25	22
Стали деревнями	0	1	14
Стали городами или пгт	12	13	25
Стали частью городов	0	0	13
Исчезли	0	0	7
Всего	162	162	162

Таким образом, мы видим, что из 162 выявленных на основе данных начала XVIII в. к настоящему времени сохранились минимум 155. Установлено 2 факта официальной ликвидации бывших дворцовых селений (исключения из списков населенных пунктов своих нынешних областей) и 5 случаев слияния с другими селами или деревнями. Оговоримся, что еще 2 населенных пункта формально числятся существующими, но фактически по переписи 2010 г. в них никто не проживал. Важно подчеркнуть, что в окрестностях бывших дворцовых сел прекратили существование сотни поселений, многие из которых появились позже, в XVIII–XX в.

Первые заметные изменения в поселенческом статусе дворцовых сел произошли в конце XVIII в., когда небольшая часть их стала городами.

Напротив, больших изменений в положительной демографической динамике не произошло в XIX в., когда дворцовые села стали просто государственными и частично были переданы в частные «хорошие руки» близким с Романовыми по родству, по придворной и государственной службе дворянским родам — Нарышкиных, Разумовских, Орловых, Волконских, Ланских, Мордвиновых, Воронцовых-Дашковых и др.

Крупные, но опять-таки не коренные перемены в совокупности бывших дворцовых селений шли в XX в. Исторический потенциал повлиял на то, что 15% бывших таких поселений стали городами или поселками городского типа, еще 10% без малого успешно влились в состав городов, при этом сохранив некоторые признаки своей самобытности. Только 9% понизили свой поселенческий статус до уровня деревень. Большинство же осталось на своем первоначальном уровне, что можно считать (особенно для сел) показателем устойчивости исторического развития.

Таблица 2

**Изменения административного статуса бывших дворцовых сел
Центра России в XVIII — начале XXI в.**

Статус	Количество/процент
Стали к началу XX в. уездными центрами	12/7
Стали к началу XX в. волостными центрами	40/25
Стали в середине XX в. районными центрами	22/14
Имели, но утратили статус районных центров	7/4
Стали в середине XX в. центрами сельсоветов	46/28
Имели, но утратили статус центров сельсоветов	48/30
Не были административными центрами	52/32
Всего	227/138

Примечание. Число административных единиц на треть больше числа изученных поселений, поскольку некоторые уездные центры одновременно являлись центрами волостей, а районные центры — центрами сельсоветов.

Заложенный при основании потенциал дворцовых поселений позволил двум третям из них (110 из 162) стать в последующем локальными административными центрами. Более десятка сел, добившись экономических успехов, уже в XVIII в. выделились среди других селений и в конце столетия стали уездными городами (Александров, Бронницы, Данилов, Дмитров, Зарайск, Кашин, Кирсанов, Моршанск, Серпухов, Старица, Трубчевск). В советское и постсоветское время все они являлись и являются районными центрами. Еще 40 сел изученной группы (около четверти всей совокупности) в XIX — начале XX в. имели статус волостных центров. Почти 30 бывших дворцовых сел в XX в. были районными центрами. Большинство из них сохранило такой административный статус до настоящего времени. Свыше половины селений (не считая районные центры) имели статус центров сельских советов. Несмотря на все административные укрупнения последних десятилетий половина таких населенных пунктов сохранила сельсоветовский статус.

**Количество случаев роста/сокращения численности населения
бывших дворцовых сел Центра России в XVIII — начале XXI в.**

Статус	Количество/процент
Рост в течение всего периода	44/27
Рост до начала XX в., спад в советский период	68/42
Рост в советский период, сейчас спад	10/6
Спад до начала XXI в., сейчас рост	12/7
Сокращение в течение всего периода	28/17
Всего	162/100

Важнейшим признаком успешного демографического развития изученных дворцовых поселений можно считать рост численности населения большинства из них (без малого 70%) вплоть до конца XX в. Даже в условиях урбанизации и сокращения общего числа сельских поселений в областях Центральной России к 2010 г. почти 40% населенных пунктов нашей выборки увеличили свою численность в сравнении с дореволюционным, «романовским» периодом. Особое внимание обратим на небольшую, но очень необычную группу поселений, которая после уменьшения числа их жителей в советский период стала переживать увеличение этого числа в первые годы XXI в. Ниже мы изложим свое понимание этого явления. Специально заметим также, что непрерывное сокращение числа жителей в течение всего изученного отрезка времени происходило менее чем в пятой части бывших дворцовых поселений.

С точки зрения социально-экономического развития многие дворцовые села в XVIII–XIX вв. стали локальными торгово-промышленными и социально-культурными (по меркам своего времени) центрами. В начале XX в. во многих из них действовали ярмарки, базары, мелкие и средние фабрично-заводские предприятия, почтово-телеграфные конторы, земские агрономические и ветеринарные пункты, школы, больницы, аптеки, крупные церковные и монастырские комплексы, появились железнодорожные станции, кредитные учреждения, отделения банков, культпросвет учреждения.

В советский период истории почти во всех оставшихся сельскими поселениями бывших дворцовых селах и деревнях действовали крупные сельскохозяйственные предприятия, зачастую передовые по меркам того времени. В целом ряде наряду с мелкими и средними промышленными предприятиями появились крупные фабрики и заводы. Практически везде существовали предприятия торговли, заготовок, общественного питания системы потребкооперации и

ведомственной принадлежности. Во всех крупных по меркам XX в. поселениях существовали автотранспортные предприятия, осуществлявшие перевозку людей и грузов. В селах и многих деревнях имелся полный набор социально-культурных объектов (образование, здравоохранение, культура, спорт, связь). Производственные предприятия и социально-культурные учреждения придавали этим населенным пунктам значение «узлов» в локальных поселенческих сетях. Всё вышеперечисленное позволяет понять современное состояние изученных сел в социально-экономическом и культурном отношениях, которое является главным фактором демографических процессов.

Таблица 4

**Социально-экономическое состояние бывших дворцовых сел
в начале XXI в.**

Статус	Количество/процент
Наличие промышленных предприятий	50/31
Наличие крупных сельхозпредприятий	26/16
Наличие торговых предприятий	66/41
Наличие транспортных предприятий	48/30
Наличие учреждений образования	94/58
Наличие учреждений здравоохранения	61/37
Наличие учреждений культуры	64/40
Наличие церквей	65/40

Определяя степень наличия производственных предприятий и социально-культурных учреждений во всех сохранившихся бывших дворцовых поселениях Центра России, мы решили сравнить показатели всей этой совокупности с полученными ранее данными по ее части — бывшим дворцовым селам Верхоценской волости, находящимся ныне на территории типичной аграрной Тамбовской области.

По понятным причинам в бывших дворцовых селам всей Центральной России (в большей своей части находятся в промышленном Центре) доля поселений с промышленными предприятиями (свыше 30%) втрое больше, чем в тамбовском сегменте, где такие предприятия есть только в десятой части поселений.

С другой стороны, в тамбовских селам, опять-таки объяснимо, больше крупных сельскохозяйственных предприятий — 20% против 16% во всей изученной совокупности. Но и второе число по нынешним меркам сравнительно высоко, так как в большинстве сельских районов Центральной России в сельскохозяйственных производ-

ственных кооперативах и им подобным объединениях сохранилось менее десятой части бывших советских колхозов и совхозов. Бывшие передовые хозяйства в крепких старинных селах, в том числе дворцовых, устояли в 1990–2010-е гг. лучше, чем в остальных сельских поселениях.

Предприятий торговли и услуг в целом по бывшим дворцовым поселениям Центра России в сравнении с тамбовской выборкой больше в два раза. Мы связываем это с большей покупательной способностью подмосковного сельского населения, меньшей ролью там личных крестьянских хозяйств.

Хотя во всей изученной выборке удельный вес населенных пунктов с учреждениями образования является высоким по современным меркам (около 60%), в бывших тамбовских дворцовых селах этот показатель еще выше — почти 75%. Это можно объяснить большей людностью тамбовских селений, сравнительно высокой для нынешних сел долей детей и соответственно большей потребностью в сохранении школ и детских садов.

В изученной группе тамбовских поселений учреждения здравоохранения имеются в 20 с небольшим процентов пунктов. Во всей нашей совокупности этот показатель составляет 37%. Получается, что государственная медицинская забота о сельском населении Подмосковья и ближайших областей заметно выше, чем в сравнительно отдаленной области Центрального Черноземья.

В тамбовских селах сохранилось совсем немного учреждений культуры — чуть больше 10%. В целом же по изученной совокупности такие учреждения действуют в 40% бывших дворцовых селений. Главным образом это связано с тем, что в Московской области и ряде соседних областей действует сравнительно немалое число Домов культуры, музеев, архитектурно-художественных объектов, училищ и школ искусств, творческая усадьба и даже картинная галерея (с. Ульяново Калужской области). Важно учитывать, что почти все эти объекты являются привлекательными для туристов из близких больших городов, что способствует появлению значительного числа рабочих мест в сфере культуры, торговли, услуг и соответственно демографической устойчивости поселений.

40-процентную долю по бывшим дворцовым селам Центральной России составляют и населенные пункты с действующими церквями. В Тамбовской области этот показатель почти вдвое ниже. Такое положение можно объяснить большей спонсорской поддержкой восстановительного и нового церковного строительства в столичном и подстоличных регионах, а также участием государства в сохранении некоторых церквей как памятников истории и архитектуры. Некото-

рые старинные церковные и монастырские комплексы этих регионов веками сохраняют значение как привлекательные центры божомогля, крестных ходов, религиозных празднеств.

При всей относительно невысокой доле бывших дворцовых сел Тамбовской области с производственными и социально-культурными объектами эти селения выглядят весьма развитыми в сравнении с сотнями других населенных пунктов своего региона, где таких объектов нет вовсе.

В Московской и соседних областях уровень социально-экономического и культурного развития бывших дворцовых сел намного выше большинства окрестных «захудалых» сел и деревень.

Особо отметим, что предприятия и учреждения работают не только для населения сел, где они располагаются, но и создают рабочие места, товары и услуги для окрестных поселений, тем самым сохраняя значение административной, экономической и социально-культурной опоры поселенческой сети своего региона.

В ходе исследования обнаружено такое весьма интересное демографическое явление, как восстановление роста населения в некоторых бывших дворцовых поселениях в самом начале XXI в. В большинстве своем — 7 из 12 — это подмосковные населенные пункты. При этом только в части случаев мы выявили очевидные причины роста. Наиболее заметно он проявился в селах, являющихся ныне районными центрами, — селе 2-я Гавриловка Тамбовской области и поселке городского типа Сокольское Нижегородской области, где сравнительно успешно развивается социально-экономическая и культурная инфраструктура.

В селе Софьино Московской области, центре сельского совета, в начале XXI в. население вновь «перевалило» за 2 тыс. человек, в 2002–2010 гг. оно выросло на 240 человек. Причины роста определялись совокупностью факторов. В настоящее время в Софьино работают всевозможные мастерские и животноводческий комплекс. Но, возможно, главную роль в экономике села играет близость федеральной автодороги М5 «Урал». Этот факт подтверждает сделанное нами ранее наблюдение о том, что важное значение в устойчивом развитии некоторых крупных сельских поселений имеет не только наличие крупного промышленного и сельскохозяйственного производства, но и дорожный фактор, способствующий созданию дополнительных рабочих мест по обслуживанию транспорта.

Отчасти сходная ситуация проявляется в селе Ильинский Погост Московской области (в прошлом село Гуслицы, центр дворцовой волости). Здесь также сказывается близость к автотрассе, а также к железной дороге. Проявляются и неэкономические факторы.

Привлекает прихожан громадный по сельским меркам каменный пятиглавый храм в честь Воскресения Христова, восстановленный в 1990 г. В селе существует творческая усадьба «Гуслица»: культурно-просветительский центр и одновременно крупный волонтерский проект. Расположенные в усадьбе залы для практик, репетиционно-постановочный комплекс, галерея и выставочные пространства, производственные и художественные мастерские, гостевой дом, баня, столовая, чайная, лавка сувениров создали сотни рабочих мест для жителей села и окрестностей.

Наиболее ярко неэкономические факторы проявились в селе Воздвиженское Московской области, где с 2006 г. шел рост населения. Здесь «градообразующими» факторами стали туристические объекты: Крестовоздвиженская церковь, Музей северорусской курной избы, дом, украшенный резьбой. Привлекают возможности посетить Фестиваль традиционного русского пения, принять участие в Крестных ходах в соседние Радонеж и «Тропой преподобного Сергия» в Троице-Сергиеву Лавру. Все эти объекты и мероприятия обслуживают десятки жителей села.

За пределами Московской области успешное развитие ярко демонстрирует возрождающееся в последнее время село Великое Ярославской области. Здесь находятся памятники федерального значения, входящие в крупный историко-архитектурный ансамбль XVIII–XIX вв.: особняк конца XVIII в., усадьба купца 1-й гильдии А. Локалова, дом Иродова (архитектор Ф. Шехтель), ансамбль церкви Рождества Богородицы, часто называемый «Великосельским кремлем». На соборной площади в 2011 г. установлена копия известного мозаичного полотна «Полтавская баталия» М.В. Ломоносова. В селе действуют краеведческий музей, Музей картофельного бунта, туринфоцентр, мастерские для мастер-классов, сувенирная лавка и книжный магазин, Великосельский аграрный техникум.

К числу поселений такого же типа относится село Решма Ивановской области, где находится Макарьева пустошь (в настоящее время Макариев-Решемский женский монастырь), а поблизости — бывшая дача Л.И. Брежнева, в настоящее время — Федеральный медицинский центр «Решма».

Однако благоприятные культурные факторы не всегда стимулируют демографический рост. Так, в селе Ирково Владимирской области в 2010 г. был зарегистрирован только один человек. Оно сохраняется как памятное место. В селе восстанавливается церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, на народные деньги были установлены памятник Ивану Грозному и мемориальная плита памяти русского крестьянства и погибшим окрестным деревням.

В доступных на данный момент первичных источниках выявлен единичный факт роста числа жителей в бывших дворцовых селах благодаря коттеджной застройке (село Беседа Московской области).

Вместе с тем выяснилось несколько фактов «беспричинного» роста населения бывших дворцовых сел и деревень в начале XXI в. (деревни Нажицы и Красная Дубрава Московской области, Лопатницы Владимирской области). Понятно, что у этих поселений есть свои причины развития, которые предстоит выяснить. Возможно, на демографическом росте подмосковных деревень сказывается близость к городу Орехово-Зуево, а на положительные процессы в Лопатницах влияет сравнительная близость к городу Суздаль (10 км), а также прохождение через село межобластной автодороги Кострома — Владимир.

В целом наше исследование с высокой степенью очевидности показало, что бывшие дворцовые села не только Подмосковья, но и других областей Центральной России в социально-демографическом отношении на протяжении трех с лишним столетий, в том числе в «постромановский» период, развивались намного успешнее остальных сельских поселений. Часть дворцовых сел и деревень выросла в численности населения, в другой части оно сократилось сравнительно немного, лишь единицы обезлюдели и исчезли вовсе. Немалая группа из числа изученных населенных пунктов превратилась в городские поселения, оказалась готовой к урбанизации, имея для этого определенный потенциал.

Существенным моментом в истории бывших дворцовых поселений стало востребованность их как административных центров. Две трети из них являлись уездными, волостными, районными, сельсоветовскими центрами. При этом половина таких центров и в начале XXI в. продолжает играть ту или иную административную роль. Однако другая часть бывших административных центров, утратив в последние десятилетия поддержку государства, стала увядать.

Приходится констатировать и то, что в постсоветский период десятки бывших дворцовых сел утратили немало производственных предприятий и социально-культурных учреждений. Но все-таки обнаружилось несколько старинных поселений, принадлежавших некогда Дворцу, которые благодаря экономическому и историко-культурному наследию не только сохранились, но и развиваются в начале XXI в.

Заключая, заметим, что, помимо очевидно выгодного подстоличного положения бывших дворцовых сел, их необычному для последних десятилетий российской истории успешному развитию способствовал целый ряд факторов.

Существенное значение имел историко-географический фактор, формирование большей части поселенческой сети Московского государства в Волжско-Окском междуречье. В этой сети дворцовые села были опорными пунктами. Появившаяся в конце XVI в. Верхоценская волость стала связующим звеном старого московского Центра с южнорусским фронтиром, заметную роль в освоении которого играли выходцы из дворцовых сел.

Административная и экономическая поддержка государством дворцовых сел способствовала бойкости и предприимчивости их жителей. Эти деловые качества стали многовековым фактором относительно успешного социально-экономического развития бывших дворцовых сел.

В целом ряде сел стабилизирующую роль сыграло сохранение значения мест богомолья, массовых церковных мероприятий, туристических центров, привлекающих своими старинными историко-архитектурными памятниками.

Но при этом мы должны констатировать, что относительная успешность исторического пути бывших дворцовых сел проявилась на фоне увядания тысяч русских сельских поселений.

References

Akol'zina M.K. *Morshansk — khlebnyy port Rossii (seredina XVIII — seredina XIX v.)* [Morshansk, Russian Grain Port (in the Mid-18th and Mid-19th Centuries)]. Tambov: Izdatel'stvo TGU, 2011. 207 p.

Aver'yanova M.G. *Kray Ramenskiy: ocherki krayevedy* [Ramensky Region: Essays by a Local Historian]. Moscow: Entsiklopediya rossiyskikh dereven', 1995. 592 p.

Borisov N.S. *Povsednevnyaya zhizn' srednevekovoy Rusi nakanune kontsa sveta* [Daily Life in Medieval Rus' on the Cusp of the End of the World]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2004. 530 p.

Gra M.A., Zhiromskiy B.B. *Kolomenskoye* [Kolomenskoe Estate]. Moscow: Iskustvo, 1971. 159 p.

Gumenyuk A.G., Murav'yev N.V. *Kustarnaya promyshlennost' sela Velikogo v XIX v. i formirovaniye fabrichnykh proizvodstv* [Artisanal Industry of Velikoye Village in the 19th Century and the Formation of Factory Production]. — URL: <http://velikoemuseum.ru/kustarnaya-promyshlennost-sela-velikogo-v-xix-v-i-formirovanie-fabrichnykh-proizvodstv/>

Indova E.I. *Dvortsovoye khozyaystvo v Rossii: pervaya polovina XVIII veka* [Palace Household in Russia: First Half of the 18th Century]. Moscow: Nauka, 1964. 352 p.

Kaluzhskaya entsiklopediya [Encyclopedia of Kaluga] / Ed. by V. Ya. Filimonov. 2nd ed., revised and enlarged. Kaluga: Izdatel'stvo N.F. Bochkarevoy, 2005. 494 p.

Khmelevskoy P.I. *Aleksandrov*. Yaroslavl': Verkhne-Volzhskeye knizhnoye izdatel'stvo, 1984. 208 p.

Kiselev S.I. *Khronograf istorii Gavrilov-Yamskogo kraya. Sobytiya, fakty, kommentarii. XIII — nachalo XX v.* [A Chronicle of the History of Gavrilov-Yamsky Region.

- Events, Facts, Comments. From the 13th through the Early 20th Century]. Yaroslavl': Avers Plyus, 2016. 491 p.
- Konobeyevskiy V.I. *Tambovskaya strana i tsari doma Romanovykh* [The Land of Tambov and the Tsars of the Romanov Dynasty]. Tambov: Elektricheskaya tipolitografiya Gubernskogo pravleniya, 1915. 13 p.
- Korsakov A. *Selo Kolomenskoye. Istoricheskiy ocherk* [The Village of Kolomenskoye. Historical Essay]. Moscow: Tipografiya A. Zharkovoy, 1870. 120 p.
- Litovskiy A.N. *Torgovo-promyshlennoye selo kak sotsial'no-ekonomicheskiy fenomen Rossiyskoy imperii (po materialam Tambovskoy gubernii): avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kanidata istoricheskikh nauk* [Trading and Industrial Villages as a Socio-Economic Phenomenon of the Russian Empire (on the Basis of the Documents Relating to the Tambov Province): Abstract of the PhD Candidate Diss. in History]. Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet imeni G.R. Derzhavina, 2021. 25 p.
- Martynov A.A. *Podmoskovnaya starina* [Old-Time Moscow Region]. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana, 1889. 53 p.
- Mizis Yu.A. *Zaseleniye Tambovskogo kraya v XVII–XVIII vekakh: uchebnoye posobiye* [The Peopling of the Tambov Region in the 17th and 18th Centuries: A Textbook]. Tambov: Tambovskiy GPI, 1990. 105 p.
- Morozova E.A. *Osobennosti sotsial'no-demograficheskogo oblika naseleniya torgovo-promyshlennogo sela v pervoy polovine XIX v.: na primere sela Rasskazovo Tambovskoy gubernii: avtoreferat diss. ... kanidata istoricheskikh nauk* [Specificities of the Socio-Demographic Aspect of the Population of a Trading and Industrial Village in the First Half of the 19th Century: A Case of the Village of Rasskazovo in the Tambov Province: Abstract of the PhD Candidate Diss. in History]. Tambov: TGU imeni G.R. Derzhavina, 2003. 22 p.
- Naseleennyye mestnosti Moskovskoy gubernii* [Populated Areas of the Moscow Province] / Ed. by B.N. Penkina. Moscow: Moskovskiy stolichnyy i gubernskiy statisticheskiy komitet, 1913. 454 p.
- Ocherki istorii Kirsanova: gody i lyudi* [Essays on the History of Kirsanov: Times and People] / Ed. by V.V. Kanishchev. Tambov: Michurinsk, 2014. 226 p.
- Opisaniye dvortsa tsarya Alekseye Mikhailovicha v sele Kolomenskom* [Description of the Palace of Tsar Alexei Mikhailovich in the Village of Kolomenskoye] / Compiled by N. Chayev. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K°), 1869. 39 p.
- Pamyatniki istorii i kul'tury Vladimirskoy oblasti: katalog* [Monuments of the History and Culture of the Vladimir Region: A Catalog] / Compiled by V.A. Kostkin et al. Vladimir: Izdatel'stvo Pokrova, 1996. 520, [72] p.
- Podklyuchnikov V.N. *Kolomenskoye: putevoditel'* [Kolomenskoye: A Guidebook]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii arkhitektury SSSR, 1944. 64 p.
- Polyanchev V.I. *Zaraysk* [Zaraysk]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1972. 144 p.
- Razumovskiy F.V. *Khudozhestvennoye naslediyе Serpukhovskoy zemli* [Artistic Heritage of the Land of Serpukhov]. Moscow: Iskusstvo, 1992. 246 p.
- Snegirev I.M. *Moskva. Podrobnoye istoricheskoye i arkhеologicheskoye opisaniye goroda* [Moscow. Detailed Historical and Archaeological Description of the City]. Vol. I. Moscow: Izdaniye Martynova, 1875. 335 p.
- Subbotin A.N. *Selo Kolomenskoye* [The Village of Kolomna]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1947. 44 p.

Suzdalev E.V. *Kolomenskoye. Gosudarstvennyy muzey-zapovednik XVI–XIX vekov* [Kolomenskoe. State Museum-Reserve from the 16th through the 19th Century]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1986. 80 p.

Sytin P.V. *Iz istorii moskovskikh ulits* [From the History of Moscow Streets]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1958. 843 p.

Tambovskaya entsiklopediya [Encyclopedia of Tambov] / Ed. by A.Yu. Il'in. 2nd ed., revised and enlarged. Tambov: Tsentr podderzhki muzeynogo dela "Provintsial'nyye usad'by", 2020. 1015 p.

Tikhomirov M.N. *Drevnyaya Moskva (XII–XV vv.)* [Ancient Moscow (from the 12th through the 15th Century)]. Moscow: MGU, 1947. 224 p.

Tikhomirov M.N. *Trudy po istorii Moskvy* [Works on the History of Moscow]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury; A. Koshelev, 2003. 685 p.

Topychkanov A.V. *Povsednevnyaya zhizn' dvortsovogo sela Izmaylova v dokumentakh prikaznoy izby posledney chetverti XVII v.* [Everyday Life of the Palace Village of Izmailovo in the Documents of the Uyezd Government Body (Prikaznaya Izba) in the Last Quarter of the 17th Century]. Moscow: Moskovskiyeh uchebniki i kartolitografiya, 2004. 367 p.

Tsvetkov D.A. *Staritsa i okrestnosti* [Staritsa and Its Surroundings]. 2nd ed., revised and enlarged. Kalinin: Moskovskiy rabochiy, 1986. 144 p.

Tverskaya oblast'. Entsiklopedicheskiy spravochnik [Tver' Region. Encyclopedic Reference Book]. Tver': Tverskoye oblastnoye knizhno-zhurnal'noye izdatel'stvo, 1994. 328 p.

Volkov S.I. *Krest'yane dvortsovykh vladeny Podmoskov'ya v seredine XVIII veka (30–70-ye gg.)* [Peasants of the Palace Estates of the Moscow Region in the Mid-18th Century (1730–1770s)]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 262 p.

Voronin N.N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XI–XV vv.* [Architecture of North-Eastern Rus', 11th–15th Centuries]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 583 p.

Zabelin I.E. *Domashniy byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletiyah* [Home Life of the Russian People in the 16th and 17th Centuries]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 963 p.

Zagrayevskiy S.V. *Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIII — pervoy trety XIV veka* [Architecture of North-Eastern Rus' of the End of the 13th and the First Third of the 14th Century]. Moscow: Alev-V, 2003. 134 p.

Zaozerskiy A.I. *Tsarskaya votchina XVII v. Iz istorii khozyaystvennoy i prikaznoy politiki tsarya Alekseya Mikhaylovicha* [Royal Patrimony of the 17th Century. From the History of the Economic and Order Related Policy of Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow: Sotsekgiz, 1937. 302 p.

Zemlya Vladimirskeya: geograficheskiy slovar' [Terrain of Vladimir Region: Geographical Dictionary] / Comp. by V.V. Nil'skiy; ed. by N.I. Shishkin. Yaroslavl': Verkhne-Volzskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1984. 184 p.

Zontikov N.A. *Makariyev-Reshemskiy monastyr': vekhi istorii* [Makariev-Reshemsky Monastery: Milestones of Its History]. Kineshma: Makariyev-Reshemskiy zhenskiy monastyr' Kineshemskoy yeparkhii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi (Moskovskiy Patriarkhat), 2019. 880 p.

Поступила в редакцию
12 сентября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-175-183

Е.Д. Бирюкова

**ТИРАЖИРОВАНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ
ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫХ СЕМЕЙНЫХ СЦЕН
В ПРАКТИКЕ ЖАНА-БАТИСТА ГРЕЗА:
ПОДГОТОВКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА**

E.D. Biryukova

**REPRODUCTION AND POPULARIZATION OF MORALIZING
FAMILY SCENES IN JEAN-BAPTIST GREUZE'S PRACTICE:
PREPARATION AND ORGANIZATION OF THE PROCESS**

Аннотация. Жан-Батист Грész (1725–1805) прославился как мастер портретов и нравоучительных семейных сцен. В то же время он достиг исключительных успехов в деле популяризации своего искусства путем гравирования собственных композиций. Предметом настоящего исследования являются подготовительные рисунки-моделло к семейным сценам мастера и организация процесса их репродуцирования в гравюре. Данный аспект его творческой деятельности является еще не изученным, как и в целом графическое наследие художника мало освещено в русскоязычной историографии. В ходе исследования поэтапно реконструируется деятельность Ж.-Б. Грэза как популяризатора семейных сцен в гравюре на основе доступных автору исторических документов, анализа оригиналов рисунков и гравюр из отечественных и зарубежных коллекций. Выделяются такие аспекты творческого процесса художника, как графическая разработка и подготовка композиций к гравированию, достижение специфических качеств в рисунках в связи с технологиями дальнейшего репродуцирования, взаимодействие с мастерами-граверами и организация творческих и технических работ в рамках особого объединения. Автор приходит к выводу, что мастер выбирал определенный ряд гравировальных техник по критерию наиболее точного отражения художественных свойств оригиналов. Привлекая к сотрудничеству особый круг мастеров-граверов, он создал монопольное объединение для контроля за процессом создания, произ-

Бирюкова Елизавета Дмитриевна, научный сотрудник, эксперт отдела научной экспертизы ВХНРЦ имени академика И.Э. Грабаря

Biryukova Elizaveta Dmitrievna, Research Fellow, Expert, Department of Scientific Expertise, The Grabar Art Conservation Center

birlis@mail.ru

ORCID: 0009-0001-6297-4498

водства и продажи оттисков. В результате Ж.-Б. Грёз достигал выдающихся и специфических художественных качеств в рисунках, предназначенных для дальнейшего тиражирования, и в самих оттисках. Еще современники обратили внимание на превосходного качества гравюры, которые удивительно точно передавали индивидуальность техники Грёза, и выделяли их среди массовой тиражной продукции во Франции XVIII в. Рассмотренная система создания и популяризации тиражной графики явила пример оригинальной для своего времени организации гравировального процесса, показала не только художественные, но и практическо-деловые способности выдающегося мастера и стала тем аспектом деятельности Ж.-Б. Грёза, который дал новую грань понимания его художественного наследия.

Ключевые слова: рисунки-моделло к гравюре, объединение живописца и гравера, французская гравюра XVIII в., офорт, резцовая гравюра, Жан-Жорж де Вилль, Жан Массард, Жан-Жак Флипар, Жан-Шарль Левассер.

Abstract. Jean-Baptiste Greuze (1725–1805) was famous for portraits and moralizing family scenes. At the same time, he achieved exceptional success in popularizing his art by engraving genre compositions. This article examines preparatory modellos for his family scenes and the organization of their engraving process. This aspect of his activity has not been yet studied, and his drawings are little covered in Russian-language literature. The study reconstructs step by step the activity of Greuze as a popularizer of family scenes in prints on the basis of the documents available to the author, analysis of original drawings and prints from Russian and foreign collections. It highlights such aspects of the creative process as preparation of compositions for engraving, achievement of specific qualities in the drawings in connection with the technologies of further reproduction, interaction with engravers and organization of creative and technical works within the special association. The author concludes that the master chose a limited number of engraving techniques by the criterion of the most accurate reflection of the artistic properties of the originals. By engaging a special circle of engravers, he created a monopoly association to control the process of creating, producing and selling prints. As a result, Greuze achieved outstanding and specific artistic qualities in his drawings intended for further duplication. Even contemporaries paid attention to the excellent quality of Greuze's engravings, which amazingly accurately conveyed the individuality of his technique, and singled them out among the mass production of general circulation in eighteenth-century France. This system of creation and popularization of drawings was innovative in the field of engraving. It reveals practical and business abilities of the outstanding artist, as well as a new insight into Greuze's artistry.

Keywords: modellos for engraving, association of a painter and an engraver, eighteenth-century French engraving, etching, gravure au burin, Jean-Georges Wille, Jean Massard, Jean Jacques Flipart, Jean Charles Levasseur.

* * *

Жан Батист Грёз (1725–1805) — французский художник и рисовальщик эпохи Просвещения, мастер бытового и портретного жанров, чей расцвет славы и востребованности пришелся на пери-

од участия в Салонах 1759–1769 гг. Еще в прошлые столетия знатоки творчества Грёза отмечали его честолюбивые порывы и талант популяризатора своего искусства: он «не счел нужным довольствоваться мимолетным восхищением; он пожелал, чтобы проявленный им талант был известен всей Европе так же, как на его родине и дошел до самых отдаленных потомков. Поэтому он задумал их выгравировать»¹.

Тесные связи между живописцем и его граверами во Франции можно найти со времен С. Вуэ и Н. Пуссена. Но данный аспект творчества Ж.-Б. Грёза мало отражен в отечественной и зарубежной научной литературе, несмотря на особенную важность для метода Грёза не только как живописца и автора нравоучительных семейных сцен, но особенно как рисовальщика и популяризатора востребованных сюжетов. Через взаимодействие с граверами раскрывается назначение рисунков, специфика применяемой графической техники и секреты достижения художественных качеств. Также анализ взаимоотношений художника с его граверами позволит раскрыть социальные аспекты бытования произведений, способы и механизмы популяризации композиций автора, в чем у Грёза был обнаружен особый для его времени подход.

Исключительность Грёза как популяризатора своего искусства определяется тремя факторами: *подготовкой материала* для тиражирования, *выбором техники гравюры* и оригинальной для своего времени *организацией совместного труда художника и гравера*. Хотя существуют оттиски с его работ разных жанров, но источники и литература, раскрывающие все три аспекта процесса тиражирования, касаются материала произведений именно бытового жанра с нравоучительными семейными сценами. По этой причине ограничим предмет исследования указанными жанрово-сюжетными рамками.

На первом этапе процесса тиражирования Жан-Батист Грёз создавал рисунки, которые предназначались для воспроизведения гравером на медной пластине и относились к отдельному типу подготовительных листов-моделло для гравюры. Такие листы создавались на основе картин, если живописный вариант был реализован, или на основе подготовительных к ним композиционных этюдов, входящих в многоэтапный процесс разработки сюжетных сцен.

Об этом свидетельствуют дошедшие до нас документы, контракты с граверами, обнаруженные Эдгаром Манхаллом², с указаниями

¹ Bulletin de la Société d'Emulation d'Abbeville. VIII. 1909–1911. P. 316.

² Munhall E. Greuze the Draftsman. London, 2002. P. 200.

на рисунки — моделло к нравоучительным семейным сценам. Это графические листы «Балованное дитя» (ок. 1765, кисть, серая тушь, отмывка, графитный карандаш, бумага кремового тона, 450 x 340 мм. Вена, Альбертина), «Горячо любимая мать» (кисть, серые чернила, черный мел, бумага белого тона, 490 x 624 мм. Художественная галерея Южного Уэльса, Сидней), «Неблагодарный сын» (кисть, серые чернила, квадратная разметка графитным карандашом, бумага, 489 x 625 мм, Музей Гетти, Лос-Анджелес), «Порванное завещание» (1775, кисть, серые чернила, белила, графит, бумага, 310 x 408 мм. Частное собрание).

Если поставить данные рисунки-моделло рядом, то обнаруживается их техническая и художественная общность. Их объединяет техника кистевого рисунка серой тушью по разметке мелом или графитным карандашом, который оставляет незаметный линейный каркас сцены. Художественные особенности рисунка удивительно точно совпадают с возможностями резцовой гравюры, использовавшейся для тиражирования данных композиций. Грз создавал кистью ясно отчетливые границы тональных плоскостей и форм фигур, предметов интерьера, которые затем передаст резец. В то же время он, используя лишь один серый цвет туши, достигает отмывкой тоном эффекта, которого добьется гравер частотой и глубиной травленных штрихов. Разнообразие тонов в рамках локального колорита кажется особо впечатляющим именно на рисунках-моделло данного типа: мы видим стереометричность пространства, скульптурность фигур, а четкость деталей, разница фактур, замкнутость всех тональных пятен впечатляют крайней степенью продуманности всей композиции.

Чтобы описать удивительное качество таких графических листов, современники подбирали слова «ценный», «абсолютно завершенный», «тщательно и тонко сделанный»³. Рисунки-моделло путем гравирования проходили своего рода испытание на качество, так как, по мысли критика-современника Дени Дидро, гравюра, как «лакмусовая бумага» для произведения-оригинала, обнажает его недостатки или подчеркивает достоинства⁴. Ошибки в передаче объема на оригинале заставят фигуры на гравюре смотреться плоско, неточности в передаче фактуры и цвета сделают изображенный объект непонятным. Но Грз блестяще проходил такого рода проверку не

³ Sale catalogue of Paule de Rigaud (1740–1817), comte de Vaudreuil's collection of 26 November 1787, Lebrun, Paris. Цит. по: *Arquié-Bruley F. Documents notariés sur Greuze // Bulletin de la Société de l'histoire de l'art français*. 1983. P. 127.

⁴ *Дидро Д. Собр. соч.*: в 10 т. Т. 6. М., 1946. С. 43–44.

только на этапе создания подготовительных моделло, но и на этапе подбора техники гравирования, чтобы подчеркнуть и передать художественные достоинства своих графических произведений.

Грёз выбирал граверов по технике, которой владел мастер, а не по индивидуальной манере, пусть даже выдающейся, так как в гравюре больше всего ценилась способность адаптироваться под стиль автора оригинала⁵. В данном случае примечательно то, что автор не подстраивался под удобную гравюру технику, а выбирал мастера по его техническим возможностям: по принципу соответствия их технических приемов художественным качествам, заложенным в авторских рисунках-моделло. В связи с этим Жан-Батист Грёз предпочитал сотрудничество в тиражировании семейных сцен с мастерами узкого круга, имеющими общие черты.

Мы обнаруживаем свидетельства о нескольких именах граверов и несколько техник. Во-первых, это близкий друг художника в 1750-х — середине 1760-х гг. Жан-Жорж де Вилль (1715–1808), немецкий гравер, живший в Париже. Он своим творчеством оживил классическую технику сухой гравюры резцом, внедрив изменения не столько в законы технологии, сколько в качественные характеристики и в репертуар приемов⁶. Гравюры Вилля выделялись удивительной систематичностью, с которой поперечная штриховка перемежается с взмахом линий и точками, чередуются толстые и тонкие штрихи, выделяются наложением более легких штриховок на геометрически четкие толстые линии. Традицию Вилля развивали граверы его поколения, и одним из них был Жан Массард (1740–1822)⁷, с которым сотрудничал Грёз для выполнения гравюр с программных нравоучительных семейных сцен «Горячо любимая мать» (1765, холст, масло. Частная коллекция), «Дама-благотворительница» (1772–1775, холст, масло. Музей изящных искусств, Лион). Любовь Грёза к деталям, обнаруженная в зрелых работах 1760–1770-х гг., тщательность и скрупулезность разработки как нельзя лучше подходят для перевода на язык техники резца.

Вторая техника — офорт и резец. Ее наиболее высоко оценивали современники: офорт сам по себе казался слишком ненадежным и живописным, причудливым для того, чтобы добиться определенности впечатления, которое должна была производить сюжетная картина, но он более, чем только лишь один резец, способен имитиро-

⁵ Mcallister-Johnson W. La gravure d'histoire en France au XVIIIe siècle (I) // *Revue de l'Art*. 1993. P. 30.

⁶ Hind A.M. *A History of Engraving and Etching*. North Chelmsford, Mass., 2011. P. 203.

⁷ Ibid. P. 373.

вать свободу кисти, поскольку эта техника включает в себя элемент случайности и соответствует легкости и виртуозности оригинала; две техники вместе лучше, чем порознь могут передать всё, что заложено в произведении⁸.

Действительно, это смешение живописности офорта с твердостью и четкостью резца давало возможность, с одной стороны, передавать непосредственность прикосновения руки, заложенную в рисунке, или трепет мазков и своеобразия фактуры на картине. Но, с другой стороны, на такой гравюре четко фиксировались детали, важные для нравоучительных сцен Грёза, — фрагменты формы, различные фактуры, нюансы тона. Такие характеристики стали особенно актуальны для изысканных, утонченно содержательных картин стиля рококо, и ее начал особенно активно использовать Ватто, создавший целую школу, а вслед за ним Буше и далее Грész, который сотрудничал с граверами, продолжавшими традицию Ватто, — Жан-Жаком Флипаром (1719–1782) и Жан-Шарлем Левассером (1734–1816)⁹.

После подготовки рисунков-моделло и выбора гравера Грész приступал к организации совместных работ. Им была реализована идея создания монопольного объединения из трех участников, о чем мы знаем по четырем свидетельствам, сообщающим о воспроизводстве в гравюре именно семейных сцен — «Паралитик» и «Деревенская помолвка» (запись судебного разбирательства с сестрой гравера Ж. Флипара 1783 г.)¹⁰, «Горячо любимая мать» (контракт с Ш. Порпорати 1771 г.)¹¹, «Наказанный сын» (контракт с Р. Гийром 1779 г.)¹², «Порванное завещание» (контракт с Ш. Левассером 1785 г.)¹³. Данные документы раскрывают следующие подробности функционирования объединения.

Грész вместе со своей супругой Анной-Габриель Бабути в роли коммерческого партнера и с гравером организовал монопольное объединение, в котором распределение производственных ролей

⁸ *Watelet C.-H., Levesque P.-C. Dictionnaire des arts de peinture, sculpture et gravure. 1792. Vol. II. P. 494. Цит. по: Mcallister-Johnson W. Op. cit. P. 29–44.*

⁹ *Hind A.M. Op. cit. P. 371.*

¹⁰ *Macqueron H. Op. cit. P. 315–320.*

¹¹ Описан Антони Гриффитсом: *Griffiths A. Greuze et ses graveurs. // Nouvelles de l'estampe. 1980. N 52–53. P. 10.*

¹² *Arquié-Bruley F. Documents notariés sur Greuze // Bulletin de la Société de l'histoire de l'art français. 1983. P. 129, 134–135.*

¹³ Манхалл упоминает факт существования контракта и уточняет, что гравюра, возможно, основывается на картине и созданном с нее рисунке-моделло, однако местонахождение самой картины и упоминания о ее существовании неизвестны. Но рисунок-моделло дошел до нас и описан в каталоге: *Munhall E. Op. cit. P. 216.*

и сбыт продукции осуществлялись централизованно, под контролем художника. Грёз сам выполнял рисунки-моделло для гравюры и передавал граверу для воспроизведения на пластине. Таким образом, он смог избежать еще одного посредника в интерпретации собственных работ и достичь неукоснительно точного воспроизведения гравером своих сцен в деталях и размерах, к чему художник особо ревностно относился¹⁴. Гравер же получал готовый подготовительный рисунок и сразу с него мог изготавливать пластины, за которые получал фиксированную плату (например, Жан-Жак Флипар получил 3000 ливров за две)¹⁵. Гравировальные пластины оставались в собственности художника и его жены, а оттиски компаньоны делили между собой и имели право продавать, выбирая способы, вероятно, самостоятельно, но по оговоренной фиксированной цене, чтобы художник мог получать и контролировать прибыль со всех продаж. В несоблюдении этих правил впоследствии была уличена жена Грёза¹⁶.

Для контроля количества произведенных на продажу оттисков и, следовательно, доходов с них, художник и гравер ставили на обороте каждого листа личные подписи чернилами от руки¹⁷. Антони Гриффитсом были найдены такие парные автографы (Грёза и четырех разных граверов) на оборотах 11 гравюр разных лет из коллекции Британского музея¹⁸. Кроме подписей указаны и адреса издательства, которые указывают на то, что Грёз, вероятно, издавал гравюры в собственном доме (например, надпись “à Paris chés J.B. Greuze, Rue Notre Dame des Victoires, No. 12” на гравюре «Наказанный сын» из Британского музея № 1869,0410.1343). В таком случае дополнительная печать с пластин и тайная продажа неучтенных оттисков могла быть легко выявлена и использована как аргумент для наложения санкций на недобросовестного партнера. Кроме того, были приняты необходимые меры по роспуску объединения и по распределению общего имущества в случае смерти того или иного участника.

¹⁴ Ibid. P. 200.

¹⁵ *Brookner A. Greuze : the rise and fall of an eighteenth-century phenomenon.* London, 1972. P. 78.

¹⁶ *Macqueron H.* Op. cit. P. 315–320.

¹⁷ Манхалл считает, что обязательное проставление подписей было оговорено договором (*Munhall E.* Op. cit. P. 200).

¹⁸ Список данных 11 оттисков — с картин “La Pleareuse”, “Le Paralytique servi par ses enfants”, “L’Accordée de village”, “Le Gâteau des Roi”, “La Cruche cassée”, “La Mère bien-aimée”, “La Vertu chancelante”, “La Dame bienfaisante”, “La malédiction paternelle, Le Fils pun”, “La Belle-mère”. Гриффитсу принадлежит интерпретация парных подписей через специфику объединений Грёза с граверами. (*Griffiths A.* Op. cit. P. 10).

Помимо организации тиражирования своих удачных композиций Грëз занимался и их рекламой. Он публиковал репродукции картин, стимулируя продажи гравюр, в журналах. Например, гравюра из Британского музея «Наказанный сын» рекламировалась в «Affiches annonces et avis divers»¹⁹ (как и другие из британской коллекции, «Отцовское проклятье», № 1869,0410.1342, «Паралитик», № 1873,0712.311, «Тише!», № 1917,1208.1351, имели рекламу в журналах «Affiches annonces et avis divers», «Journal de Paris», «Avant Coureur»).

Описанный процесс тиражирования и популяризации нравоучительных семейных сцен Грëза давал беспрецедентные преимущества всем партнерам в объединении. Художник разделял риски предприятия с компаньонами, заручался постоянным гравером на срок договора в несколько лет, а также получал как контроль над процессом и качеством производства гравюр, так и прибыль с общего объема продаж. Гравер же имел постоянную работу и стабильный доход. Мадам Грëз могла успешно зарабатывать на продаже оттисков, пользуясь возможностями своего отца Франсуа Бабути, который имел книжный магазин, или лавку. Успех такого художественно-производственного объединения можно оценить материально: по сведениям Пьера-Жана Мариетта, Грëз «сам и граверы заработали себе целое состояние»²⁰, а именно 300 тыс. ливров в результате работы по контракту с первыми граверами (Флипаром, Гайяром, Левассером и Массаром), по личному признанию художника²¹.

До Грëза ассоциация с гравером для сохранения эксклюзивного права продажи гравюр со своих картин была реализована только Ланкре²², что позволяет считать Грëза пионером новаторского подхода к данному виду деятельности. Однако не только коммерческий успех достигался мастером, но и высокий художественный уровень репродукций. Еще современники обратили внимание на прижизненные гравюры, которые сохраняли высокое качество, удивительно точно передавали индивидуальность техники Грëза, и выделяли их среди массовой тиражной продукции во Франции XVIII в.²³

¹⁹ Согласно хранительским данным из онлайн-каталога Британского музея: Le fils puni. René Gaillard after Jean Baptiste Greuze. Curator's comments. — URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1869-0410-1343 (дата обращения 19.01.2022).

²⁰ Abecedario de P.J. Mariette et autres notes inédites de cet amateur sur les arts et les artistes. Vol. 2. Paris, 1854. P. 331.

²¹ Archives de l'art français : recueil de documents inédits relatifs à l'histoire des arts en France publié sous la direction de Ph. de Chennevières. Vol. II. Paris, 1852. P. 163. — URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5550845x/f183.item> (дата обращения 20.01.2022).

²² Brookner A. Op. cit. P. 77.

²³ Griffiths A. Op. cit. P. 9–11.

References

Arquié-Bruley F. *Documents notariés sur Greuze* // Bulletin de la Société de l'histoire de l'art français. Année 1981. Paris: Société de l'histoire de l'art français, 1983. P. 125–154.

Brookner A. *Greuze: The Rise and Fall of an Eighteenth-Century Phenomenon*. Greenwich, Conn.: New York Graphic Society Ltd., 1972. 176 p.

Griffiths A. *Greuze et ses graveurs* // *Nouvelles de l'estampe*. 1980. July–October. N 52–53. P. 9–11.

Hind A.M. *A History of Engraving and Etching*. North Chelmsford, Mass.: Courier Corporation, 2011. 512 p.

Mcallister-Johnson W. *La gravure d'histoire en France au XVIIIe siècle (I)* // *Revue de l'Art*. 1993. N 99. P. 29–44.

Munhall E., Novosselskaïã I.N. *Greuze the Draftsman*. London: Merrell in association with the Frick Collection, 2002. 283 p.

Watelet C.-H., Levesque P.-C. *Dictionnaire des arts de peinture, sculpture et gravure*. Vol. 2. Paris: L.F. Prault, 1792. 494 p.

Поступила в редакцию
30 марта 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) – доктор исторических наук, академик РАО, профессор; АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович (заместитель главного редактора) – кандидат исторических наук; БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич (заместитель главного редактора) – кандидат исторических наук; БОРИСОВ Николай Сергеевич – доктор исторических наук, профессор; БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич (ответственный секретарь) – доктор исторических наук, профессор; БОРОДКИН Леонид Иосифович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; ВАНЕЯН Степан Сергеевич – доктор искусствоведения; ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич (заместитель главного редактора) – доктор исторических наук, профессор; ДЕВЯТОВ Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор; КАНТОНОВИЧ Анатолий Робертович – доктор исторических наук; КАРЕВ Андрей Александрович – доктор искусствоведения, профессор; КАРПОВ Сергей Павлович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор; КОШЕЛЕВА Галина Владимировна (редактор); КОШМАН Лидия Васильевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник; ЛИТВИНА Наталья Викторовна – старший научный сотрудник; МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович – доктор исторических наук, профессор; МИРОНЕНКО Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор; ОРЛОВ Степан Владимирович – кандидат экономических наук; ПИВОВАР Ефим Иосифович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; ПОДОСИНОВ Александр Васильевич – доктор исторических наук; РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор; РОГУЛЕВ Юрий Николаевич – кандидат исторических наук; САПРЫКИН Сергей Юрьевич – доктор исторических наук; СЕДОВ Владимир Валентинович – доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; СИМОНОВ Вениамин Владимирович – доктор экономических наук, профессор; СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна – кандидат исторических наук; ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна – кандидат исторических наук; ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 20.06.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 10,69. Тираж 120 экз. Изд. № 12307. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>